

Предисловие

Политическая культура – один из наиболее дискутируемых концептов современных политических наук, теории и философии культуры. Особенно жаркие споры вызывает отечественная политическая культура, в первую очередь – ее потенциал и перспективы. В этом плане разброс мнений достигает полярности: от уникальности и чрезвычайной перспективности российской политической культуры – до ее исчерпанности.

Аналогична ситуация и в учебно-методическом плане. Тематика политической культуры представлена разделами (главами и параграфами) в учебниках по политологии, культурологии и социологии культуры, в которых политическая культура рассматривается в контексте практик политического участия, роли личности в политике, психологии поведения, т.е. преимущественно в качестве мотивационного фактора. Иногда авторы ограничиваются описанием политических культур исторического прошлого или своеобразия политических культур различных стран. Из работ, посвященных особенностям российской политической культуры, в этой связи следует отметить книгу Ю.С. Пивоварова «Политическая культура пореформенной России» (М.: ИНИОН РАН, 1994), публикацию очень содержательной дискуссии «Куда ведет кризис культуры?» (М.: Либеральная миссия, 2011), в которой принимали участие А.П. Давыдов, И.М. Клямкин, А.В. Тихонов, И.А. Яковенко и другие видные отечественные исследователи и эксперты.

Ни в коей мере не оспаривая содержание и значение этих и ряда других работ, а наоборот – в соответствующих разделах, по возможности, отсылая к ним, автор данного текста позволил себе сделать акцент на нескольких аспектах, которые хотелось бы оговорить.

Во-первых, в данной работе делается акцент на ценностно-нормативных аспектах социогенеза, что позволяет не только рассматривать динамику политической культуры, ее роль в развитии общества, но и позволяет не противопоставлять различные концепции и подходы (либерализм и коммунитаризм, марксизм и корпоративизм, институционализм и солидаризм, рационализм и постсекуляризм и проч.), рассматривать их как не исключающие, а взаимодополняющие друг друга, раскрывая их возможности в зависимости от исторической и конкретной политической ситуации в конкретном обществе. Это позволило нам опереться на результаты международной программы World Value Survey (WVS), в рамках которой на протяжении почти

40 лет отслеживалась динамика ценностей в более чем 80 странах и на данных которой Р.Инглхартом и его коллегами была построена модели человеческого развития, на ряд других авторитетных международных исследований, таких как «Culture matters», исследования Г. Хофстеде, Р.Льюиса, органично использовать их результаты в контекст учебника.

Этот нормативно-ценностный подход позволил, во-вторых, как представляется уйти от понимания политической культуры как преимущественно ментального (психологического) феномена, показать ее объективное институциональное содержание и значение. Политическая культура систематически рассматривается как проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институциональным содержания. Особое внимание при этом уделено факторам, определяющим формирование и развитие политических культур, что открывает возможность не только учитывать роль политической культуры в процессе выработки и проведения реформ, но и управления развитием самой политической культуры, ее связь с национальными и корпоративными деловыми культурами, что весьма плодотворно для осмысления политической культуры на макро- и микро-уровнях рассмотрения.

И, наконец, в-третьих, такой подход открывает возможность систематического осмысления политического развития российского общества, история и современность которого является удивительно богатой материалом для использования практически всей палитры концептуального аппарата, развитого современной политической мысли.

Содержание данной книги во многом является дополнением и развитием двух работ «Политическая философия» (М.: Юрайт, 2014) и «Политическая культура» (М.:Юрайт, 2014), выполненных под общей редакцией автора. Поэтому данная работа рекомендуется в комплексе у этими книгами.

Ряд основных идей относительно особенностей содержания и судьбы российской культуры был сформулирован автором ранее в работах: «Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы» (СПб: РХГИ, 1996); «Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы» ((Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001); «Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности» (СПб: Алетейя, 2002), а также журнальных публикациях. Без публикаций в таких периодических изданиях, как «Вопросы

философии», «Культура и семиозис», «Публичная политика», «Философские науки», «Человек.ru», «Journal of Russian Communication» и других ряд авторских идей, используемых в данной работе, не прошел бы научную апробацию.

Искренняя авторская признательность Российской ассоциации политических наук (РАПН). Конгрессы, конференции и симпозиумы, организуемые РАПН и при ее поддержке, всегда отличаются высоким теоретическим уровнем и широкой палитрой обсуждаемых вопросов, что весьма помогло дать максимально возможный обзор современных точек зрения, позиций и подходов к осмыслению роли и значения политической культуры в современном обществе, специфики российской политической культуры.

Автор также благодарен своим коллегам по кафедре прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), студентам – бакалаврам и магистрантам, принимавшим активное участие в семинарах и коллоквиумах, на которых обсуждались многие идеи, представленные в книге, что позволило более точно расставить акценты.

1. Политическая культура: значение и подходы к изучению

Понятие и роль политической культуры. Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации. Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры.

Понятие и роль политической культуры

В теории культуры давно отмечается обилие подходов к трактовке феномена культуры – факт хорошо известный гуманитариям. Однако все это разнообразие определений можно свести к нескольким группам. Прежде всего, это «ценностное» понимание культуры, при котором под культурой понимается совокупность материальных и духовных ценностей народа или человечества в целом. Действительно, ни одно общество не может существовать и развиваться без накопления опыта предшествующих поколений, ибо только на их основании становится возможной жизнь последующих. Согласно другому – «деятельностному» («технологическому») – подходу, культура есть способ жизнедеятельности. Все люди спят, едят, трудятся, любят, но в каждом обществе это делают по-своему. Именно «быт и нравы», или принятые в данном сообществе способы, осуществления жизненных актов понимаются здесь как выражение конкретной культуры. В «деятельностно-технологическом» понимании к культуре относятся и такие сомнительные, с точки зрения ценностного подхода, явления как, скажем «культура преступного мира», «технология» средств массового уничтожения. Существует и третье понимание, когда культурными признаются не все без исключения способы осуществления жизнедеятельности, а только такие, которые способствуют развитию, совершенствованию и возвышению человека.

«Ценностный», «деятельностно-технологический», «человекотворческий», каждый в чем-то по своему справедлив, поскольку акцентирует внимание на разных, но, в то же время, действительно важных сторонах культуры. Особый интерес представляет предложенное Ю.М. Лотманом определение культуры как «внегенетического механизма наследования социального опыта». Действительно, в отли-

чие от животного, поведение человека программируется не только и не столько генетически, сколько социально-культурно. Поведение животного регулируется инстинктами, то есть является врожденным, полностью заданным каждому животному и каждому виду животных генетически. Животное, а точнее – вид, выживает за счет того, что он уже «заранее» приспособлен жизни в определенной среде. Если же среда меняется вид может сохраниться только за счет изменения генотипа (мутации). Человек, не меняясь как биологический вид, он изменяет саму окружающую среду, как бы заставляя ее «мутировать» в нужном ему направлении: он заменяет природную среду искусственно создаваемой культурной средой, превращая натуру в культуру. Но, оказываясь в новой, им самим созданной среде, человек испытывает на себе ее обратное воздействие. Его собственное «творение», в свою очередь, начинает изменять его самого – но уже не как вид, а как личность.

В этом плане, обобщая упомянутые подходы, *культуру можно понимать как систему порождения, накопления, хранения, передачи социального опыта.*

Культура упорядочивает деятельность человека тем, что фиксирует конкретные нормы – правила этой деятельности по достижению целей. Последние могут быть конкретными, выражающими представления о желаемом результате, а могут и выражать представления о нереализуемом полностью, но желаемом идеале (истины, добра, красоты, свободы, святости). В обоих случаях речь идет о материальных и духовных ценностях – образцах желаемого должного. Ценности – не предметы, не вещи, а их значения для человека и общества. Мир ценностей – мир значений. Здание – памятник культуры, книга – ценности не в силу их материальной вещественности, а в силу того значения, которое они имеют для социального опыта и памяти о нем. Ценностные установки и ориентации определяют стремления и намерения людей. Их реализация предполагает деятельность, осуществляемую по каким-то правилам, образцам – тем же нормам, определяющим социально приемлемые средства и способы достижения целей. Наиболее развитой формой норм являются институты, к динамике формирования и развития которых мы еще вернемся

Ценности и нормы образуют единые комплексы – нормативно-ценностные системы. В основе любой сферы человеческой деятельности мы можем обнаружить такую нормативно-ценностную систему. Деятельность всякого социального института от религиозной секты до Академии наук, от политической партии, до семейного

круга строится на том или ином нормативно-ценностном фундаменте. Именно в нем аккумулируется социальный опыт, который есть не что иное как совокупность определенных программ эффективной (результативной) целесообразной деятельности.

Культура, таким образом, предстает совокупностью нормативно-ценностных систем, действие которых закрепляется в многообразных формах вовлечения человека в социально упорядоченную деятельность. Формы такого вовлечения достаточно многообразны. Это и детские игры, и личный пример окружающих, прежде всего – родителей, и обучение (школьное и профессиональное) – все то, из чего складывается личный опыт личности. Итогом этого процесса и является социализация личности – формирование социального субъекта, способного к активной продуктивной деятельности.

В определенном отношении культура напоминает игру. Игра вообще имеет в культуре важнейшее значение. Важность этой свободной, вроде бы необязательной, несерьезной деятельности трудно переоценить. В играх усваивает первоначальный жизненный опыт ребенок. Игры взрослых не только связаны с досугом, отдыхом, развлечениями. Широкое применение имеют обучающие игры, деловые игры как метод принятия решения.

Художественное творчество включает в себя явно выраженный игровой компонент. Политика, бизнес во многом имеют соревновательный (игровой) характер. Конфликты, переговоры, даже войны содержат в себе игровые моменты. Религиозные ритуалы, придворный церемониал, дипломатический и бытовой этикет, все это происходит по правилам, представляющимся совершенно естественными их участникам, но с точки зрения постороннего наблюдателя могут показаться какими-то непонятными играми взрослых, серьезных людей. Все мы постоянно, удачно и не очень, играем какие-то социальные роли: ребенка, родителя, товарища, пассажира, покупателя, продавца и т. п. И вообще, как известно: что наша жизнь? – игра!

Что характерно для игры? Прежде всего, любая игра условна, осуществляется по каким-то правилам, о которых играющие договариваются специально или они должны быть им заранее известны и, пусть даже и молчаливо, приняты. Любая игра ограничена в пространстве и времени. Игра имеет какие-то границы, место: арена, площадка, стадион, стол... В нее можно войти, а можно выйти. Игра начинается, длится, заканчивается – имеет границы во времени. У каждой игры имеется свой сюжет, завязка, интрига, завершение, итог. Игра вызывает напряжение, требует мобилизации физических, интеллектуальных, духовных сил. Она вовлекает человека, способна доставить ему удовольствие и удовлетворение. Игра предполагает успех или неудачу, соревновательность. Каждая игра творит свой порядок, осуществляется по правилам и требует по-

слушания этим правилам, их соблюдения. Тем самым игра объединяет, создает сообщества. Одновременно игра отделяет играющих от «непосвященных», создавая даже иногда атмосферу секретности. В игре выражаются способы деятельности и осмысления действительности, человека, его возможностей и целей.

Все эти характеристики применимы и к культуре, к человеческой жизни в целом. По отношению к самым серьезным вещам всегда можно найти какую-то внешнюю, стороннюю позицию, когда они предстают игрой. Но тогда – существует ли что-то «всерьез», не игра? Ответ на такой вопрос, фактически есть вопрос личностного самоопределения, смысложизненный выбор личностью ценностной позиции, задающей смысл его существования, с которой он оценивает себя и действительность всерьез. Другими словами, «игры», которые кем-то играют всерьез, составляют содержание его идентичности, самоопределения. Если признать, что игра – понятие более общее, чем культура, то можно сказать, что игра – «инстинкт» культуры, тогда как культура – «сознание» игры.

Культура «предлагает» человеку определенные программы деятельности, в которых человек осваивает действительность. Она как бы очерчивает горизонт этой действительности, показывая человеку, что он может желать в этой жизни и какие средства удовлетворения этих желаний могут быть доступны ему в его положении. А поскольку человек осмысляет мир только в контексте своей деятельности и ее программ, то культура очерчивает границы и осмысленного (имеющего значение и понятного) мира человека, «рисует» ему определенную картину этого мира. Такая «картина мира», система взглядов, мировоззрения и миропонимания является основанием отличия одной культуры от другой. Эта картина мира выражается и закрепляется в мифах, религиозных верованиях, философских учениях и научных теориях.

В свете сказанного ***политическую культуру можно рассматривать как механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта.***

Если политика – деятельность, связанная с властными отношениями (принципами, нормами, институтами), гарантирующими жизнеобеспечение и развитие общества, то, вне зависимости от конкретной политической системы и исторической ситуации, реализация политического опыта предполагает решение вопросов о власти, жизнеобеспечении общества, а значит – проблем безопасности, развития, справедливого порядка, регулирующего реализацию интересов социальных акторов. При этом следует различать политику (policy), как конкретное решение, программу действий по решению проблем, реализации

интересов, как конкуренцию различных идей, целей, интересов, например, в связи с легализацией нового закона, нормы, положения, и политику (politics) – как борьбу за получение и удержание власти.

При этом, однако, центральным, системообразующим политический опыт является феномен и идея власти, которая не сводится к формированию и развитию государства. Политическое существовало до возникновения государства, оно проявляется в отношениях между различными организациями, в гражданском обществе, в межличностных отношениях.

Таким образом, политическая культура включает в себя целый ряд компонентов:

- политические институты, включая собственно политическую систему государства, порождения и функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти, политических партий и групп интересов, процедуры принятия политических решений, политической самоорганизации гражданского общества.
- политическое поведение, включая формы политического участия, профессиональной политической деятельности, традиции, практику правоприменения, разрешения конфликтов;
- политическое сознание, совокупность политических идей, знаний, убеждений, представлений, мнений.

Человек как социальное существо не принадлежит абстрактному обществу вообще. Его социальность всегда реализуется в конкретных общностях: семье, дворовой компании, компании школьных сверстников, трудовом коллективе, профессиональной группе. И для каждой из таких общностей характерны свои нормы, ценности, традиции и герои, предания и легенды, нередко – язык или жаргон. Культура всегда предстает не монолитным единством, а единством многослойным, многоукладным, наполненным пестротой быта нравов, обычаев. Люди всегда входят в некие профессиональные, возрастные, региональные и прочие сообщества, образующие «субкультуры». Субкультуры, выступая промежуточным звеном между личностью и обществом воздействуют на сознание человека, на его эмоциональную жизнь. В этом процессе огромную роль играют образцы, личный пример, подражание, формирующие представления о допустимом и недопустимом, правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, честном и бесчестном.

Политическая культура реализуется на нескольких уровнях: как национальная политическая культура, как региональные политические культуры и как политические субкультуры, различающиеся, пре-

жде всего, в зависимости от политических взглядов, убеждений и целей людей.

В политическом плане наиболее значимыми являются некоторые профессиональные субкультуры (бизнеса, чиновничества, военных, научного экспертного сообщества), возрастные (молодежь, ветераны и пенсионеры). Значимость их определяется как электоральными возможностями, так и другими формами социального капитала. Своей спецификой обладают и субкультуры политической элиты, иногда сознательно отделяющие себя от общего социума местом проживания, формами досуга, системой образования и т. д.

В целостной системе культуры общества политический опыт играет особую роль, обеспечивая совокупное единство этой системы. Политика в чем-то аналогична медицине. Так же как целью медицины является обеспечение здоровья (целостности) организма, так и целью политики является обеспечение здоровья (целостности) социума (общественного «организма»). Более полное содержание аналогии см. Табл. 1

Таблица. 1.

Аналогия медицины и политики

<i>Реальность («лаборатория»)</i>	<i>Суд, оценка («клиника»)</i>	<i>Политическая власть («здравоохранение»)</i>
Фактические данные	Помощь, консультация любому	Доступные формы политического участия, самоорганизации (доступные населению услуги)
<p>Самоорганизация («самолечение»)</p>		
Конфликты	Кодекс правил, норм, присяги, клятвы	Корпоративность профессионального сообщества, политического класса Обеспечение справедливости, дистанцирование в позиции «Третьего». Не м.б. беспредельного сострадания
<ul style="list-style-type: none"> - Интерпретация: сведение единичного и общего (квалификация), использование терминов, нарративы, аргументация - Решение (practical reasoning), риск, т.к. при дефиците времени и информации - Реализация решения = Событие 		

Доверие		} Необходимость гражданских инстанций, перед которыми исполнительные институты несут ответственность. Публичность, прозрачность. Роль СМИ.
Больной хочет выздороветь и имеет право знать диагноз и лечение.	Врач стремится излечить и сохранить тайну.	
Гражданин хочет решить проблему и знать способ ее решения	Власть хочет разрешить конфликт (проблему).	
Риск		
Больной не должен требовать бессмертия	Врач не должен злоупотреблять слабостью, незнанием и зависимостью больного.	
Гражданин не должен требовать решения исключительно в свою пользу.	Власть (суд) не должна злоупотреблять зависимостью гражданина.	

Это означает, что политика – не просто одна из подсистем социальной культуры, а одновременно, при этом и некий ее системообразующий принцип. Тем самым политическая культура:

- обеспечивает воспроизводство политической жизни, ее преемственность и развитие;
- участвует в социализации личности, усвоении ею норм и ценностей политической жизни конкретного общества, открывая личности возможность участвовать в жизни общества, реализовывать свои интересы в соответствии с принятыми политическими нормами, правилами;
- способствует обретению личностью сопричастности политической общности;
- выступает средством консолидации социальных сил и общества в целом.

В анализе и изучении политической культуры, таким образом, важны не только ценностные ориентации в поведении – в характере политической культуры необходимо учитывать также роль норм, институтов, политической системы, неоднозначность взаимоотношения политической культуры и политической системы, их взаимовлияние. Важны также учет динамики политической культуры, различных темпов ее регионального развития, наличие и роль этнических, религиозных, возрастных, гендерных субкультур.

Тем самым, на первый план в формировании и развитии политических культур выходят:

- ценностно-нормативные факторы формирования и развития общества
- стадии институционализации ценностно-нормативных комплексов культуры
- взаимосвязь политических и деловых национальных культур с субкультурами, включая организационные и корпоративные культуры.

Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации.

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А, поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, то и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Поэтому нередко под политической культурой понимают политическое поведение в зависимости от ценностных ориентаций. Так, Т. Парсонс и Э. Шилз определили политическую культуру как систему ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентаций и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике. Р. Карр и М. Бернштейн определили политическую культуру как установочную и поведенческую матрицу, способ политического поведения социальной группы и природу политических верований и ценностей ее членов.

Современное значение термина «политическая культура» в 1956 г было предложено Г. Алмондом – «как специфические модели ориентаций на политические действия».¹ В 1963 году Г. Алмондом и С. Вербой была предложена типология политических культур, выработанная ими на основе анализа политических систем Великобритании, Италии, Мексики, США и ФРГ), и которая традиционно рассматривается в качестве базовой в анализе политических культур. Политическая культура, по их замыслу, может быть представлена как «специфическое распределение типов ориентаций (patterns of orientations) по отношению к политическим объектам среди членов той или иной

¹ Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. № 3. P. 396.

нации»². Понимаемую таким образом политическую культуру можно «измерять» с помощью репрезентативных опросов, проводить сравнительные межстрановые и кросс-темпоральные исследования, подвергать полученные результаты статистическому анализу с целью проверки гипотез и т. д. Возможность применения количественных методов считается несомненным преимуществом данной концепции. Кроме того, данный подход позволяет изучать политическую культуру во всей ее сложности, выявляя сосуществующие в обществе субкультуры и фиксируя их соотношение и динамику.

Г.Алмонд и С.Верба выделяли три чистых типа политических культур:

- Приходская, патриархальная (parochial culture) – ориентация на жизнь рода, деревни, округа, конфессии, отсутствие интереса к политике, политической жизни.
- Подданническая (subject culture) – пассивное и отстраненное отношение к политической системе, без стремления изменить что-либо, участие в политической жизни (в т.ч. – сознательно) «по традиции», «ритуально».
- Участническая (participant culture) – активистский тип, где гражданам проявляют интерес к участию в политической жизни, стремятся направлять деятельность власти, воздействовать на нее, используя законные способы влияния, включая протесты.

Чистые типы в реальной политической жизни встречаются чрезвычайно редко. Чаще имеет место их смешение, наслаивание, распределение по субкультурам. Например, представители делового мира или также молодежь, могут демонстрировать активную культуру участия, тогда как некоторые другие группы (профессиональные, возрастные, этнические, гендерные, региональные) могут склоняться к культуре приходского типа. Оптимальной Г.Алмонд и С.Верба полагали смешанный тип – «культуру гражданственности», свойственную Великобритании и США, с соотношением чистых типов 1:3:6. Для модернизирующегося авторитаризма такое соотношение будет 3:6:1, а для демократии, установленной сверху 55:40:5.

Эта интерпретация давала возможность операционализации концепта политической культуры, и что немаловажно – использования количественных методов измерения политических культур. Тем не менее этот подход уязвим для критики.

² Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, etc., 1989. P.13. (Впервые опубликовано в 1963 г. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963). См. также: Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. (I) //Полития, №2 (57) 2010, С. 122-144.

Во-первых, он основан на интерпретации культуры как системы ценностных ориентаций вне учета факторов, порождающих эти ориентации. Политическая культура понимается как *совокупность социально-психологических свойств (мотиваций)*, которые проявляются на индивидуальном уровне, будучи следствием сходного политического опыта или исторических условий социальной группы. Такой подход свойствен методологическому индивидуализму, доминирующему в англо-американской политической науке. Именно он и был реализован Г.Алмондом и С.Вербой вполне в парсоновском стиле: а именно, как политическая система интернализуется (переводится в субъективный план сознания личности) в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения.

Во-вторых, в рамках таких представлений трудно показать связь между социально-психологическими установками индивидов и развитием политических институтов. При этом, культурные измерения политики отнюдь не сводятся к психологическим феноменам, ориентациям.

В-третьих, такой подход игнорирует различия исторического контекста и носит отчетливо оценочный (если не апологетический) характер, определяя степень близости к поведению, свойственному гражданам развитых демократий. Авторы не учитывали различные исторические и общекультурные традиции, а так же разную смысловую нагрузку терминов, что приводило к парадоксальным выводам: так, получалось, что политическая культура США и Великобритании во многом сходна с культурой СССР с его активностью граждан на выборах. Действительно, если к понятию культуры участия подходить формально, то к ней можно отнести и культуру подданническую, которой может быть свойственна большая степень участия, которое может быть навязанным, как это было, например, в том же СССР. Другой разговор, что это участие было не добровольное и не гражданское: низкий интерес и высокое участие могут сочетаться только в случае принуждения или ритуализации. Но заложенные в модели критерии эту специфику не улавливают.

Позже Г.Алмонд предложил другую типологию, разделив политические культуры на два типа: поляризованный и консенсусный. Однако эта типология тем более нуждалась в конкретном наполнении ее характеристик относительно проблем и природы поляризации и консенсуса (интеграции) социума. А главное – этот подход также оставлял политической культуре статус сугубо психологического феномена, не выходящий за рамки, в лучшем случае, социальной психологии.

Впоследствии базовая концепция была дополнена и развита У.Розенбаумом,³ дополнившим ее видами ориентации на политические объекты:

- относительно институтов государства (относительно политического режима, реакции на его решения);
- относительно «других» (политическая идентичность, доверие, отношение к «правилам игры»);
- относительно собственной политической деятельности (политическая компетентность и активность).

По степени консенсуса в обществе между его членами касательно вопросов политического устройства и определения правил политической «игры», У. Розенбаум выделил два крайних положения общества для такой модели: фрагментарное и интегрированное общество. Для фрагментарного общества по У.Розенбауму характерно: отсутствие какого-либо единого согласованного решения касательно политического устройства страны, следующее из этого нестабильное положение правительства, минимальный уровень доверия между общественными группами, отсутствие всеми принятых процедур улаживания социальных конфликтов. Для интегрированного типа общества характерно прямо противоположное: развитое гражданское общество, непротиворечивость и согласованность политических идентификаций, улаживание возникающих социальных конфликтов при помощи гражданских процедур, высокий уровень доверия среди общественных групп, лояльность в отношении существующего политического режима, а также низкий уровень политического насилия. Что примечательно, такой тип политической культуры присущ и поддерживается в странах с высоким уровнем образования и материальной обеспеченности граждан.

Эти идеи были дополнены в 1980-х Д.Каванахом⁴, предложившим различие гомогенных (однородных) политических культур, которым свойственно единство общества, толерантность, и культур фрагментарные с их конфликтной оппозиционностью субкультур. Помимо двух чистых типов, Д.Каванах выделил «смешанную» политическую культуру, которая обладает ценностными ориентациями, отличными от ценностей и норм установленного режима, а также «искусственно гомогенную» политическую культуру, которая характеризуется своим подданническим характером, одновременно соединенным с мобилизованным участием.

³ *Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. N.Y., 1975.*

⁴ *Kavanagh D. Political Science and Political Behavior. London: Allen &Unwinn, 1983.*

Данная типология носит отчетливо выраженные черты теории *ad hoc* – подгонки под классическую типологию и одновременно – под ту реальность, которая в нее не укладывается.

В 1990-х гг. голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс предприняли попытку усовершенствовать типологию Г. Алмонда и С. Вербы, выделив три переменные: интерес к политике, легитимность и участие.⁵ Каждый из этих факторов был операционализирован и при измерении классифицирован на высокие, средние и низкие показатели. По результатам комбинаций измерений признаков авторами были выделены пассивные и активные политические культуры. Тем самым была сохранена преемственность с идеей Г. Алмонда и С. Вербы, что основной функцией политической культуры является регулирование активности политического участия, а основание для классификации политических культур – суть активность политического поведения.

Такой подход стал очевидным вкладом в операционализацию традиционного понимания политической культуры. Хотя и он оказался достаточно уязвим для критики. Так, вряд ли приходская культура обладает низкой легитимностью. Она соответствует авторитарному режиму и традиционной легитимности, где доверие не зависит от политической компетентности носителей этой культуры. Скорее можно говорить о комбинации низкого интереса, высокой легитимности и низкого участия. Наверное, нельзя отрицать и вариант, в котором все индикаторы могут иметь низкие значения: его можно рассматривать как «нулевой» уровень развития политической культуры, как политическое бескультурье. Более того, в этой типологии, Кроме того, в предложенной типологии автономная политическая культура и политическая культура участия оканчивается вариантами протестной – средний или высокий интерес, низкая легитимность, высокое участие. Но протестной культуре свойствен больший интерес, чем заложен в типологию. У протестующих по определению не может быть низкого интереса к политике, т.к. протест является и результатом этого интереса и стимулом для реализации нового интереса.

Таким образом, *в развитии традиционной модели политической культуры четко прослеживается тренд к накоплению ad hoc и выходу за рамки социальной психологии.*

⁵ Heunks F., Hikspoors F. Political culture 1960-1990 // Values in Western Societies /ed. by de Moor R. Tilburg, 1995, p. 51-82.

Попытки преодолеть сугубо психологическое понимание политической культуры как ориентации политического поведения индивидов предпринимались неоднократно. Можно выделить в этой связи две тенденции.

Первая тенденция связана с «социентальным» подходом к рассмотрению политической культуры как характеристики социальных групп, которая укоренена в социальных практиках и функционировании институтов. В этом случае в центре внимания оказывается влияние экономических и правовых факторов развития политической культуры. Примерами прослеживания такой взаимосвязи могут служить как ранние работы советских марксистов, в которых политическая культура сводится к политической системе, так и более зрелые работы отечественных обществоведов и историков⁶. За рубежом также предпринимались попытки сведения политической культуры к политической системе.⁷ Другим примером преодоления субъектно-психологического понимания политической культуры является институциональный подход.⁸ Однако, в контексте развитости в политических науках понятий «политическая система», «политическая структура», «политические организации», идея политической культуры как их аналога оказалась излишней.⁹

Вторая тенденция связана с рассмотрением различных уровней политических культур. На макро-уровне это может быть не только рассмотрением «национальные политические культуры» вроде либо политико-исторических описаний, либо концепций типа «духа нации» И.Гердера¹⁰ или русских славянофилов.¹¹ Более продуктивным в этом

⁶ Пивоваров Ю. С. Политическая культура: Методологический очерк. М.: ИНИОН, 1996; Пивоваров Ю. С. Русская политическая культура и political culture: (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. №3. С. 23–50; Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992.

⁷ Формизано Р. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. №3. С. 111–146. Kim Y. C. The Concept of Political Culture in Comparative Politics // The Journal of Politics. 1964. Vol. 26. N 2. P. 313–336; Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979; Боднер А. Политическая культура общества и ее обусловленности // Политология вчера и сегодня. М., 1990, с. 216–229.

⁸ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в Современной Италии / Пер. с англ. Захаров А. М.: Ad Marginem, 1996.

⁹ Дука А. В. Политическая культура – поиски теоретических оснований. // ПОЛИТЭКС. 2006, №1, с. 7–30.

¹⁰ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

¹¹ См. также : Emmerson D. K. Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1976; Emmerson D. K. Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.

плане представляется подход Г.Хофстеде¹² и Р.Льюиса¹³, предложивших типологии национальных деловых культур, которые выработаны на основе анализа практики международных и кросс-культурных коммуникаций. Более того, важно также различие между основной политической культурой и субкультурами определенных социальных групп и регионов, которые отличаются от доминирующей в обществе культуры: классовые, этнические, религиозные, региональные политические культуры.

На микро-уровне политической культуры существуют специфические культуры политических организаций: государственных учреждений, политических партий, общественных, некоммерческих организаций и т. д. В этом плане открывается перспектива использования хорошо развитых типологий корпоративных (организационных) деловых (бизнес) культур.¹⁴

В этой связи можно говорить, что главная проблема концептуализации политической культуры заключается в интеграции ценностно-психологического и институционально-социологического подходов. Кроме того, такая интеграция должна открывать возможность единого анализа политической культуры на макро- и микро-уровнях.

Таким образом, речь идет о необходимости реализации междисциплинарного (мультидисциплинарного) подхода, открывающего перспективы единой концептуализации ценностно-мотивационного и нормативно-институционального анализа политической культуры на ее макро- и микро-уровнях. Такой интегральный мультидисциплинарный подход должен сохранять возможность операционализации понятия политической культуры, использования количественных методов ее измерения и рассмотрения ее динамики.

¹² Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd Edition, Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2001; URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml; Hofstede G., Hofstede G.J., Michael Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGraw-Hill USA, 2010; URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml; Hofstede G., Hofstede G.J., Michael Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGraw-Hill USA, 2010.

¹³ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 1999.

¹⁴ Камерон К., Куинн П. Диагностика и изменение организационной культуры. – СПб., 2001.

URL: <http://corpculture.ru/content/tipologiya-korporativnykh-kultur-k-kamera-i-r-kuinna>; Шихирев П. Н. Введение в российскую деловую культуру. – М., 2000.

Именно в этом и состоит главная цель этого раздела – предложить модель политической культуры, интегрирующую в целостное единство ценностный (психологический, мотивационный) и нормативный (институциональный) подходы в трактовке политической культуры. И крайне желательно, чтобы такая модель обеспечивала операционализацию существенных характеристик политической культуры.

Забегая вперед, можно сказать, что такая предлагаемая модель основана стимулирована идеями и результатами многолетней международной программы исследований World Value Survey, осуществленной Р.Инглхартом и его коллегами¹⁵, неоинституционализмом Д.Норта¹⁶, рядом идей П.Сорокина¹⁷, Г.Шека¹⁸, П.Рикера¹⁹. Первый набросок такой модели был опубликован ранее в ряде статей.²⁰

Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры.

Представляется полезным обратиться к концептуальному опыту общей теории культуры (культурологии), в которой выработано (и доминирует) понимание культуры как внешнего «кода», усваиваемого личностью. В этом случае акцент переносится из субъективного плана в объективный, открывая возможность рассмотрения их взаимодействия, позволяя выявлять и отслеживать причинно-следственные отношения в формировании и развитии политической культуры, что, как следствие, открывает возможность воздействия на эти процессы. Действительно, если рассматривать культуру как нечто, формирующее личность, ее оценки, отношения и установки, то целесообразно

¹⁵ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

¹⁶ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010; Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011.

¹⁷ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

¹⁸ Шек Х. Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.

¹⁹ Рикер П. Справедливое. М.: Логос, 2005.

²⁰ Тульчинский Г.Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза. // Философские науки. 2013, №1, с. 24-38; Тульчинский Г.Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.7, Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2012, с.395-401. Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре. // Человек, культура, образование. 2011, №2, с.5-14.

сначала рассмотреть само это нечто, его содержание и структуру. И очевидно, что это «нечто» имеет социальную природу, связано с регулирующим воздействием социума на личность. В культуре и с помощью культуры реализуются как социальность личности, так и личностность социума, который существует только благодаря индивидам-носителям определенной культуры.

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. И в самой истории формирования и использования концепта политической культуры можно обнаружить, с одной стороны, – ее чрезвычайно перспективное ядро, позволяющее строить достаточно ясные модели, а с другой, – на этой основе проследить четкие и конструктивные перспективы междисциплинарных исследований.²¹

Без опоры на реальное знание реального исторического опыта, механизмов его порождения, хранения и трансляции, конкретных социально-культурных технологий, учитывающих это знание, принятие решений и попытки их реализации оказываются не только малоэффективными, но и усугубляющими негативные тенденции развития общества. В полной мере относится это и к проблеме социальных институтов, необходимости институциональной модернизации. Социальные институты в политике являются продуктом институционализации, т.е. возникновения, роста, «кристаллизации», а то и выращивания из социально-культурного бэкграунда. Именно так поступал в свое время Петр I, а в новейшее время Ли Куан-ю в Сингапуре.

Конкретизировать представление о динамике политических институтов можно с помощью понятия нормативно-ценностных систем деятельности как подсистем социальной практики.²² Нормативно-ценностные системы (НЦС) определяются:

- во-первых, ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности;
- во-вторых, нормативным компонентом (правилами, регулирующими осуществление деятельности);

²¹ Тульчинский Г.Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту. // Политические институты в современном мире. СПб: Аллегро, 2010, с.358-360

²² Тульчинский Г.Л. Идеи: источники, динамика и логическое содержание //История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. – СПб, 2001, с.28-58.

- в-третьих, поскольку речь идет о системах социальной практической деятельности, способом организации коллективной деятельности социального субъекта.

Понятие НЦС позволяет раскрыть механизм культуры как системы внебиологического наследования опыта и информации, как системы хранения и трансляции идей. Именно НЦС выступают в качестве «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надындивидуальной системой информации» и т.д. В процессе жизнедеятельности человек участвует в самых различных НЦС. Практически вся социально-практическая деятельность может быть представлена как совокупность НЦС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т.д. Важнейшую роль играют НЦС политики, поскольку их функцией является обеспечение целостности и успешного развития не только их самих, но и общества в целом.

Понятие НЦС позволяет преодолеть «дилемму» феноменологизма (психологизма) и трансцендентализма, концептуализма и менеджизма в динамике политических институтов. В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, идеологические и социальные (организационные и личностные) факторы формирования и развития политической сферы. НЦС формируются, дифференцируются и специализируются по мере развития цивилизации и специализации видов деятельности.

Особый интерес представляет рассмотрение социальной организации НЦС как общностей людей. Они могут иметь формальную (т.е. определенную закрепленными функциями и связями, правами и обязанностями, инструкциями, отношениями координации и субординации, средствами контроля и стимулирования) и неформальную (основанную на межличностных взаимоотношениях) организационную сторону деятельности.

При рассмотрении НЦС под этим углом зрения выявляется динамика развития форм организации НЦС, каждая из которых проходит путь от нерегулярной случайной общности людей (типа «тусовки») до формирования социальных институтов, являющихся наиболее развитой формой организации НЦС. Характерными чертами социальных институтов являются:

- то, что они возникают на стадии достаточно дифференцированной общественной практики, когда на основе разделения труда выделяются НЦС, связанные с достижением социально-значимых целей;

- то, что в этих НЦС доминирует формальная сторона организации, закрепленная в специальных положениях, уставах и т. д., регламентирующих функционирование систем;
- то, что функционирование таких систем обусловлено сложившимися экономическими, правовыми социальными отношениями.

Первопричина динамики и дифференциации НЦС социальной практики – разделение и специализация этой практики, обусловленные развитием цивилизации. Действие этой причины проявляется в трех основных аспектах институционализации НЦС: во-первых, в способе осмысления действительности, осуществляемого в данной НЦС; во-вторых, в способе и уровне организации взаимодействия участников данной системы, т.е. ее социальной организации; и в третьих, в отношении данной НЦС к среде, т.е. к другим, внешним по отношению к ней НЦС.

Особую роль играют взаимодействие и взаимосвязь указанных факторов становления и развития НЦС. До самого последнего времени наука, искусство, политика и другие формы «общественного сознания» изучались философией, тогда как их социально-организационный аспект изучался социологией науки, социологией искусства и т. д. Разрыв в рассмотрении смысловых и социально-организационных сторон социальной деятельности приводит к существенным методологическим трудностям. Так, рассмотрение идей и их смысловых структур при отвлечении от социально-организационных аспектов чревато в методологии науки интернализмом, в искусствознании – формализмом, в политике – догматизмом. При этом социальная сторона явлений сводится к отношениям коммуникации, т.е. информационному взаимодействию, дискурсивной практике – не более.

Однако существование и развитие определенных видов деятельности не могут объясняться и только с точки зрения их социальной организации. Уже давно отмечена соотнесенность решений (в научной, политической и любой другой деятельности), являющихся процессом и результатом концептуальной деятельности сознания, и решений организационных, необходимых для реализации первых. Аналогично не может браться в отвлечении от смысловой и социально-организационной сторон третий аспект, связанный с проблемой социальной значимости определенного вида деятельности как оценки ее со стороны общества, обеспечивающего эту деятельность материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами.

Смысловой (идеологический) и социально-организационный факторы взаимодополняют и взаимопровоцируют друг друга. Их динамическая взаимосвязь предстает «историей» формирования и развития соответствующих НЦС – от объединения людей, связанных общностью целей и осмысления к зрелым и разветвленным социальным институтам, в которых эти цели и осмысление закрепляются как социально значимые и нормативные.

Будучи целевыми общностями, НЦС объединяют людей в формальные и неформальные организации в целях некоторой практической деятельности. Предпосылкой и условием успеха этой деятельности является относительно единый способ осмысления действительности всеми участниками деятельности. Смысловой аспект институционализации НЦС выражается в некотором нормативном понимании, которое определяет не только общность цели деятельности, но и общность восприятия предмета деятельности, его анализа и т. п. Когерентное понимание (осмысление) наличествует в любой НЦС. Различия заключаются только в форме и степени его выраженности. Это может быть и простая общность психологической установки, и не вербализуемое знание, и формальная экспликация в виде учебников, манифестов, положений, программ. Когерентное понимание задается общностью целей, предмета и правил деятельности.

Способам осмысления действительности соответствуют «сгущения» людей, занятых ее освоением в данном виде деятельности. Поэтому организация деятельности в каждый момент времени соответствует достигнутому обществом объему и специфике освоения мира, характеризует степень разделения и специализации.

Взятая как процесс, в единстве смыслового и социально-организационного аспектов идей, динамика их институционализации предстает осуществляемой в несколько стадий:

1. Стадия выработки нового осмысления. Характеризуется минимальной степенью организации. Коммуникация участников носит спорадически случайный и во многом лично-доверительный характер;
2. Стадия выработки когерентного понимания (коалиция). Характеризуется несколько большей устойчивостью связей и отношений между специалистами, которые начинают выделять себя как группу единомышленников. Подобная избирательность в общении «уплотняет» коммуникацию, хотя само общение носит слабо регламентированный характер – типа «тусовки».

3. Стадия парадигмы. Общение начинает носить систематический характер семинаров, конференций, переписки, обмена научными материалами на ранних стадиях (рукописи, препринты, заявки). Делаются попытки выработать программные материалы, прорваться в СМИ. Выдвигаются лидеры мнений. В наше время особую роль играют информационные технологии web 2.0 и 3.0 (сетевые сообщества, wiki и т. п.)
4. Стадия сплоченной группы (ассоциации). На этой стадии когерентное понимание уже фиксируется участниками деятельности в явной форме программного заявления. Коммуникация становится все более ограниченной рамками группы, в которой выделяются признанные лидеры, между которыми может существовать разделение сфер влияния. Лидер выступает центром, вокруг которого формируется группа. Именно он обычно выступает с программным заявлением, обеспечивает селекцию и интерпретацию информации. Важным моментом на этой стадии являются успех и социальное признание. Они свидетельствуют о развитии группы и обеспечивают социальный престиж (имидж) ее деятельности, а значит и постоянный приток сторонников. Их привлечение достигается обычно с помощью пропагандистской и популяризаторской деятельности, public relations, осуществляемых обычно либо самим лидером, либо под его контролем. Этой цели могут служить СМИ, интернет, семинары, конференции. Нередко создаются специальные центры, школы, курсы подготовки. Явным становится отличие деятельности данной группы от материнской НЦС: группа становится либо элитарной, ведущей в материнской НЦС, либо «мятежной», отвергающей ортодоксальные установки. Причем во втором случае деятельность группы может оказаться либо тупиковой, либо дать начало новой традиции. По некоторым оценкам для «прорыва» старой традиции необходима группа около 20 человек, а для создания новой традиции, движения – от 500 до 1000 человек.
5. Стадия формализации. На этой стадии в НЦС фиксируется формальная организационная структура. НЦС становится юридическим лицом, проходит регистрацию, обеспечивает финансирование, трудоустройство функционеров, стимулирование деятельности профессионалов, формируется

писанный кодекс поведения (устав, положения, должностные инструкции). Все прогрессирующая рутинизация деятельности зачастую приводит к формированию в ее недрах нового смыслового сдвига, развитие которого может привести к дальнейшей дивергенции системы, формированию фракции, отделения нового движения.

Аналогичные стадии проходит развитие идей в науке, искусстве, религии, бизнесе. Совсем не обязательно, чтобы каждая НЦС прошла все указанные стадии институционализации. Возможна стагнация на каждой из указанных стадий. Далеко не каждой НЦС удастся развиться даже в стадию сплоченной группы, не говоря уже о наиболее развитой стадии формального социального института.

Роль смыслового и социально-организационного аспектов институционализации в их динамике различна. На первых этапах ведущую роль играет смысловой, неформальный аспект, на поздних – формальный. Однако раз возникшее осмысление неизбежно вызовет те или иные формы социальной организации лиц его разделяющих – вплоть до в той или иной степени «борьбы за чистоту рядов». Разумеется, возможна ситуация, когда достаточно развитый организационный аппарат объединяет людей, не разделяющих единое осмысление, но это лишь будет свидетельством, что у истоков такой социальной организации некогда стояло когерентное осмысление «отцов-основателей».

Смысловой и социально-организационный аспекты институционализации НЦС политики выражают различные стадии зрелости и становления деятельности. Развитие идей предстает динамикой НЦС от идей на уровне личностного осмысления к формированию до полной институционализации программы социальной деятельности, лежащей в ее основе. Тем самым, в формировании и развитии социальных политических институтов теснейшим образом оказываются взаимосвязанными не только идейный и социологический, но персонологический, этический и организационный компоненты.

Поэтому анализ политической культуры не может ограничиваться рассмотрением только психологических феноменов. Вне выявления объективных факторов формирования политических ориентаций общество попадает в замкнутый цикл воспроизводства политической культуры, становящейся барьером развития. Необходим учет широкого спектра факторов объективного характера: от реального поведения, опыта повседневности, социальных практик традиций до институцио-

нальной среды, включая право... Это позволяет не только учитывать роль политической культуры в выработке и проведении решений, проектов, программ, но и возможности управления развитием самой политической культуры.

В этом плане новые перспективы открывает ценностно-нормативная модель социогенеза, которая не противопоставляется традиционному подходу или его альтернативам, а может рассматриваться как их обобщение и систематизация.

Политическая культура суть проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. В этом плане культура выступает системой порождения, хранения и трансляции социального опыта. Такой подход позволяет обобщить ценностный (культура как система ценностей), нормативный (культура как система норм, правил, традиций), деятельностный (культура как способ жизни) и «человекотворческий» (культура как «машина» социализации) подходы к пониманию культуры. Соответственно и политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, постольку и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Но не только. Культура – не только и не столько некий ментальный план, сколько именно фреймовая структура образа жизни конкретного социума, соответствующего социального опыта.

К базовым ценностям социогенеза, прежде всего, относится **безопасность**, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам, лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой и т. д.), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны и практики игры на этой ценности, формирование образа внешнего или также внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Подобное манипулирование, а то и хорроризация общества

давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно – консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной позитивной основе.

При этом, в любом социуме – в любой форме и на любом уровне – с самого момента его возникновения с неизбежностью возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentимента.

Следует подчеркнуть важность и концептуальную смелость фундаментальной работы Х.Шека «Зависть. Теория социального поведения» этой. Тема зависти и ressentимента была одной из ведущих в социальной и политической философии конца XIX – начала XX столетий. Достаточно вспомнить то значение, которое уделялось этой теме Ф.Ницше, А.Шопенгауэром, М.Шелером. То, почему зависть и ressentимент стали «белым пятном» в философии прошлого, да и начала нынешнего столетий, Х.Шек объясняет торжеством либеральной демократии, которую он рассматривает как институционализированную зависть, использование ее энергетики в конструктивных целях.

Именно с разрешением проблем зависти и ressentимента, так или иначе, но связаны возникновение и роль второй базовой ценности социогенеза – **справедливости**. Реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха...

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй – связан с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть

до наказаний, изгнания, а то и казни. История убедительно демонстрирует, что современники и соплеменники сплошь и рядом воспринимают творцов-«инноваторов» нарушителями завета предков, установленных норм, зовя к ним то ли полицию, то ли врача. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается, прежде всего, как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает творцов-инноваторов искать справедливость и удачу в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им, зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам». Факт этот тоже слишком хорошо известен. Важным условием успеха инновационных проектов является горизонтальная мобильность, возможность перемены места жительства. И в связи с этим, становится понятной модернизационная роль городов и нынешнего тренда к агломерациям: именно в городах накапливается их критическая масса, которая и становится социальной базой модернизационного развития.

Традиционное общество обходится, таким образом, двумя указанными базовыми ценностями. Для обеспечения консолидации и социализации ему достаточно обеспечения безопасности и справедливости. И политической власти, государству для обеспечения легитимности. В таком обществе вполне достаточно апеллировать к безопасности и справедливости. Однако, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, делая ставку на второй вектор справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность – **свобода**, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности.

Не всякое общество рассматривает такую ответственную автономность (свободу) как ценность. Большая часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Выдающийся цивилизационный вклад христианской культуры как раз и заключается в ценностном рассмотрении свободы/ответственности личности.

Таким образом, в общем случае, ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода (см. Рис. 1).

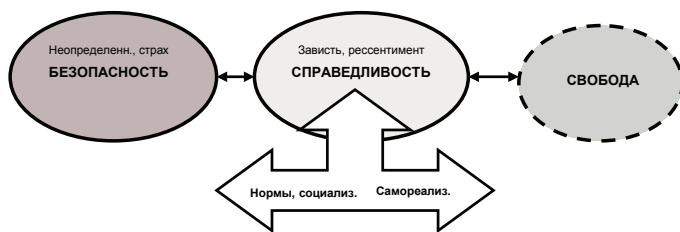

Рис. 1. Базовые ценности социогенеза

Причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако, по мере политической, экономической стабилизации, на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т. п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 под научным руководством Р.Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход – от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности...). Это позволило авторам программы WVS сделать вывод, что в 1970-1990-х годах в странах с наиболее развитой экономикой произошла «тихая революция», названная научным руководителем этой программы Р.Инглхартом «переходом к постматериализму». Имеется ввиду стадия модернизации, обеспечивающая новый уровень качества жизни, гарантирующий материальное благосостояние, уверенность в завтрашнем дне, образование, здравоохранение, экзистенциальную безопасность от угрозы войны, криминала. Тем самым установки на безопасность, выживание, защищенность уступают место ориентации на самореализацию, самовыражение, личностную свободу.

«Материалистов» волнуют в первую очередь насущные потребности, связанные с выживанием, обеспечением безопасности. «Постматериалисты» ощущают относительную уверенность в том, что удовлетворение этих нужд им уже гарантировано и направляют свои силы и интересы на решении вопросов качества самореализации. Эта динамика сказывается в поколенческих ориентациях (старшие *еще* более материалисты, младшие *уже* более постматериалистичны), на формах политической и гражданской активности. Так, «материалисты» склонны к традиционным формам (выборы, митинги, встречи с руководством, письменные обращения), тогда как постматериалисты демонстрируют большую гибкость и разнообразие, в том числе – протестной деятельности (флешмобы, сетевая активность в блогосфере, стрит-арт), концентрируясь не на идеологии, а напрямую выражая свои предпочтения по конкретным вопросам, таким как экология, охрана культурно-исторических памятников, аборт, коррупция... При этом формы протеста, связанные с насилием не пользуются массовой поддержкой, вызывают неприятие. Другими словами, по мере постиндустриальной модернизации традиционные формы политической активности, включая практики либеральной демократии, могут уступать новым, в том числе – еще недостаточно изученным формам. Иногда этот процесс ошибочно воспринимается как упадок или кризис демократии, тогда как, скорее, речь идет о ее дальнейшем развитии и гуманизации, проявлении ее сути, а не формы. Подлинная поддержка демократии возникает не в связи с учреждением (или импортом) демократических институтов, а когда люди высоко ценят и считают самоцелью гражданские и политические права, обеспечивающие возможность их ответственного самовыражения.

Более того, если поддержка демократии на ранних стадиях перехода (т.н. «трансфера») основывается на завышенных ожиданиях в политической сфере, а не убежденности в ценности свободы как ответственности как таковой, экономические неудачи могут привести к разочарованности в демократии и даже – чувству безысходности перед почти неизбежным авторитаризмом. Именно такова была ситуация в постсоветских демократиях. При этом, парадоксально, но в случае экономических успехов авторитарные режимы тем быстрее утрачивают легитимность, чем дольше им удастся поддерживать экономический рост, способствующий распространению в обществе ценностей самовыражения, а значит и – демократии. Так годы «тучных коров» (2000-2011) подготовили почву мощного гражданского протеста в РФ зимой 2011-2012 годов.

В странах же, где ценности самовыражения уже широко распространены, провалы в экономике (например, в Бельгии, Испании, Чили) не ведут к утрате легитимности демократических политических систем.

Таблица. 2.

Соотношение ценностей и типа общества

Ценности / Общество	Родо-племенное	Аграрное (феодалное)	Индустриальное	Массовое информационное
Доверие	Личное – к «своим»	Личное – к иерарху	Социальное – к суду	Социальное – к брендам
Справедливость	Своим – не чужим	По заслугам	По закону	По известности
Личность	Этнич. принадл.	Статус	Ролевая	Проектная
Собственность	Общая	Иерархическая	Частная	Сетевая рента
Свобода= ответственность	Род, племя	Вассалитет	Индивид	Точка сборки Я

Распространение секулярно-рациональных ценностей ведет к секуляризации власти, легитимность которой начинает зависеть не от традиционных религиозных верований, а от светских и рациональных представлений. И такие секуляристские представления и установки могут быть не менее не менее догматичными, чем религиозные. Так, они не всегда противоречат неограниченной политической власти – как коммунистическая или фашистская идеология.

Однако утверждение ценностей свободы, самовыражения ведет к эмансипации от власти, от любого внешнего воздействия, посягающего на личные права. В этом случае власть воплощается в самом человеке. В морально и политически автономной личности институциональная и суверенная свобода совпадают, воплощаясь в единой ответственности.

Роль справедливости, однако, связано с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов – как формальных, так и особенно – формальных.

Социогенез предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты – неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (background) – культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Неформальные институты могут дозревать до формальных институционализаций – организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм, а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно – эмоционального. Политическая власть, государство – идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. И, если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие «сплывающее», личностное, возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно – состоящего из представителей разных этносов, конфессий, доверия сплывающего недостаточно – необходимо доверие институциональное, «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества. Это доверие и формируют формальные институты, прежде всего – правовая культура, задающая нормативную рамку отношений и взаимодействий различных групп и слоев данного государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то неформальные – гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

На религиозный фактор обратил внимание еще М.Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Действительно, модернизацию первыми осуществили и наиболее успешно реализовали догоняющую модель после распада СССР именно протестантские страны. С другой стороны, страны ислама с его антирыночными установками, существенно отстали и отстают в экономическом развитии. А экономическому росту Турции и отчасти Египта во многом способствовали относительно длительные периоды правления светских политических режимов.

Однако, как примеры Турции и Египта, так и сопоставление развития Севера и Юга Кореи, Западной и Восточной Германии показывают, что культурный фактор по своей значимости уступает политическому и правовому режиму. Т.е. роль неформальных институтов важна, но она уступает роли институтов формальных.

Помимо прочего, формальные институты, обеспечивающие возможность развития рыночной экономики, в немалой степени способствуют концентрации социального и человеческого (а значит – и финансового капитала).

В этой связи, можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы). Эта модель представлена на рис.2.

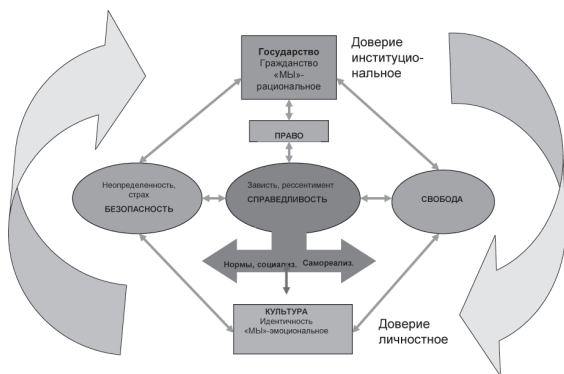

Рис. 2. Роль формальных и неформальных институтов в консолидации общества

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность-справедливость-свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры – в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Так, на кафедре прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал) с привлечением студентов предпринята серия исследований сравнительного анализа и динамики политической культуры России. Например, в исследовании А.Богдановой, с опорой на базу данных Г.Хофстеде удалось соп-

ставить профили политических культур различных стран, а также динамику политической культуры РФ за последние годы (Рис.3 и Рис.4).

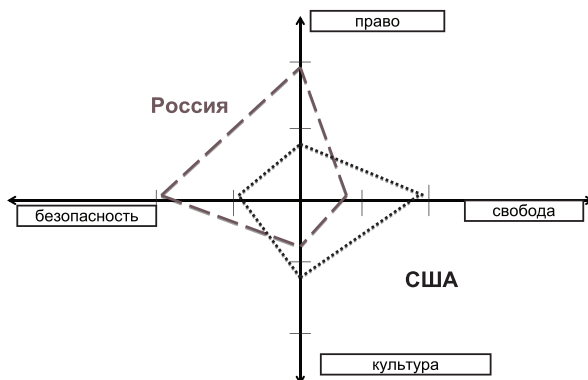

Рис.3. Сравнение политической культуры России и США
(А.Богданова по данным Г.Хофстеде, 2013)

Рис.4. Динамика российской политической культуры за 2008-2011 гг.
(А.Богданова, 2013 г.)

Исследование А.Камаева позволило сравнить для 12 основных социальных групп РФ профили существующей и желаемой политических культур. Ниже на Рис.5 приведены суммированные профили для всех этих групп.

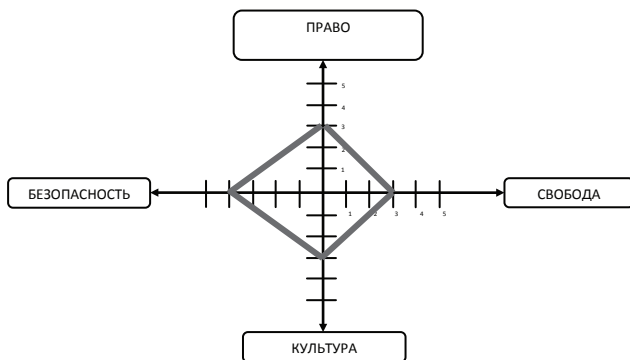

Рис.5. Интегрированные существующий и желаемый профили российской политической культуры (А.Камаев, 2013 г.)

В пространстве, образуемом ценностной и нормативной осями, очевидно свойственное российскому обществу доминирование традиционализма, правового нигилизма в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость институтов гражданского общества. Наглядно демонстрируется дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности, между которыми нет органической и естественной связи. Более того, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративным политическим дизайном. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вышедших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием понимания свободы как ответственности. Подобные поверхностные попытки демократизации и либерализации неизбежно оказываются несостоятельными.

На конференции по социологии инноватики в ИНИОН был яркий доклад Г.Г.Шагиняна – выдающегося специалиста по нейрохирургии сложных и глубоких черепных травм лицевой части черепа. Используя сравнение с наглядными слайдами этого доклада, можно сказать, что в этом плане ценностно-нормативная деформация российского социума напоминает глубокую травму лицевой части черепа: в нем практически снесена его «височно-скуловая часть», связанная с соответствующей ценностно-нормативной зоной.

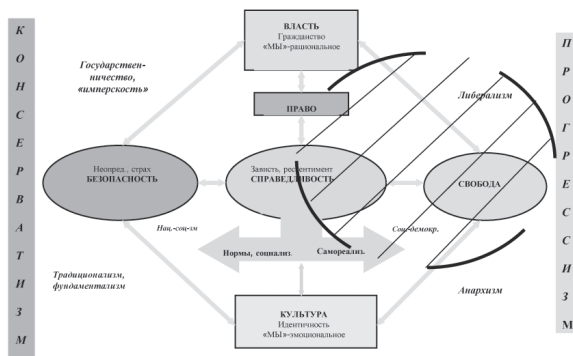

Рис. 6. Политические идеологии и российская деформация

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет т.н. «парадокс России», отмеченный в исследовании World Values Survey как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет о движении не только по ценностной оси, а скорее по оси нормативно-институциональной, что, кстати, подтверждается приведенными выше данными исследования А.Богдановой.

В ценностно-нормативной модели политической культуры очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества, для придания ему импульсов модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая социальная инженерия.

Тем самым, ценностно-нормативная модель политической культуры открывает широкие перспективы синтеза различных подходов и аналитик, не отрицающих, а интегрирующих выработанные концепции и накопленные результаты. И на этой основе уже можно ставить вопрос о причинах отмеченных особенностей российской политической культуры

2. Нормативно-ценностное содержание российской культуры

Смысловое содержание российского культурного опыта: источники и обобщение. Народ и власть.

Смысловое содержание российского культурного опыта: источники и обобщение

В предыдущих разделах в рамках сравнительного синхронического (типологического) анализа неоднократно затрагивалась специфика российской политической культуры. В этом разделе реализуется диахронический подход, рассматривается природа, источники ее специфики. Конкретный культурный опыт историчен, он связан с реальной деятельностью, является ее осмыслением, уточняется, меняется, развивается. Это дает возможность не отдельного рассмотрения социальных и ценностно-смысловых аспектов динамики политической культуры, а в их взаимосвязи.

В данном рассмотрении российская политическая культура понимается, включая также и советский период, который есть продолжение, форма существования, а теперь уже и компонент российского. В этом плане «советское» есть одно из проявлений «российского», а нынешнее «российское» – в изрядной степени содержит в себе «советское».

Все больший круг проблем и перспектив развития России оказывается связанным с сердцевиной культуры – ценностями, нормами, «принципами» – всем тем, что определяет поведение людей, строй и особенности сознания, порождает вполне определенные отношения, мотивации, оценки, мнения и переживания. Речь идет о чем-то невещественном и нематериальном, что оказывается, тем не менее, не только реальным и существенным, но и силой, способной решающим образом сказаться на ходе экономических и политических преобразований – в качестве их источника, рычага, а то и трудно преодолимого препятствия. Эта сила оказывается куда прочней распада империи, экономического спада, инфляции, разрыва хозяйственных связей, разгула коррупции и преступности, она проявляется в действиях и установках движений, групп и их лидеров. Эта сила имеет

свою историю и судьбу, выражает мировоззрение, миропонимание и мирообъяснение, оправдывавшее, объяснявшее, обосновывавшее и благословлявшее извиги, катастрофы и взлеты нашей истории, и продолжающее это делать до сих пор. И без ее осмысления, понимания ее корней и природы общество обречено на систематический отказ от собственного прошлого, а в результате – на соскальзывание на одну и ту же «колею».

Обращение к такой теме требует указания источников, в которых ценности и нормы российской культуры, связанный с нею опыт и осмысление социальной реальности находят свое наиболее полное выражение, аккумулированы в наиболее конденсированном виде, открывая, тем самым, возможности наиболее результативного анализа. Ряд специфических особенностей российской культуры выявляет анализ нормативно-ценностного ее содержания на материале мифологии, фольклора, особенностей русского православия, философии, художественной культуры (особенно литературы), философии, политической и экономической истории, обыденного дискурса, впечатлений путешественников (отечественных и зарубежных). Такой анализ был уже проделан многими исследователями. Поэтому можно воспользоваться его результатами.

Мифологемы. В мифах представления о нормах, идеалах и т. д. находят свое наиболее яркое и целостное выражение, причем в яркой образной форме. Однако, о собственно русской дохристианской мифологии можно говорить лишь с известной степенью условности. Недаром даже в авторитетнейшем энциклопедическом издании «Мифы народов мира» нет статьи, посвященной именно русской мифологии. Речь может идти, скорее, о славянской мифологии (точнее – о ее реконструкции) и о некоторых ее специфически русских чертах и особенностях.²³ С этой точки зрения можно выделить несколько уровней основных мифологем.

Во-первых, это первичный слой зачастую малоспецифицированных полностью или частично антропоморфных образов и персонажей: домовые, лешие, водяные, русалки, кикиморы, шишки, навь и т. п. Во-вторых, это воплощенные и персонифицированные абстрактные идеи: Доля и Недоля, Правда и Кривда, Белобог и Чернобог.

В-третьих, герои эпоса (былин и сказаний): князя (Кий, Щек, Хорив, Чех, Лях, Крак, Владимир-Ясное Солнышко и др.) и особенно – богатыри-князьки слуги и защитники народные.

²³ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянская мифология. // Мифы народов мира. М.: Энциклопедия, 1980. – Т. 2, с. 450-456.

В-четвертых, собственно языческий «пантеон», русский «Олимп на Владимирской горке», низвергнутый во время крещения Руси: Сварог, Дажьдбог, Хорс, Стрибл, Симаргл, Мокоша, символизирующие различные стихии (огня, солнца, ветра и пр.). А также персонажи, не упоминаемые в летописи, но выявляемые в реконструкциях, а то и сохранившиеся в общественном сознании до наших дней: Род и Чур (символы общинного единства), Ярило и Купава (Кострома), с которыми связывалось изменение сезона, прежде всего – приход весны.

И наконец, в-пятых, персонажи, взаимоотношения с которыми В.В. Иванов и В.Н. Топоров назвали даже «основным славянским мифом»: Перун – громовержец, «княжий бог», Зевс славянского Олимпа, и Велес (Волос, после христианизации – Власий) – бог крестьянского достатка (не как результата трудовых усилий, а как удачного урожая, приплода и т.п.). Характерно, что, если Перун стоял на Владимирской горке, то Велес – на Подоле, в пойме Днепра, внизу, что лишь подчеркивает их принципиальную оппозицию и противостояние. Да и сюжет их отношений довольно показателен: Перун преследует Велеса, гвоздит его молниями, тот подобно Протею принимает каждый раз новые обличья, оборачиваясь деревом, житом, конем, коровой, пока, наконец, Перун не побеждает – проливается дождь и наступает благодать.

Бросается в глаза особенность содержания этой мифологии, резко отличающая ее от других известных эпосов и систем мифологии. Это отсутствие персонажей строителя, ткача, ремесленника (даже кузнеца!), собственно крестьянина. Последний появляется в былинах в образе Добрыни Никитича, да и то в характерном сюжете, когда очередной княжий слуга – Святогор пытается забрать неподъемное – землю, после чего Добрыня, легко закинув узелок с землей за спину, также идет «в богатыри». Купец (Садко) появляется только в Новгородском эпосе, да и то не как учитель и основатель Дела, а в связи с чудесным приключением.

В сказках ясно представлены народные страхи – бедности, тяжелого труда, горя. С другой стороны – представлены мечты, надежды и желания. Ими оказываются искания лучшего царства за тридевять земель, овладение «хитрой наукой», дающей сытную беззаботную жизнь, в том числе и путем своеобразной экспроприации экспроприаторов (царя, богача), спасение и победа униженного «дурака», несостоятельность и крах жадного и завистливого благополучия. Положительные персонажи добиваются успеха не трудом, а то ли по щучьему велению по моему хотению, то ли еще каким чудесным образом

Таким образом, основными темами русской мифологии являются природные стихии, постоянная внешняя угроза (как со стороны

природных стихий, так и врагов), воля (как героя-защитника, так и чудесный произвол, реализующий сокровенные желания), особая озабоченность властью – как торжеством над врагами, как символом богатства и жизненного успеха.

Восточное христианство. История русской православной конфессии – история заимствования веры, ее насаждения, исправления, обернувшегося расколом. В тематическом и образном содержании русского православия особый интерес представляет не столько догматический канон, сколько обыденное религиозное сознание, выраженное в житийных текстах («Четьи-Минеи» всегда были наиболее читаемой духовной книгой на Руси), духовных песнях.

Согласно добротным исследованиям этого материала, проведенным Г. П. Федотовым, Л. П. Карсавиным, С. С. Аверинцевым,²⁴ специфика содержания русского обыденного религиозного сознания состоит, прежде всего, в ориентации не столько на Св. Писание, сколько на жития, т.е. особо повышенный интерес к нравственной личности и ее опыту жизни. При этом особое внимание уделяется претерпеваемым святыми страданиям, которые акцентированно трактуются как безвинные (но принимаемые героями житий, тем не менее, безропотно).

Обращает на себя внимание фигура Христа, представленная в обыденном религиозном сознании в качестве Царя Небесного, осуществляющего властные функции и фактически сливающегося с Отцом. Страдания же Спасителя как идеал святости переносятся на святых, жизнеописания которых демонстрируют попытки воплощения этого идеала в этом мире. Вопреки догмату, в обыденном православии фигурирует не Троица, а «Двоица»: Христос (как Царь Небесный, воплощение небесной силы) и Богоматерь (зачастую ассоциативно переходящая в кормящую «мать-землю»). Тем самым, высшее ценностное содержание придается, фактически родовым отношениям: Мать – хранительница рода и Отец – властный вершитель судеб. Особый предмет и интерес русского обыденного православного сознания также составляет эсхатологическая тема Страшного суда, устанавливающего высшую Правду и Справедливость, – как, впрочем, и тема Кривды, царящей в этом (земном) мире.

Художественная культура. В художественных произведениях фиксировано целостное выражение строя чувств, переживаний, мышления и поведения представителей данной культуры. Недаром именно

²⁴ См.: Федотов Г.П.: Святые Древней Руси. М., 1990; Федотов Г.П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). / Вступ. ст. Н. И. Толстого; Послел. С. Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А. Л. Топоркова. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991; Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках. Петроград, 1915; Аверинцев С. С. Религия и культура. Тенэфу: Эрмитаж, 1981.

знакомство с художественной культурой и ее сердцевиной – искусством является наилучшим способом знакомства с культурой, вхождения в нее. Сказанное относится к каждому виду искусства, но, пожалуй, в наибольшей – к искусству слова, к литературе. Обусловлено (буквально – предустановлено словом!) это ролью языка в возникновении и существовании культуры, письменности и связанного с нею творчества – в трансляции и развитии опыта. Особенно велика роль литературы в становлении и развитии российской художественной культуры и культуры в целом. Более того, литература – предмет особой гордости культуры России, ее общепризнанный и существенный вклад в культуру общечеловеческую.

Русский художественный дискурс исследован достаточно полно и глубоко. Особый интерес представляет серия работ Г.Гачева по национальным образам мира²⁵, где опираясь на поэтические тексты авторов, внесших наибольший вклад в развитие российской словесности, были выделены темы и образы, характерные для русской поэтической интуиции. Это темы пути и человека как путника, света – не как яркого солнечного света, льющегося с неба, а как проблеска, мерцания, «огонька». Природные стихии связаны с традиционным русским равнинно-пойменным пейзажем, ветром (буря, метель и т.п.). Человеческое сознание, состояние души характеризуется неотчетливостью и неопределенностью переживаний и мысли («трудно высказать и не высказать то, что на сердце у меня»), взглядом, устремленным к горизонту. Характерно, что в русском поэтическом дискурсе практически отсутствует тема труда, взятого как деятельность, связанная с переживанием положительных эмоций. Исключением является, пожалуй, только поэзия Н.Кольцова, но таким исключением, которое лишь подтверждает правило.

Что касается русской прозы, то обращение к этому богатейшему материалу требует уточнения. Среди русских писателей есть регистраторы быта и нравов (И.Тургенев, М.Шолохов, М.Булгаков, М.Зощенко, Ф.Горенштейн и др.), есть аналитики этого быта и этих нравов, объясняющих причины и следствия (Л.Толстой, В.Гроссман, А.Бек, А.Рыбаков), есть авторы, создающие собственную мифологию, миропонимание и мироощущение (Ф.Достоевский, А.Платонов). И есть авторы-выразители архетипов (буквально – коллективно-сознательного и бессознательного). Таких авторов не так уж много (из наиболее известных – М.Горький, А.Гайдар, В.Маканин, Д.Пригов, В.Пелевин), но именно они представляют особый интерес для данного рассмотрения. Это не означает большой талант данных авторов. Просто их творчество представляет содержание духовного опыта соответствующего времени чрезвычайно

²⁵ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 2001

благоприятно для анализа – этот опыт в их текстах просто дан как таковой. Авторские позиция и отношение в них либо не акцентированы, либо «упакованы» в идеологемы и философемы.

Философия. Российская культура по праву гордится представителями своей философской мысли. П. Я. Чаадаев, В. Соловьев, В. В. Розанов, Л. Шестов, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, П. А. Флоренский, М. М. Бахтин... – этот ряд можно продолжать и продолжать. Характерной чертой русской философии является то, что ее представители в наименьшей степени являются мыслителями кабинетного типа, размеренно обдумывающими в уютной библиотеке проблемы бытия. Большинство из них – подвижники, исповедники идеи, жертвующие ради нее карьерой, комфортом, свободой, а иногда и жизнью. На их долю приходится тяжкие испытания души, жизненная неустроенность, а то и физические страдания, их философствование – глубоко выстраданный экзистенциальный опыт, недостижимый в условиях жизненного комфорта. Типичная фигура российского философа – это «человек с судьбой», исповедник идеи...

Вопросы русской философии – вопросы жизни, на которые следует отвечать жизнью же («что делать?», «кто виноват?» и т. д.). Для их постановки и решения характерны предельные и запредельные формулировки (одна философия общего дела Н. Ф. Федорова чего стоит), резкие противопоставления, максимализм, в том числе и нравственный. Достаточно вспомнить противостояния западничества и славянофильства, революционной демократии и религиозной философии.

Круг ее главных тем довольно узок: личность и общество, свобода, судьба России.²⁶ Но их постановка и обсуждение чрезвычайно глубоки и эмоциональны, с глубокой личностной вовлеченностью. Ей свойственны максимализм, универсализм, практическая нацеленность – поиск «окончательных ответов» на вопросы практической жизни, обустройства общества, стремление к целостному жизнеустройению, живому философствованию, обоснование самобытности России, особой миссии России и «русской идеи».

Дискурс обыденного опыта. Обыденный опыт находит выражение в каждойдневной языковой практике, фольклоре (песнях, сказках, анекдотах и т. п.), паремиях (пословицах, поговорках, инвективах и пр.). Таким образом в языке аккумулируются и транслируются от поколения к поколению стереотипы, шаблоны осмысления действительности, ее структурирования и объяснения.

²⁶ См., например: *Бердяев Н. А. Русская идея.* М., 1990.

Русский язык резко выделен среди других языков. Прежде всего, тем, что свыше 40% его лексики носит оценочный характер. В любом другом языке оценочная окрашенность его словарного запаса не превышает 15%. За этим фактом стоит принципиальная особенность русского дискурса – его ориентация на правду-правду, но не на правду-истину, на соответствие идеалу, но не реальности. На русском языке практически невозможно выразиться спокойно, однозначно и объективно. Ты сразу же погружаешься в стихию оценок, эмоций, страстей. Русские речь и письмо тропированы (образны), но не терминованы. Поэтому, когда надо выразиться безоценочно, терминологически точно, часто приходится заимствовать иностранную лексику: «засоренность» русского языка иностранными словами – вечная тема русской культуры. Однако заимствованная иноязычная лексика достаточно быстро также получает оценочную нагрузку.

Например, «частная собственность», а заодно и собственность просто – в русском дискурсе имеет негативную оценку. Показательна парадоксальность словосочетания «нетрудовые доходы». Доход, как известно, не может быть трудовым или нетрудовым – он может быть законным или незаконным. В терминах «трудовой-не трудовой» под нравственное сомнение попадают наследство, клад, доход с патента, процент от сделки, творческий гонорар и т. п. Да и сам-то доход – нечто сомнительное, никак не связан с трудом: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». А достаток только того, что смог «достать» что-то: повезло, получено в подарок...

В русском языке часто практикуется опускание логической связки, в результате чего получаемые эллиптические конструкции требуют дополнительных интеллектуальных усилий для понимания смысла выраженной мысли. Показательно и обилие непереходных глаголов, выражающих процессуальность действия, но не его результативность (мы много «работаем», но мало «делаем»).

Русский дискурс мало озабочен рациональной аргументацией, что с неизбежностью сказывается, на правовой и политической культуре. Да и какая в ней необходимость, если «Закон что дышло...», «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак». Обездоленность лишает собственности, а значит интересов, произвол власти лишает смысла их обсуждение.

Русский язык – стихия столкновения позиций, амбиций и страстей, самовыражения и самоутверждения, он глубоко лично интонирован, передает тончайшие нюансы мельчайших движений души и отношений. Его вектор направлен в глубины души, а не на внешний мир. Недаром иностранцев повергают в шок иррациональные глубины ответ «Ничего» на вопрос «Как дела?» или «Как живешь?», реплика «Да нет».

Лексика, дискурс аккумулируют специфику исторического опыта: «ошеломить» (нанести удар по голове, в результате которого теряется ориентация в пространстве-времени), «изумиться» (буквально – выйти из ума – пыточный термин, когда пытаемый терял рассудок от мучений: особенно восхитительна возвратная форма глагола), «подноготная» (из того же профессионального лексикона заплочных дел мастеров, загоняющих иголки под ногти в «поисках» правды), «подлинная правда» (своего рода правды самой высшей пробы – тоже пыточный термин: орудие пытки, которым пороли, добиваясь правды, так и называлось – линник). Поэтому, когда ошеломленный и изумленный русский человек, желает знать всю подноготную и подлинную правду, – исторический опыт придает происходящему особый смысл.

Политическая и экономическая история. Культурный опыт выражает и осмысляет опыт исторический, который и определяет содержание духовного опыта и его динамику. Русское государство (и в норманнской, и в хазарской теории ее происхождения) возникло отнюдь не для защиты своих купцов и ремесленников. Одно из первых упоминаний о Руси – в византийских летописях эпохи Константина Багрянородного – гласит: «Осенью князь со своею Русью выезжает на кормление». Русь изначально – власть, структурированная вокруг князьего двора, ставившая городки, вершившая суд, несшая культуру, язык, веру, но прежде всего – собиравшая дань. Хорошо известна история Ольги: когда ее супруга Игоря, захотевшего покормиться второй раз, убили, она пришла-таки с дружиной и страшно проучила непокорных. Эта парадигма исторически мало менялась. Дореволюционная экономика носила вотчинный характер, когда целые регионы и отрасли отдавались в кормление «правильным» людям. И на протяжении всей российской истории не собственность рождала власть, а наоборот – власть собственность порождала и постоянно ее переделывала.²⁷

Недаром русская история это во многом – история «исхода»: наиболее здоровая часть русского этноса в поисках лучшей доли всегда бежала от собственной власти на Дон, за Кубань, на Урал и за Урал, через Сибирь, через Берингов пролив... Замечательный исторический факт – Россия осуществила колонизацию 1/6 части суши практически не ведя колониальных войн (каковых была только одна – Кавказская, да еще не очень обременительный рейд по Средней Азии). Пока власть не очень успешно воевала на Западе, куда

²⁷ Д'Анкокс Э. К. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 гдо наших дней. М.: РОССПЭН, 2010; Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). В 3 т. – Новосибирск: Сибирский хронограф 1998; Пайпс Р.: Россия при старом режиме. М., 1993; Русский консерватизм и его критики. М.: Новое издательство, 2008.

стремилась всегда российская элита, империя росла на Восток, за счет «народной колонизации».

Особенности хозяйствования, которые русский человек воспроизводил, где бы он ни оказался и который определялся особенностями исторической родины русского этноса. Климатические условия Восточно-Европейской равнины (краткий теплый период, чтобы успеть высеяться, заготовить корма и собрать урожай, с дождями и заморозками в самое неудобное время), подсечное земледелие на сероземах – все это стимулировало совместный напряженный труд с чрезвычайными усилиями в относительно краткий период с последующим долгим расслаблением (длительная зима всегда оставляла крестьянину время для бортничества, охоты, отхожего промысла, спокойных работ по дому).

Русский крестьянин не мог, подобно немецкому, размеренно трудиться на одном и том же земельном участке. Более того, пожар, засуха, другое бедствие или напасть, властный произвол могли его лишить урожая и скромного достатка в считанные часы. И тогда у него фактически оставалась альтернатива: идти на большую дорогу с сумой за плечами, либо с кистенем в руках: «от сумы да от тюрьмы не зарекайся!».

Кроме того, все эти трудности и напасти, с очевидностью, легче переносить не в одиночку, а сообща. Поэтому община, «мир» столь органичны русскому образу жизни – вместе легче в сжатые сроки посеять и убрать урожай, заготовить корма, пасти скот, отстроить новую избу. Потому и деревни русские стоят не хуторами (дом посреди обрабатываемого участка), а скученно, дом к дому, а землю обрабатывать приходится ходить иногда за несколько километров. Да и сами земельные наделы миром ежегодно перераспределялись в зависимости от изменяющихся обстоятельств.

Таблица 3.

Сопоставление факторов становления и развития государства в России и Западной Европе

Факторы	Европа	Россия
География	Малые пересеченные территории с естественными границами, которые легче охранять. Достаточны малые, иногда наемные армии, возможности городского самоуправления.	Огромные равнинные и лесистые территории, практически без естественных границ, которые трудно охранять. Требуется большая армия, милитаризация экономики, мобилизация населения, централизация власти

Экономика	Ограниченные ресурсы. Как следствие: – интенсивное использование – борьба за собственность как источник существования и развития (сначала стадо, затем земля, затем индустрия) – колониальные захваты	Огромные природные ресурсы (земля, вода, лес). Как следствие: – природная рента, которая не ценится («ничье») – экстенсивное использование ренты
Политическая история	Кочевые племена: – общий сход, равенство – вождь на время опасности – разделение власти (общественная жизнь) и собственности (частная жизнь) – размеры государственной собственности ограничены – власть представительная и назначаемая Опыт Возрождения и Просвещения	Оседлый образ жизни: – кормление власти с территории, опыт Орды – население как подданные – получение «собственности» в использование от власти Цивилизационные заимствования, догоняющая модель развития
<p style="text-align: center;"> Владеют лица, власть охраняет и гарантирует Ресурсы (собственность) Власть владеет и перераспределяет </p> <p style="text-align: center;"> ← → </p>		
<p style="text-align: center;"> Открытого доступа Институты Закрытого доступа </p> <p style="text-align: center;"> ← → </p>		

И наконец, важным источником осмысления особенностей российского культурного опыта являются *впечатления путешественников*. Человеку, оказавшемуся в иной культурной среде всегда бросается в глаза то, что отличает именно данный образ жизни, поведения и мышления, привычных наблюдателю. В глазах путешественников особенности и характерные черты культуры их принимающей выглядят резче, отчетливей и выпукло. Тем самым человек лучше осознает и особенности своей собственной культуры, к которой он принадлежит.

Речь идет не только о впечатлениях иностранных путешественников по России (от Олеария до де Кюстина и Л.Фейхтвангера), но и русских людей, оказавшихся за границей (И.Печерин, А.И.Герцен, А.А.Зиновьев и многие другие). Так, иностранцы отмечают такие позитивные качества русских, как доброжелательность, гостеприимство, щедрость, выносливость, непреходя-

вость, работоспособность, мужество, пренебрежение к смерти, жизненная сила. И эти качества сочетаются одновременно с жестокостью, грубостью, бесчувственностью, лживостью, воровством, пьянством, ленью. Наиболее наблюдательные из них связывают корни пренебрежения смертью, способность к страданиям, терпение, покорность судьбе – с пренебрежением этой жизнью (своей и чужой), воровство – с пренебрежением собственностью, лживость – с пренебрежением реальностью во имя идеи.

После такого методологического предисловия можно в общих чертах дать характеристику содержания российского культурного опыта, его основных ценностных норм, тем, смысловых комплексов.

Правда: нравственный максимализм и правовой нигилизм. Стремление жить «по правде» («не по лжи») делает одной из основных ценностей российского опыта нравственную личность, в своей самоотверженности готовой за правду пострадать. Образы героя, совершающего самоотверженный подвиг, или святого – подвижника – и выражают эту ценность. Высшим выражением нравственности, таким образом, оказывается страдание во имя идеи. Одновременно свобода, достоинство личности и право, как их гарант, ценностью не являются. Идеи права либо высмеиваются, либо отвергаются как проявление мещанства, филистерства, буржуазности, а то и как проявление слабой воли. Хотя бы потому, что опыт показывает – «Закон что дышло – куда повернул, туда и вышло». Закон – «немецкий фокус» (К.Аксаков), западническое изобретение, которым иногда можно пользоваться, а иногда переступать – применительно к целесообразности и возможностям. Идея правового государства декларируется, но в сознании властей, как и граждан, просто не укладывается идея о подчинении власти закону: власть на то и власть, чтобы принимать свой закон. Как писал Н. Г. Чернышевский, «...Первое условие успеха даже в справедливых и добрых намерениях для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались...».²⁸ А по замечанию А. И. Герцена, российский «общественный договор» состоит в обоюдонеобязательном соблюдении законов и «полное неравенство перед судом убило всякое уважение к законности».²⁹

Прозивол характерен не только власти. Интеллигенция находит оправдание сначала индивидуальному террору, а затем – массовому. Пренебрежение к собственности (чужой и государственной) от государственного чиновника до крестьянских «грабижек» и рядового

²⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 616-617.

²⁹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 7, м., 1950, с. 301.

«несуна». «Праведнику закон не лежит», «Благодать выше закона». Главное – чтобы человек был хороший. То есть знал бы правду и за эту правду пострадал. Именно этот ценностной компонент объясняет многие реальности российской политической жизни, необъяснимые, иррациональные для внешнего наблюдателя: итоги голосований прежде всего за личность «пострадавшую» и т. п.

Чудо: эскапизм и творчество. Для российского человека высшим выражением торжества является способность пересилить беду (по-бедить). Этот мир и жизнь в нем сами по себе лишены ценности. Жизнь «здесь и сейчас» – юдоль страдания, нравственного испытания. Ценностью является жизнь в мире ином: в потустороннем мире, в светлом будущем, «за бугром». В этой жизни я лишь могу пострадать, пройдя испытание, и чем больше я пострадаю в этом мире, тем больше мне воздастся в мире ином...

Воздаяние возможно только «после жизни». Человек оказывается не в состоянии своим трудом сделать свою жизнь (и жизнь своих близких) счастливее. «Птицы небесные не сеют и не жнут, но корм имеют» или, как сказал поэт, «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...». А авва Дорофей написал одинокому иноку: «Брат! Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что». Не удел человеческий – думать о своем достатке: «Бог дал, Бог взял». Напряженный труд не может быть источником достатка, он всего лишь один из компонентов страдания в этой жизни. Ему противопоставляется творчество – единовременный акт богоподобного творения «вдруг», «из ничего», сродни чуду.

Так называемый «утопизм» (от безответственной маниловщины до агрессивного революционаризма) – не причина, а следствие, есть проявление и выражение отрицания ценности этого мира (и труда в нем) в сочетании со стремлением к богоподобному, а то и богоборческому творчеству.

Эсхатологизм. Уход от реальности, ее отрицание в своем предельном выражении являют вневременной эсхатологизм – конец времени, конец света и последний (Страшный) суд над этим миром, торжество окончательной справедливости, Правды, перед которой все равны. А что может быть справедливее конца света? Перед смертью все равны. Отсюда постоянный российский спор с историей, отрицание конкретного времени во имя вечности, еще одна мотивация такого пренебрежения человеческой жизнью и особое российское смертобожие.

Как писал Н. В. Гоголь в конце «Мертвых душ»: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешь? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мости, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божиим

чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение?». Особенно в сопоставлении с финалом «Записок сумасшедшего»: «Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых как вихорь коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтесь, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтоб не видно было ничего, ничего, ничего». Не просто уход – путь в ничто. Эсхатология и танатология как национальный опыт. «Только кони мне достались привередливые»...

Всеединство: космизм, универсализм и коллективизм. Личность, человеческая индивидуальность выступает элементом, средством реализации и воплощения общности, всеединства, соборности, симфонической личности и т. п., которые, собственно, и являются ценностями. Проявлением этого ценностного комплекса «коллективизм». Речь при этом идет не о коллективе, образованном для реализации общности интересов и эту общность интересов, их баланс, необходимость сотрудничества выражающем. Это просто общность, некое «мы» (одного барака, двора, класса, и т. д.), коллектив, который всегда прав потому, что он коллектив. Поэтому каждый, кто начинает говорить о своих интересах оказывается безнравственной личностью, которая противопоставляет себя коллективу, которой «больше всех надо», которая «высовывается» и т. п. Зато любой самозванец получает право говорить от имени всего коллектива: от имени всех рабочих, всех русских, от имени профсоюза и т. п. Всеединство распространяется на мир в целом, что создало, например, предпосылки возникновения и развития философии русского космизма. Но важно понять, что и он, вплоть до блестящих технических идей Циолковского и Чижевского, коренится в идее, что «всяк за всех в ответе».

«Истина и красота». Российскому культурному опыту характерно единство истины и красоты. Истина должны быть красива. Так в выборе веры решающую роль, как известно, сыграла красота православного храма и службы, а в советское время особая роль отводилась наглядной агитации, когда «истины» имели особую «красоту» оформления. Иначе говоря, красиво и потому истинно – с одной стороны. И истинно – значит, красиво – с другой. В результате нравственная проповедь приобретает эстетический статус – «поэт в России – больше чем поэт», а искусство отождествляется с просвещением и воспитанием.

В этом тождестве истины и красоты выражалась одна из сторон всеединства как справедливости и уравновешенности, своеобразной гармонии. Тождество истины и красоты оказывало мощное обратное влияние на нравственную культуру, породило эстетизм в российской историософии, когда в истории ищется не столько рациональное содержание, сколько особая сюжетность.

Таким образом, в российском культурном опыте мы имеем дело с исключительно целостным миропониманием и мироощущением, связанным с очень напряженным нравственным чувством.³⁰ Эта нравственная почва оказалась чрезвычайно благодатной для восприятия идеи коммунизма, общества, построение которого требует высочайшего напряжения нравственных и физических сил, личного самоотвержения и самопожертвования. За такую высокую идею пострадать, конечно же не грех. Не грех и других не пожалеть во имя великой идеи. При этом, свобода и право оказываются несущественными, не для «внутреннего употребления». Тем самым оправдываются не только нарушения законности, но и вообще неуважительное отношение к законам, их систематический пересмотр, безостановочное законотворчество, исходя из прагматических задач текущего момента.

И нравственный максимализм, и коллективистски понимаемая справедливость – все эти и связанные с ними особенности российской культуры определяют ее высокий уровень напряженности. Это нравственность, практически не знающая нормативности, которой свойственны как полный произвол, так и уклонение от проблемы выбора, полагание на «Авось!».

Народ и власть

Говоря о российском культурном опыте, невозможно пройти мимо темы народа – собственно носителя этого опыта. В характеристиках народа в русском дискурсе возникает образ народа как некоей мощной созидательной силы, нравственно чистой, но пассивной, находящейся как бы в «страдательном залоге», претерпевающей. Иначе говоря, «народ» в русском дискурсе – творец, кормилец, защитник, но... – не хозяин своей судьбы. Он активен как бы «в ответ» на воздействия внешних по отношению к нему активных сил: врагов (внешних и внутренних) и... власти.

В российском культурном опыте власть всегда противостоит народу, в определенном смысле – чужда ему. Тому были и исторические основания. Призвание (или пришествие) норманнов, рюриковичи, получение московскими князьями ярлыков на великое княжение из рук ордынских ханов, онемеченная династия Романовых, большевистский и сталинский режимы – на разных этапах истории государственная власть на Руси не выростала из народа, была ему чужда.

³⁰ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. Тульчинский Г. Л. Самозванство. СПб: РХГУ, 1996.

И это всегда была не власть для народа – наоборот, народ всегда был материалом для власти, средством достижения целей властной воли. Историко-экономически на практике это противостояние воплотилось в вотчинном государстве, основанном на отождествлении власти и собственности. Этим российская государственность существенно отличается от западноевропейской. Она возникла не для защиты своих ремесленников и купцов, а как механизм вотчинного кормления.

И именно власть оказывается активным субъектом истории, смысл которой практически по всем направлениям оказывается связанным с вопросом о власти. Как писал Н. Г. Чернышевский, – «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание, – то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильными и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения». Решение любых, вплоть до частных проблем, оказывается возможным лишь при условии всеобщего переустройства волею власти.

Народ же оказывается подобным тургеневскому Герасиму из «Муму» – большому, сильному, доброму, но бессловесному и душегубу поневоле, фактически – мало вменяемому существу. Именно в силу невменяемости его страдания и безвинны. Только в периоды смертельной опасности, полной несостоятельности государственной власти, народ просыпается, спасает отечество и вновь впадает в спокойствие, вручая активность и ответственность очередной власти.

Отношение народа и власти – главный нерв российского политического опыта. Это отношение глубоко противоречиво: власть противостоит народу, чужда ему, и, одновременно, с нею отождествляется судьба народная. Тем самым запускается культурологический и семиотический механизм сакрализации власти. Действительно, сакральное, священное в любой культуре, чтобы стать таковым и подтверждать свой статус должно отвечать нескольким требованиям. Оно должно быть загадочным, чуждым и недоступным (или очень трудно доступным) для профанов. В нем должны быть представлены формы поведения запретные в обыденном поведении. И, наконец, должен существовать социальный слой хранителей сакрального, посредников и толкователей.

Всем этим требованиям власть на Руси соответствовала сполна. С одной стороны она воспринималась как нечто чуждое, принципиально несопричастное. Государство противостоит русскому человеку изначально как нечто враждебное и на него, как на врага не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть, обещания, данные ему можно не выполнять. С другой стороны – отношение к власти патриархально интимно, чувственно.

Нравственный максимализм и страсотерпение в применении к власти с неизбежностью оборачиваются своеобразным ультрапарадоксальным единством, вплоть до совпадения двух взаимоисключающих друг друга нравственных полюсов. На одном – власть, которая на Руси только тогда воспринимается как власть и имеет нравственное оправдание, когда она крута, «страшна к непокоривым». Иван Грозный, Петр Великий, Сталин остались в памяти русского народа как «настоящие» властители, настоящие хозяева страны и народа именно в силу их «твердой руки» и безжалостности, полного произвола.

Не случайно на Руси царь всегда воспринимался двойко: как помазанник Божий и одновременно (!) как Антихрист.³¹ Причем смена позиции и оценки могла быть практически мгновенной. Только что отец родной, предмет искреннего поклонения и тут же – проклинаемый всеми злодей. Да и в народном сознании широкое распространение имели легенды и песни о царе-разбойнике. На другом же полюсе – народ, который на Руси всегда кроток, героический мученик-страсотерпец с его своеобразной ласковой жертвенностью. Не случайно и грозные русские цари в трудную для себя годину в стремлении добиться народной сопричастности доходили до юродства в демонстрации своей «кротости». Единство кротости и крутости доходит до амбивалентности добра и зла, святости и злодейства. «Сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавная, – это нечто, находящееся либо вне человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее. Благословение здесь очень трудно отделить от проклятия», – писал С. С. Аверинцев.

³¹ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988, № 8,9.

3. Становление российской политической культуры: «искушения» власти и властью

Искушение III Римом: Святая Русь и имперскость. Русское и российское. Феномен интеллигенции. Искушение рационализмом Просвещения. Драма декабризма. П. Я. Чаадаев. «Новые люди» в подполье. «Чудо-партия» по ту сторону добра и зла. «Цветы зла» Русского Ренессанса. Невостребованные альтернативы свободы

Рассмотренный выше исключительно целостный нормативно-ценностный комплекс российской культуры, столь «озабоченный» проблемой власти, пережил ряд «искушений», давших мощные импульсы как российской политической культуре, так и ее осмыслению. В синергетической терминологии можно сказать, что эти импульсы порождали «точки бифуркации», определявшие дальнейшее развитие российского общества.

Искушение III Римом: Святая Русь и имперскость.

Первое искушение поддается практически точной датировке. 1453 г. – окончательно пал Константинополь. 1461 г. – турки взяли последний византийский город Трабзон и II-й Рим уже не существует. И почти одновременно: в 1478 г. Москва присоединяет новгородские земли, а в 1480-м окончательно сбрасывает татарское иго. Подъем и расширение Московского княжества фактически совпали по времени с упадком и крахом ромейской империи. Великое княжество Московское оказалось единственной православной державой. «Рим пал, но мы стоим, и мы Рим – искушение слишком сильное, чтобы не стать догмой, крепнувшей по мере практически неограниченного роста молодой евразийской империи.

Первое искушение, таким образом, связано с идеей всемирной христианской державы. Государственное самоутверждение народов Западной Европы не сопровождалось их претензиями на конфессиональную исключительность и универсальность. Все они принадлежали к «христианскому миру», гарантом духовного единства которого был Римский папа. Если на Западе национальное самосознание народов, их государственность оформлялись как часть единого христианского мира, то на Руси оно вскоре вылилось в форму «Святой

Руси». Причем «Земля Святорусская» оказывалась понятием не этническим и не географическим. В ее пределы, а точнее – беспредельность вмещаются (как показывает обращение к фольклору и духовным песням) и ветхозаветный рай и новозаветная Палестина. Это не просто традиционное для любого национального самосознания помещения своей земли в центр Ойкумены. Оно сопровождается освящением ее как мира истинной веры, причем веры, про которую заведомо известно, что она объединяет другие народы и в священных книгах которой ничего не говорится о народе русском. И, тем не менее, не Русь становилась частью христианского мира, а сам этот мир включался в содержание Святой Руси и отождествлялся с нею.

Искушение идей III-го Рима и Святой Руси имело существенные последствия по двум основным векторам российского культурного и политического опыта: по отношению к народу и по отношению к власти. Русский народ оказался народом-богоносцем – и не только и не столько в силу своей принадлежности Святой Руси. Его долготерпение, его страдания, его жертвенность уподобили его Христу, безропотно принявшему крестные муки и взявшему, тем самым, на себя грехи человечества, искупивший их. Русский народ в российском духовном опыте предстал как Спаситель и Мессия. Мощь этого духовного импульса трудно переоценить

Что касается власти, то российское имперское сознание, выпестованное в итоге этого Искушения, оказалось существенно отличным от монархического сознания римской империи, точнее империй (Римов) предшествовавших. Российское имперское сознание отнюдь не следует отождествлять с «византизмом», как это делается нередко до сих пор. Византия получила свой политический строй от языческого Рима. Поэтому самодержавная монархия воспринималась греческим православием как данность. На Руси же, прорастая из патриархальных отношений, самодержавие имело иной характер.

Прежде всего, это касается восприятия самой фигуры самодержца. Римский и константинопольский престолы были открыты любому удачливому узурпатору. Оспаривать чужое имя, кровь, родословную в этой ситуации было просто ни к чему. На Руси же главным оправданием занятия престола являются не личные качества претендента, а его принадлежность единому роду, наличие определенного имени. Поэтому даже очень способный и справедливый царь, как например Борис Годунов, не располагающий этой привилегией, лишался не только боярской поддержки, но и отторгался народным сознанием. И наоборот, наследники, лишённые трона, положенного им «от Бога», приобретали в общественном мнении ореол мученичества, страсто-

терпения, а затем и святости (Борис и Глеб, царевич Дмитрий, Николай II с семьей).

Российскому сознанию принципиально чужда идея источника полномочий власти как общественного договора, контракта, удовлетворяющего интересы различных сторон. Между волей индивидуальной и волей властителя принципиально отсутствует посредник – правовое сознание. У богоносного народа-Мессии может быть только царь «не от мира сего», вождь-носитель окончательной Правды. Поэтому в культуре, в которой власть имеет столь сакральные характеристики, неизбежно появление людей не просто алчущих власти, но и претендующих на идею всеобщего спасения, выступающих не от себя лично, а от имени этой идеи. Идея универсального и всеобщего спасения воплощается в персоне, претендующей на властное осуществление идеи.

Русское и российское. Феномен интеллигенции

Кроме того, искушение III Римом привело к оформлению российской политической культуры преимущественно как имперской. В этой связи важно различать российскую и русскую культуру.

Вся история России – история становления империи. Российская культура – великая культура. Но ее величие во многом обусловлено тем, что это культура имперски собирательна, культура культур. В ней находили свое место не только представители культур различных народов (Чурленис, Левитан, Шевченко, Гоголь, Даль и т. д.), но и целые культурные формы различных времен и народов: французский балет, итальянская опера, венская оперетта и т. п. Империи всегда оставляли великие культуры, имеющие общечеловеческое значение.

Фактически в России сложились две культуры. Одна – «верхняя», надэтническая, формировавшаяся вокруг властного официоза, – от великокняжеского двора до культуры Пушкинской эпохи и «Серебряного века». И «низовая» культура, этнически конкретная (на территории России проживает 10-12 относительно самостоятельных русских этносов со своим бытом, костюмами, танцами, песнями, кухней, жилищем). Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов – писатели прежде всего российские. Интеллектуальная гордость – философы В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет и другие – философы имперские по самому менталитету.

Русский народ оказался в двусмысленной ситуации культурной идентичности: практически все символы русской культуры на поверку оказываются символами и ценностями российскими, имперскими.

Следует подчеркнуть главное – культурный разрыв России на две культуры: культуру власти и культуру (культуры) народа. Этот разрыв был неоднократно усилен и оформлен духовно, идейно и конфессионально. Во-первых, религиозной революцией сверху: крещением Руси Владимиром – первой духовной травмой. «Княжеская религия» не сразу вошла в народную культуру, а когда вошла, то интегрировала в себя – в обыденном религиозном сознании и его проявлениях – изрядную долю язычества.

Во-вторых, – церковной реформой Никона, приведшей не только к расколу, но, что очень существенно, к взгляду на официальную церковь как противостоящую вере отцов, эту веру нарушающую и преследующую. И власть, это преследование осуществляющая, и уточненные книги, и уточненная служба предстали, как и властно и духовно чуждые народу.

В-третьих, эту ситуацию закрепили петровские реформы, инкорпориовавшие церковь в структуру власти. Недаром и Никон, и Петр I представляли в народном сознании как исчадия ада, а их время – как царство Антихриста.

Особенно существенна роль Петра I. До него в России сложилась довольно развитая система элиты, включающая в себя категории боярской аристократии, служилых людей (дворянства), именитых людей и гостей (купцов), посадских (ремесленников) и тяглого крестьянства. Высший слой каждой категории был много влиятельнее и богаче низшего слоя более высокой категории (например, богатейший посадский – богаче рядового дворянина). Петровские реформы спрессовали и упростили эту схему табелью о рангах. Это разрушило не только отечественную аристократию, но и демократию тоже. Причем на базовом ее уровне низового самоуправления. Домонгольская Русь управлялась княжеской «монархией» в сочетании с боярской аристократией и вечевой демократией. Еще в 1211 г. Всеволод III созвал первое сословное представительство – прообраз земских соборов. Произошло это за 54 года до созыва первого английского парламента. В городах же традиционно сохранялись сотни и слободы, а на селе – сходы.

Петр I разрушил именно низовую демократию, перешеголяв в этом даже свой бюрократический идеал – Швецию, сохранившую самоуправляемые приходы. Петр породил чудовищный рост бюрократического аппарата, а нормальные и естественные в аристократическом и демократическом обществах неформальные связи (сети) были объявлены вне закона. Петровская бюрократическая система в своем отрицании человеческих связей стала питательной средой коррупции, бесчеловечности и не случайно XVIII-XIX века ушли на постоянное смягчение бюрократического государства.

После Петра самоуправление развивалось только в высшем слое, что также дополнительно разрывало общество. Ранее система вотчинного государственно-хозяйственного устройства, служилого дворянства обеспечивали социально-этническое единство. Крестьянин знал, что его барин (боярин) – служит и его содержат как служилого (воина). Он выступал как бы ответственным за судьбу не только и не столько государства, а именно общества. Отсюда и особая патриархальность отношений землевладельца-дворянина и земледельца. После же петровских реформ крестьянин узнал, что на его шее сидит бездельник, которому он, крестьянин, почему-то принадлежит вместе с землей и которого он должен кормить. Неудивительно, что крестьянство ответило на это пугачевщиной. 25-летняя рекрутчина для крестьян и указ о вольности, избавлявший дворян от этой службы усилили разрыв.

И, главное, Петр Великий не прививал культурные заимствования, а просто насаждал иное. И после Петра в России эта практика в строительстве власти продолжилась (ср. советская власть, атеистическая пропаганда, преследование церкви, уничтожение храмов, советские и постсоветские реформы).

Разрыв и противостояние власти и народа, свойственные практически всей российской истории (не случайны и лозунги типа «Бог, Царь и Отечество», «народ и партия едины» – эти заклинания лишь подчеркивали реальное отсутствие этого единства) были оформлены не только политически и экономически, но и духовно, что не способствовало конструктивной консолидации общества.

Недаром после раскола, когда традиционные институты духовности были утрачены, функции духовных поводырей активно стали связываться с интеллигенцией, преимущественно – художественной. Поэт в России больше чем поэт, даже вопреки очевидным фактам, он – мученик, значит, заступник и учитель, к нему обращаются за ответом на свои личные проблемы и проблему обустройства общества – ситуация невыносимая в культуре Германии или Англии.

Российская интеллигенция – социальная группа, занимающая исключительно противоречивую позицию между властью и народом. Перед последним у нее всегда был комплекс вины. Она чувствовала и чувствует, что и образование и средства к существованию она получает из рук власти, т.е. за счет эксплуатации и все того же «кормления». Отсюда стремление опроститься, слиться с народом, раствориться в нем. Но при этом, одновременно и стремление научить, повести народ за собой, указать ему дорогу помимо, а то и вопреки его воле. Поэтому народ интеллигенцию не любит и ей не доверяет.

Не менее противоречиво и отношение интеллигенции к власти, к которой интеллигенция почти всегда оказывается в оппозиции,

у власти всегда «не те», которые все делают «нет так», кто бы это ни был, власть всегда «не чиста», «отвратительна», корыстна и вообще – приличный человек с властью дела не имеет. И в то же время – постоянная готовность предлагать проекты и программы, просвещать, учить ее, быть в роли критика-поводыря. И в том и в другом случае – уход от ответственности. Поэтому власть интеллигенцию также не любит и не доверяет ей.

При всем своем промежуточном положении русская интеллигенция не является «средним классом», стабилизирующим общество. Сама лишенная прочного экономического положения, духовно и культурно оторванная от народа, она своими идейными шараханиями не стабилизировала российское общество, а все больше «раскачивала лодку». Чем оборачивается такая расколотовость культуры – история России показала воочию. Но перед этим российский политический и культурный опыт пережил еще одно радикальное искушение.

Искушение рационализмом Просвещения

Речь идет об одном из последствий петровских преобразований, закрепленных в царствование Екатерины II, преобразований, открывших новые горизонты развития России, открывших ее для восприятия западноевропейского опыта и культуры. Российская имперская культура, аккумулированная во властных слоях общества, центрах и структурах власти, приобретала все более выраженный общезивилизационный характер, еще более отрывалась от народных корней. В конечном счете, это противостояние культур и взорвало империю. Критическая масса была накоплена в течение двух столетий. Второе радикальное искушение российского культурного и политического опыта, породившее его нравственную катастрофу, связано с рационализмом европейского Просвещения и особенно – с попытками его практической реализации.

Согласно рационалистическим представлениям, поведение нравственно, если оно следует общим законам, познаваемым с помощью разума. «Только разумное существо имеет волю, или способно поступать согласно представлению о законах», – писал И.Кант. Для рационалистической этики неразделимы разум, долг – как следование познанным законам, и добрая (свободная) воля – как реализация долга. В конечном счете, воля оказывается свободной только в плане ее разумности. С этим трудно не согласиться. Возражения может вызвать формальное, внеличное пони-

манье разумности. Но это уже издержки любой рационалистической концептуализации.

Мир европейского рационализма – это механизм, и человек в своем бытии должен подчиняться действию всеобщих законов этого механизма. «Печальное наследие рационализма, что правда может быть только истиной, слагающейся из общих моментов...», – писал М. М. Бахтин. Теория и практика рационализма – поиск все более «общих мест», которым как внешнему «надо» должен подчиняться человек. Более того, сам он оказывается средством реализации вне- и над-индивидуального закона, его удел, говоря словами И. Канта, – «не ждать ничего от склонности человека, а ждать всего от верховной власти закона и должного уважения к нему». В другом месте тот же Кант писал: «человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовлетворение в жизни» – вот по сути дела подлинный императив рационалистической нравственности. С одной стороны, она основана на самоотречении, смирении и послушании во имя универсального общего. В этой ситуации наиболее нравственным будет полное самоотречение во имя этого общего.

С другой стороны, «уважение» к общему универсальному (тотальному) закону, так или иначе, но ориентировано на автора и гаранта этого закона, подчинение его воле, выраженной в законе. Такое высшее существо стоит вне мира, устанавливает законы безотносительно к чему бы то ни было, фактически – произвольно, и таким образом истинной свободой воли обладает только оно. В условиях реальной практической земной нравственности – это лицо, наделенное властными полномочиями или присвоившее себе «право иметь». Тем самым он претендует на богоподобие, считает себя вправе действовать, совершая насилие над другими, своего счастья не ведающими, не посвященными в истинное знание.

Нравственные тупики «взбесившегося» разума были ярко высвечены Ф. М. Достоевским, неоднократно подчеркивавшим «окалеченность» рационалистического сознания, «убивающего и парализующего» жизнь, его неморальность и аморальность, скрытую или явную тенденцию к насилию, доходящую до санкции убийства – себя или другого человека. Действительно, таков путь любой рационалистической утопии и ее реализации – будь то в художественных образах (шигалевщина и легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского, Город Солнца Т. Кампанеллы, «Мы» Е. Замятина, «1984» Д. Оруэлла, «Чевенгур» А. Платонова и др.), будь то в жизни (сталинщина, полпотовский режим и т. п.).

Целью любой рационалистически-бюрократической утопии является внеэтическое законообразное функционирование общего и отрицание (вплоть до уничтожения) человеческой индивидуальности.

Воплощение идеала главного чевенгурского «теоретика» Проши Дванова – «...думает не более одного человека, а остальные живут порожняком и всегда вслед первому... все себя знают, а никто себя не имеет» – практический итог рационалистической нравственности. Стремление человека к свободе оказывается послушанием, «себя не иметь», а свобода воли – волей к неволе.

И в этом плане рационализм оказывается созвучным предельным напряжениям российской культуры с ее озабоченностью проблемой власти, тяготением к полюсам кротости и крутости. Рационализм лишь проясняет их амбивалентность: спонтанный волюнтаризм деспота и смиренное послушание остальных.

Искушение рациональным прояснением амбивалентности кротости и крутости происходило не только в русле философствования на темы нравственности. Исключительную роль сыграла политическая практика просвещенного рационализма в период Великой Французской революции. Роль французской культуры в развитии культуры России, в становлении российской революционной мысли хорошо известна. Отметим лишь главное для данного контекста.

Жиронда и якобинство – политическая практика рационалистического Просвещения с его верой в добро, разум, неукоснительную справедливость, всеобщее равенство, свободу и братство. Была даже предпринята попытка отменить христианскую конфессию и само понятие Бога, заменив их культом Высшего существа и Разума. Себе эти люди не искали выгоды, считая, что творят всеобщее добро, а если кто-то этого не понимал, то это не только ставилось ему в вину, но он подлежал изоляции и скорой казни. Робеспьер – ученик Руссо, главный идеолог и практик якобинства – в 1794 г. выдвинул целью революции создание «республики добродетели», в которой главной движущей силой «должны быть одновременно террор и добродетель: добродетель, без которой террор пагубен, и террор, без которого добродетель бессильна. Террор это ничто иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, он, следовательно, является эманацией добродетели». С помощью такой аргументации только на гильотине во время якобинской диктатуры было казнено около 50 тыс. человек. Гильотина, наверное, была избрана орудием казни неспроста, а как своеобразное практическое следствие культа разума: если ты не понимаешь общее благо и необходимость, то голова твоя явно лишний предмет. Жертвам сталинских репрессий тоже стреляли в голову, а полпотовцы отбивали ненужные головы мотыгой. Во времена «развитого социализма» инакомыслящих уже просто помещали в специальные психиатрические лечебницы.

Точка бифуркации: драма декабризма. П. Я. Чаадаев

Редкий случай в истории – событие, существеннейшим образом определившее развитие российской политической истории и культуры – имеет точную дату: 14 декабря 1825 года. Декабризм – нереализованный шанс перевести развитие империи в конструктивное русло. Трагедия была не в несвоевременности восстания или плохой его подготовке. Момент междуцарствия 1825 г. был исключительно благоприятный, выявивший всю несостоятельность российского царизма, превращающего политическую судьбу страны в семейную дрязгу – свидетельство полного разложения патриархальных корней самодержавия. Шансы на победу, на реализацию плана Трубецкого были велики. Общественное мнение, позиция генералитета фактически были на стороне дворянского авангарда – свидетельства этого сейчас достаточно известны. Трагедия была в том, что эта точка бифуркации российской истории была, в силу ряда случайностей, пройдена именно таким образом (провокационный действия Якубовича, бессмысленное убийство Каховским Милорадовича), за чем последовала картечь, изощренное антигуманное следствие, казни, сибирская каторга и тотальный контроль за инакомыслием.

Тема декабризма – вечная тема российского политического самосознания и самоопределения. Кто такие декабристы? Молодые европейски образованные офицеры – один из наиболее ярких российских плодов европейского Просвещения. И не просто блестящие офицеры, а победители – среди них были участники Великой Отечественной войны 1812 года, в которой Россия перемолола не просто наполеоновскую армию, а фактически армаду всей континентальной Европы, объединенной волей Бонапарта. Эти офицеры прошли всю Европу, поили своих коней из вод Сены. Они участвовали в победе России не просто над врагом, а над Францией, пережившей недавнюю Революцию (к идеям и ходу которой в России испытывался обостренный интерес), воцарение Бонапарта и победоносное шествие по европейским столицам.

Какое искушение установления разумного общественного устройства с помощью просвещенной властной воли?! Дело за малым – надо только взять власть: традиционная российская постановка проблемы и ее решения. Перед глазами декабристов был не только пример Робеспьера и Бонапарта. В родном отечестве за предшествующее столетие был накоплен богатый опыт целой серии «серальных» (по выражению А. И. Герцена) дворцовых переворотов и царевубийств. Поэтому идея узурпации власти – естественна для российских офицеров первой четверти XIX в. Бонапартизм придал ей лишь дополнительный романтический вид. Самозванство – не очень явная, но сквозная тема

декабризма. Многие декабристы подозревали друг друга в бонапартизме: Рылеев – Трубецкого, Якубович – их обоих, все вместе – Пестеля. Батеньков готовил себя к роли Бирона при Иоанне Антоновиче, Булатов – к роли верховного спасителя. Вершинным выражением этого самозванства стала фигура Якубовича, оказавшегося способным не просто на ложь и отказ от данного слова и порученной ключевой роли (что привело к провалу исходного плана), но и на попытку манипулировать не только восставшими, но и императором, и генералитетом.

Декабризм интересен и важен еще и тем, что в нем заложены практически все линии и направления общественной мысли, связанные с поиском пути обновления России. Вот пункты программы «Союза благоденствия», предшествовавшего Северному и Южному обществам: «1-е. Поддержание всех тех мер правительства, от которых можно ожидать хороших для государства последствий; 2-е. Осуждение всех тех, которые не соответствуют этой цели; 3-е. Преследование всех чиновников, от самых высших до самых низших, за злоупотребление должности и за несправедливости; 4-е. Исправление по силе своей и возможности всех несправедливостей, оказываемых лицам, и защита их; 5-е. Разглашение всех благородных и полезных действий людей должностных и граждан; 6-е. Распространение убеждения в необходимости освобождения крестьян; 7-е. Приобретение и распространение политических сведений по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и прочих; 8-е. Распространение чувства любви к Отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению». Эти восемь пунктов – своеобразный «восьмеричный путь» российской демократизации, до сих пор – концептуальное ядро любой программы демократического обновления России.

Я. А. Гординым,³² А. А. Лебедевым³³, другими авторами убедительно показана широта спектра представленности в декабризме «порождающих моделей» российского демократизма. От радикального (как пестелевского – выдержанного в духе якобинства, так и романтически тираноборческого, представленного Каховским) до реформистского, выраженного как в программах и действиях братьев Бестужевых, так и в либеральном утопизме и шатаниях Батенькова, также разрушительно сказавшихся на реализации плана восстания. Даже азевовский сюжет оказался выраженным в действиях того же Якубовича.

Особый интерес представляет в этой связи фигура П. Я. Чаадаева. Участник войны 1812 г., лично знавший обоих императоров, друг А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, он хорошо знал декабристский круг

³² Гордин Я. Мятеж реформаторов. Л., 1989.

³³ Лебедев А. А.: Красота и ярость мира. М., 1989; Чаадаев. М., 1964; Честь. М., 1989.

и даже являлся членом первого тайного общества. За время путешествия по Западной Европе слушал лекции Шеллинга, общался с ним и состоял в переписке. А. И. Герцен, В. Г. Белинский, славянофилы часто бывали у него, официально объявленного сумасшедшим (архетип российского диссидентства!). И наконец, он был знаком с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, их сторонников. П. Я. Чаадаев – своеобразная призма, сфокусировавшая основные проблемы, идеи и темы российской общественной мысли. От него расходятся, образуя основные линии и сюжеты ее дальнейшего развития: как либерализма, так и мистического почвенничества.

Пожалуй, наиболее явственно способность Чаадаева сфокусировать и сформулировать свою мысль проявилась в его знаменитом парадоксально провидческом афоризме: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники». ³⁴ Стоит зафиксировать смысл этой конгениальной российскому опыту мысли. Во-первых, победа социализма – непреложный факт будущего. Во-вторых, у социализма отсутствует собственный победительный потенциал (он неправ). В-третьих, причина его грядущего торжества не в его правоте (ее у него нет), а в заблуждениях и слабости его противников.

После 14 декабря 1825 года Россия была обречена на авторитарность и традиционализм политического режима, порождающие болезненность любых процессов обновления. Они стали возможны только как «революции сверху», как принудительные нововведения. В этих условиях становятся неизбежными как исключительная роль власти и верховного правителя – с одной стороны, и проблемы, тупики либерального демократизма, а также демократизма радикального – с другой.

«Новые люди» в подполье

Крах декабризма и последовавшая реакция не остановили проявления других следствий прививки рационалистического Просвещения российскому духовному опыту. Ими стали влияние немецкой классической философии и романтического идеализма. Результатом этого влияния стало противостояние западничества и славянофильства. Последнее имеет свои идейные корни в немецком романтизме с его идеями «почвы», «народного духа» и т. п. Другим результатом стало проникновение и развитие позитивистского мировоззрения, отрицающего постановку религиозных и нравственных проблем,

³⁴ Чаадаев П. Я. Полн. собр. сочинений и избранные письма. В 2 тт. М., 1991.

с его установкой на самоценность конкретного («позитивного») естественнонаучного знания, и породившего, помимо прочего, явление, с легкой руки Тургенева названное «нигилизмом». И наконец, это проникновение и развитие в России идей «научного социализма», в том числе и в их марксистской формулировке.

«Общие понятия и большое самомнение в любой миг могут стать причиной большого несчастья», — писал Гете. К сожалению, именно это и произошло с Россией. Поверхностное усвоение западных идей, общее о них понятие при большом самомнении и принесли, в конечном счете, большое несчастье. Страшную опасность хорошо видел Ф. М. Достоевский, ясно прописавший в «Бесах» истоки, содержание и возможные следствия этой самозванной нетерпимости. Можно сказать, что им, фактически, в общих чертах и даже деталях был осмыслен грядущий «порядок». Угаданы не только идеи, но даже их социальное происхождение — недоучившийся семинарист, претендующий на абсолютную истинность своих поверхностных рационализаций. В 1876 г. Достоевский писал: «но может ли семинарист быть демократом, даже если захотел того?» Недоучившиеся студенты, семинаристы, экстерны, «самоучки», усвоившие в пропагандистских кружках упрощенный популяризаторами марксизм и довели Россию, в конечном счете, до деспотического тоталитарного режима, идеологией стала диалектика, упрощенная до абстрактных схем школярской схоластики. Это сознание и идеология, отключенные от живой культуры и живой мысли, развивающееся в самодостаточном мире абстракций. Поэтому они особенно опасны, когда предпринимаются попытки их воплощения. Это отчетливо видно в эволюции российского революционного демократизма. Великая реформа 1861 г., осуществленная сверху (для народа, но без него) была не понята народом, ждавшим «черного передела» и была отторгнута революционными демократами, у которых она буквально выбила почву из под ног. После отмены крепостного права наиболее радикальные революционеры-народники (самозванные борцы за дело народное) предали анафеме и реформу, и ее последствия, и ее создателей. Более того, — устроили охоту на царя-освободителя.

Левонароднический экстремизм с его трагической идеей героического самопожертвования слился с мыслью о мессианизме и избранничестве. Народовольцы — не пионеры политического экстремизма. Задолго до бомбы Гриневицкого можно найти в истории примеры кровавого террора. Но только в российском экстремизме террор получил глубокое экзистенциальное нравственное обоснование. Показательно, что народовольцы публично выразили «глубокое соболезнование американскому народу» по случаю гибели президента Дж. А. Гарфильда, убитого, кстати, в том же 1881 г. Исполнительный комитет «Народ-

ной воли» посчитал «своим долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито». Прекрасно понимая всю двусмысленность своего положения, народовольцы поясняли, что там, где существуют политические свободы, демократическая государственность, там «политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей».

Показательно авторитетное свидетельство выдающегося практика российского экстремизма³⁵ – Б.Савинкова, приводящего обращенные к нему слова молодой террористки: «Почему я иду в террор? Вам не ясно? «Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю» – Вы понимаете? Не жизнь погубит, а душу!». Российский экстремизм это сознательное душегубство по высоким нравственным мотивам. Причем душегубство двойное: убить другого человека, погубив собственную душу. Итог этого двойного душегубства – спасение собственной души, в великой идее.

«Жить в идее значит обращаться с невозможным так, как будто оно возможно», – замечал тот же Гете. Но является ли сам факт «жизни в идее» оправданием возможности любого «невозможного»? Старый как мир вопрос – оправдывает ли великая цель любые средства? Российское революционно-демократическое сознание выработало свои ответы на эти вопросы, в которых российский культурный опыт получил уточнение и развитие.

Богатый материал для осмысления этих «уточнений» можно найти у Писарева и Чернышевского с их проповедью «реалистов» и «новых людей» с их особой моралью, в творчестве М.Горького с его поэтикой босячества, в его «Песнях» («О Соколе» с ее противопоставлением «рожденных летать» «рожденным ползать», «О Буревестнике» с ее самоценностью бури), повести «Мать» с ее явным новозаветным сюжетом и особенно «Старуха Изергиль» с легендой о Данко, огнем своего сердца, вырванного из груди, осветившего путь заблудшим (и оказавшимся неблагодарными) людям. В этих произведениях нашло свое образно-мифологическое выражение содержание революционно-демократического сознания.

Прежде всего, это противостояние нравственного героя и толпы, им ведомой. Герой, осуществляющий, говоря словами П.Лаврова, «свою историческую деятельность во имя нравственного идеала», оказывается не только вне нравственной оценки – отрицается даже возможность такой оценки его деятельности.

³⁵ Савинков Б. +++

Кроме того, это необходимость веры герою и в идеал. Вне- и безнравственный герой, противостоя толпе и ведя ее за собой, нуждается в том, чтобы толпа безоговорочно верила ему, а еще лучше – в него. Согласно тому же Лаврову, борющейся партии более всего опасны не противники, а неверующие. Поэтому, утверждал он, – «нужны мифы и их мученики, легенда о которых переросла бы их истинное достоинство, их действительную заслугу. Им припишут энергию, которой у них не было. В их уста вложат лучшую мысль, лучшее чувство, до которого доработаются их последователи. Они станут недостижимым, невозможным идеалом перед толпой. Число гибнущих тут не важно. Легенда всегда их размножит до последней возможности».³⁶

В герою и толпе нетрудно увидеть трансформировавшийся идеал святости как самоистощания и самоценности страдания.

Показательно, что такой ментальности органически присуща тема «культы». Богостроительский сюжет в российской социал-демократии не случаен и заслуживает пристального внимания. Среди богостроителей – тот же Горький, А. А. Богданов (крупнейший теоретик-марксист и автор повестей «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» – дореволюционных предтеч советской фантастики), такой теоретик и идеолог как А. В. Луначарский. Последний, кстати, рассматривал К. Маркса как «продолжателя дела пророков», а марксизм – как «последнюю великую религию».³⁷ Заслуживает внимания и тема богоборчества, сатанизма, нет-нет, да и проявляющаяся в леворадикальной мысли. По крайней мере, М. Бакунин восславлял Сатану – «вечного мятежника, первого свободного мыслителя и эмансипатора миров», а тот же Луначарский развивал в ницшеанском духе мысли о Люцифере.

Среди других составляющих этого менталитета – конспиративность, установка на тайну и секретность замыслов, следствием чего, помимо прочего, является и допущение лжи «во благо». Толпе незачем знать подлинное лицо и мысли «героев», ее можно сознательно вводить в заблуждение, если это идет на пользу «общему делу». Из этого вытекает самоценность единства, необходимость иссечения любых частных мнений и сомневающихся, любого инакомыслия. Отсюда и самоценность конспирации. Кон-спирация – буквально означает единство духом.

³⁶ Лавров П. А. Исторические письмаю СПб, 1906, с.285-286.

³⁷ Луначарский А. В. Религия и социализм. Ч.1. СПб, 1908. СС.31, 46.

И наконец, следует упомянуть ориентацию на оправданность присвоения результатов чужого труда: от теоретической «экспроприации экспроприаторов» до практического «грабь награбленное».

Речь, таким образом, идет об опыте, ориентированном не на созидательную деятельность, а на нравственное целеуказание, идеологический эзотеризм и... все то же кормление. Такое своеобразное уточнение и очистку испытал российский культурный опыт в революционно-демократическом сознании и практике. И в этой связи нельзя пройти мимо одного из самых сокровенных искушений европейским рационализмом – искушения марксизмом.

«Чудо-партия» по ту сторону добра и зла

После реформы 1861 г. – и чем дальше, тем больше – революционно-освободительное движение заходило в политические, теоретические, идеологические и нравственные тупики индивидуального террора. Возможный успех аграрной реформы, перспектива дальнейшей капитализации экономики России, заметного становления среднего класса лишали борцов за свободу народа (помимо и вопреки воле самого народа) почвы под ногами, вынуждали искать новые аргументы в поиске возможностей всеобщего и одновременного прыжка в царство справедливости. И революционеры нового поколения нашли такие аргументы в «научном социализме», марксизме с его сведением личности к общественным отношениям, свободы к исторической необходимости, морали и нравственности к классово-партийным целям.

Разложение довольно архаического сознания народничества, крайним выражением народолюбия которого стал индивидуальный террор против представителей власти, вызвало энергичные поиски союзников в неприятии все более прораставшего в России капитализма и борьбе с ним. Такой союзник парадоксальным образом был найден в марксизме – чрезвычайно рационалистическом и наукообразном учении, в котором говорилось о неизбежном крахе капитализма именно в силу частно-собственнического характера экономических отношений, что на смену капитализму придет общественный уклад, ликвидирующий частную собственность, с коллективистской моралью. И выводы эти сделаны на основе научного анализа и научно выявленных законов общественного развития, к которым пришла сама новейшая европейская наука.

Российский революционаризм увидел новые аргументы для правового нигилизма во имя некоей целесообразности насилия (диктатуры пролетариата). Причем все это были аргументы, строящиеся на основе якобы открытых законов общественного развития, для приведения

в соответствие с которыми и нужно осуществить насилие над обществом. И дело опять же только за малым: надо только взять власть и экспроприировать экспроприаторов – остальное получится само собой. Марксизм давал простые ответы на непростые вопросы. Кто виноват? Экспроприаторы-собственники – надо только указать на них пальцем. Черносотенцы тыкали в одних, сами крестьяне в «грабизках» определялись с другими. Самого многочисленного экспроприатора, которого надо было экспроприировать указывал марксизм. Что делать? Борьбаться за власть, для чего необходимо создание российской революционной партии «нового типа».

И такая партия была создана. Ее новизна заключалась прежде всего в том, что она не связывала себя парламентскими формами борьбы за власть. Она ставила себя по ту сторону добра и зла. Нет общечеловеческих ценностей и морали. Есть классовые (а точнее – партийные) интересы и цели. Моральная философия российской революции характерна например, в отношении к «эксам» (экспроприациям – грабежам банков, почт, богатых людей). Отношение это даже в РСДРП было неоднозначным. Большевики считали оппортунистической саму постановку вопроса о моральных и аморальных, допустимых и не допустимых методах борьбы, а согласно Ленину, «марксизм, безусловно, не зарекается ни от каких форм борьбы». Вопрос этот обсуждался на двух (совместных) съездах – IV и V – где большевиками предлагалось признать экспроприации допустимыми при условии «самого строгого контроля со стороны партии». Оба раза, однако, проходила резолюция меньшевиков, запрещающая какое бы то ни было участие в экс-ах или содействие им. Часть большевиков – и Ленин в том числе – голосовала против. Некоторые дружины, не подчинившиеся решениям съездов, быстро скатились к простой уголовщине и бандитизму.

Младший Ульянов, в отличие от старшего брата-бомбиста, действительно пошел «другим путем». Но другим путем шел тот же российский революционер-народник. Марксизм в России был воспринят народнически, он был надет как перчатка на руку революционно-освободительным движением. И перчатка эта пришлась очень по руке. В итоге мифологема российской политической культуры были выражены в марксистской рационалистически-научнообразной терминологии, а сам марксизм приобрел характер учения, дающего ответы на все случаи жизни, т.е. приобрел черты мифологии, что лишь усиливалось его упрощением и популяризацией для целей пропаганды в неподготовленной малообразованной среде.

Более того, он дал нравственное основание и благословление новому витку насилия, подняв его на качественно (и количественно!) новый уровень –

речь уже шла о терроре не индивидуальном, а классовом. Люди подлежали уничтожению не за принадлежность к власти, а за принадлежность к классам.

Марксизму поверили на слово в его пророчестве об исторической несостоятельности и гибельности рыночной экономики, частной собственности, парламентской демократии и либерализма. Поверили, потому что очень хотели верить. Через искушение «научным социализмом» прошел практически каждый российский интеллигент. К октябрю 1917 г. партии той или иной степени социалистической ориентации составляли подавляющее большинство в России.

Однако, роль марксизма – не в подмене российского мессианизма мессианизмом пролетарским. III Интернационал – не III Рим, как полагал Бердяев. Марксизм нес в себе самостоятельный мощный заряд духовной и политической энергии, заключенный в единстве глобального размаха, научной глубины и формы изложения, а также мобилизующей силы революции обездоленных (пролетариата), которым нечего терять в этом мире. Симбиоз российской культуры и коммунистической идеи послужил источником мощнейшего взрыва духовной и политической энергии.

«Цветы зла» Русского Ренессанса

Каждый образованный человек в России с большим пиететом относится к российской культуре начала века, давшей мощный импульс развитию всей мировой культуры: искусства, науки, техники. Импульс настолько мощный и яркий, что эта культура получила название «Серебряного века», «Русского Ренессанса». Важно только помнить, что это был расцвет городской – именно российской, имперски собирательной культуры, во многом чуждой культуре народной, оторванной от нее. Более того, культура Серебряного века символизирует уже и отрыв от своих властных корней, она существенно противостоит и власти, являясь культурой именно светской, городской, пытающейся жить своей, самодостаточной жизнью.

По авторитетному свидетельству одной из титульных фигур «Русского Ренессанса» – З.Гиппиус, для духовной атмосферы начала XX века, была характерна духота, ощущение парника, неестественности, декаданса и если уж расцвета, то «цветов зла». Радикализировавшуюся образованную молодежь охватило стремление прочь из аномального мира к новой, невиданной и неслышанной норме. Дополнительный импульс этому стремлению дали идеи Ф.Ницше, стремительно вошедшего в российскую интеллектуальную моду после своей смерти в 1900 г., особенно – идея сверхчеловека по ту сторону добра и зла. Приблизить смерть больного. Помочь ему умереть. Пусть

сильнее грянет буря. Слушайте музыку революции. Рожденный ползать летать не может. В этом плане М.Горький, А.Блок, Л.Рейснер – фигуры типологически единые.

Несогласие с существующим – духовный опыт всей российской культуры. Все мыслящие так или иначе, но всегда были «против». Формы этого изначального, «онтологического» несогласия были многообразны. Но начало XX века, сочетание народнических традиций с модернизмом и авангардизмом породило эпически парадоксальную форму – сплав эгоцентризма, элитарности и жертвенности – имманентного самозванства, направленного против самого себя, с темной стихией российского бунта заигрывали и символисты и футуристы. А.Блок призывал «слушать музыку революции». Общим было стремление вернуть долг обездоленному народу, который, быть может, уничтожит и интеллигенцию с ее культурой вместе: «Но вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном», – писал В.Брюсов.

В этой связи можно говорить о мировоззренческой и духовной ответственности российской интеллигенции за катастрофу 1917-1922 гг. Одна ее часть самоунижалась перед «народушкой», а другая звала его к топору, заигрывая с бунтом и насилием, высмеивая либерализм и превращая слово «либерал» в презрительное ругательство. Российская интеллигенция так и не выполнила свое историческое предназначение, не смогла или не захотела выразить идею нации в целом, которая бы сплотила российское общество. Более того, интеллигенция оказалась безответственной как по отношению к народу, так и по отношению к власти, что убедительно продемонстрировал 1917 год – краткий период нахождения у власти самой интеллигенции. Мудрый М. М. Пришвин как то заметил, что петербургская и московская интеллигенция накануне революции «держалась за столб дыма – ветер и подул».

В объективном итоге, как и идеологический и политический потенциал марксизма, так и духовные метания художественной интеллигенции, – сработали на «очищение», рафинирование в российском сознании безответственной нетерпимости. Заигрывания интеллигенции с насилием и мировым пожаром заканчивалось. Начинались реальные насилие и пожар.

Невостребованные альтернативы свободы

Были ли у России иные возможности? Какие альтернативы оказались невостребованными? Был ли в них потенциал свободы и ответ-

ственности – антиподов неменяемому самозванству? И с кем этот потенциал был связан – с народом? с властью? с интеллигенцией?

Неправые противники. В этой связи самое время вспомнить об «оказавшимся неправыми противниками социализма» из чаадаевского пророчества. Кто же оказался неправ и не востребован российским обществом? Представляется, что можно говорить о трех основных группах «противников», а значит, и о трех основных видах «неправоты».

Первая группа – те, кто не принимал социализм с великодержавных, националистически-монархических позиций, от имперского космополитизма до черносотенства, от офицерства и чиновничества до провинциального купечества и помещиков. Речь идет в этом случае об исторической неправоте сторонников обессиленного режима и выдохшейся династии, не случайно потерпевших поражение в Гражданской войне. Однако со временем эти «противники» распознали имперскую великодержавную тему в реальном социализме и коммунистической идеологии.

Не случайно А.Деникин в 1939 г. в Париже поднял тост за Советскую Россию и большевиков, которые «смогли сделать то, что не смогли мы – спасти великую империю», а один из наиболее активных монархистов и борцов с советской властью В.Шульгин в конце концов вернулся в Советский Союз и даже написал довольно апологетическую книгу. В наши же дни прямо осуществляется предсказанный еще в 1920-е годы А.Аскольдовым и С.Франком синтез красной и черной идей. Нынешние фашиствующие националисты легко находят общий язык с коммунистами-фундаменталистами, колхозно-совхозными феодалами и другими сторонниками распределительной огосударственной (по сути деа – вотчинной) экономики. То, что предшественники «свои своих не узнаша», лишь подчеркивает их тогдашнюю историческую недалекую неправоту.

Второй круг противников социализма – среда преимущественно художественной творческой интеллигенции начала века, близких к ней философов «веховской» традиции. Это была философия преимущественно публицистическая по жанру и имела яркую нравственно-религиозную направленность. Именно она определила во многом феномен русской философии начала века, философии «русского Ренессанса». Многие из этих философов прошли через искушение социализмом и социал-демократией, решительно отвернулись от них, а оказавшись за рубежом, со все нарастающим интересом и даже симпатией следили за строительством социализма в России. Для этого философствования характерна двойственность – с одной стороны,

острое неприятие царизма, то есть явная оппозиция монархизму и националистическому изоляционизму, с другой – главная тема этого философствования – идея свободы, но не в ее либеральном понимании.³⁸ И тут проходит самый нерв отношения русской религиозной философии к социализму.

Как уже отмечалось, социальный идеал общественного устройства в русской философии основан на идее всеединства (соборности, симфоничности, общинности и т. п.) – главной и типологической теме русской мысли от А. С. Хомякова до Л. П. Карсавина, от космизма Н. Ф. Федорова до персонализма Н. А. Бердяева. Речь идет о стремлении к целостности, когда бытие (и общественное тоже) в его полноте мыслится как совершенное единство, образованное из многообразных и сообразных друг с другом частей гармоничное целое. При всей ее привлекательности идея всеединства (соборности) имеет характер именно идеала, но отнюдь не программы практических действий. Фактически русская философия выработала одну из наиболее ярких нравственно-религиозных утопий. Практика реализации идеала соборности не ясна, оставаясь в лучшем случае опытом работы ума и души индивида. Поэтому социальная практика реализации этого возвышенного идеала может быть любой. Однако весь исторический опыт – и России в особенности – свидетельствует, что попытки реализации утопий рано или поздно оборачиваются насилием над другими людьми, над обществом и природой, которых пытаются «привести в соответствие». Подобная идеология становится вдвойне опасной, если она сочетается с идеей национальной исключительности. Да, русский народ отзывчив, миролюбив, но когда в разговорах о русскости начинаются утверждения русской всеотзывчивости, всемирности, всесобирательности, готовности быть старшим братом-объединителем всех и вся – это не может не вызывать у других народов настороженность.

Иначе говоря, русская религиозно-нравственная философия также оказалась несостоятельным противником социализма и даже сама несла в себе изрядный потенциал тоталитарного сознания. Утопизм и эсхатологизм, нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом сближают русскую религиозную философию с ее оппонентом – не по букве, но по духу, если не архетипически.

Недаром Бердяев, автор наиболее эмоциональных инвектив по адресу социализма и большевизма и разрушительной критике его в «Философии неравенства», написанной еще в России по горячим следам, не только впоследствии отказался от этой своей работы, не только все более подчеркивал особую близость большевизма русской ментальности, но и увидел в нем вы-

³⁸ Вехи. Из глубины.-М.,1991.

ход из тупика цивилизации. Согласно Бердяеву, цивилизация неотвратимо движется к социализму – новому средневековью: «Процессы, направленные к преодолению национальной замкнутости и к образованию универсального единства, я называю концом новой истории, ее индивидуалистического духа, и началом нового средневековья... В этом смысле коммунистический интернационализм есть уже явление нового средневековья, а не старой новой истории». Л. П. Карсавин, вместе с духовно руководимыми им евразийцами, отвергал принцип демократии в пользу корпоративных социальных форм, основанных на жестком иерархическом подчинении индивида социальным образованиям. К этим предпочтительным формам он относил и «некоторые формы диктатуры, как коммунизм и фашизм».

В наши дни уже очевидно, что социализм, особенно в его коммунизированной версии, – не есть строй, идущий на смену капитализму и буржуазной демократии, не есть их порождение, а наоборот – является идеологической и политической реакцией на них.

Реальный социализм не дал роста общественной производительности труда. Наоборот – создалась изощренная система принудительного труда с отчуждением не только прибавочного, но и основного продукта, то есть развитая система не то что эксплуатации – присвоения результатов чужого труда: от тихого воровства до вооруженного разбоя власти. Не дал он и роста свободы личности, стирания классовых границ – сформировалось кастовое общество, еще более архаичное. Недаром в идеологии и культуре социализм породил мощный выброс дохристианской, если не доязыческой архаики, одним из выражений которой явилось не всегда осознаваемое смертобожие. Кладбище на центральной площади столицы, в центре этого кладбища – непогребенный труп. Мавзолей – как трибуна вождей, парады, демонстрации и празднества на этом капище. Кладбищенское дерево – ель как непременный атрибут дизайна власти. Доски почета – стилистически отнюдь не иконостасы, а скорее – стенки в колумбарии (тождество успения и успеха).

Социалистическая революция не имеет отношения к общественному прогрессу, это реакция, исторический спазм, бегство от бед и тягот переходного периода модернизации, бегство от свободы, от личностной ответственности за себя. Недаром реальный социализм – «достижение» отнюдь не наиболее развитых обществ, а только тех, в которых сохранились феодальные отношения. Если воспользоваться марксовой же формулой, что ни один строй не уходит с исторической арены, не исчерпав всех своих возможностей, то в этом плане реальный социализм не столько «новое средневековье», сколько государственно-монополистический феодализм, который действительно уходит с исторической арены, исчерпав свои возможности, обескровив общество полностью.

Поэтому можно констатировать, что конструктивной альтернативы социализму русская религиозная философия не выработала. Ее нежизненность и неправота заложены в ней самой. Если весь мир идет по пути свободы, а Россия упорно цепляется за метафизическое всеединство в теории, уравниловку, отказ от личностной ответственности и самозванство на практике, то... тем хуже для всего мира!?

Несостоявшаяся реформация. Довольно распространенным является мнение, что в российском культурном опыте начала XX столетия вызревала «русская реформация» – новое откровение о человеке. В этой связи упоминаются нравственные проповеди Толстого и Достоевского, искания религиозных философов, течение имяславия, пресеченное перед самой I Мировой войной. Решили ли эти искания задачу, поставленную еще И.Киреевским – создание «самобытного православия»? И насколько православие было принято в качестве феноменологической основы этого философствования? Факты показывают, что наиболее последовательные попытки решения этой задачи уводили философа (например, С.Булгакова) полностью в сферу богословия. Стремление же реализовать мировоззренческий потенциал православия приводило авторов таких попыток к конфликтам с догматикой и историческим православием. Так, попытка тщательного философского осмысления догматики (вплоть до деталей формулировок, разбираемых по греческим оригиналам соборных определений), предпринятая Л.Карсавиным, оставила в стороне экзистенциальные стороны и предпосылки религиозного сознания и в результате оказалась имеющей мало общего с историческим православием.

Русская религиозная философия представляет собой мощное движение мысли, не успевшее развернуть полностью свой потенциал и не преодолевшее многие начальные проблемы и противоречия.

Однако на Руси был не только опыт интеллигентских духовных исканий. Ни в коем случае нельзя пройти мимо опыта народного свободомыслия, который сдетонировал в России раскол. Стремление к сохранению веры отцов, сбережению ее от поругания вызвало мощный импульс самоорганизации, просвещения, обостренного отношения к нравственности и ответственности в староверческих общинах. Если где и сложилось «самобытное православие», так это в этих общинах. Своеобразие этой народной «Реформации по-русски» состояло в том, что она возникла не как пересмотр догматов, а как реакция («контрреформация») в ответ на такой пересмотр, который сам по себе был как раз возвращением к адекватной конфессиональной практике.

Показательно, однако, что последствия этой народной «реформации-контрреформации» для практики хозяйственной жизни были те же, что и на западе. Действительно, большую часть процветающих российских капиталистов начала века составляли именно староверы, а также выкресты из мусульман и иудеев. И за этим фактом стоит упомянутая ранее мобилизующая роль субкультурного фактора выживания. В этом плане русские раскольники являются прямым аналогом общин и мотивов, описанных Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма», практикой свободы и ответственности.

Народоправство: община, земство, казачество. К народному опыту и потенциалу свободы следует отнести и общину (мир), обусловленную, как уже говорилось ранее, самим способом хозяйствования и образом жизни русского крестьянина.

Другой формой такой самоорганизации было казачество (казачий круг и другие проявления самоорганизации). Оно сформировалось на социальной базе вольнолюбивых русских людей, бежавших от крепостничества и в поисках лучшей доли от центральной российской власти. Выше уже отмечалось, что в результате этого Россия осуществила колонизацию.

И наконец, это земство, игравшее заметную и все возрастающую роль в дореволюционной России. Земство было уже реальным цивилизованным выражением жизни начавшего складываться российского гражданского общества. Земцы организовывали переписи населения, занимались организацией народного образования, просвещением и обучением пореформенного крестьянства эффективным способам ведения хозяйства, землепользования.

Не случайно все эти ростки гражданского общества были прежде всего раздавлены большевистским режимом.

Опыт российского либерализма. Был еще третий круг оказавшихся неправыми противников социализма – приверженцы либерализма, наиболее последовательно отвергающего социализм не эмоционально, а теоретически и методологически аргументированно. Несмотря на то, что либерализм был представлен яркими фигурами и в научной среде и среди высших чиновников, и среди офицерства, он оказался слишком слаб и невостребован российским обществом. В этом плане подлинная история 1917 г. действительно еще не написана. Февраль-октябрь 1917 г. – не столько история захвата власти большевиками в результате реализации гениального плана, сколько история утраты власти русскими либералами, оказавшимися настолько несостоятельными и лишенными социальной поддержки, что к октябрю власть практически валялась на улице и ее могла самозванно присвоить горстка заговорщиков.

Среди российских либералов были выдающиеся мыслители, ораторы, лидеры в своих профессиональных сферах. Достаточно напомнить такие имена, как П. Н. Милоков – ярчайшая фигура российской науки и политики; П. И. Новгородцев – один из основателей конституционно-демократической партии, отказавшийся войти во Временное правительство из-за его недееспособности и симпатии к социализму (Новгородцев – активный участник белого движения, давший в своей фундаментальной работе «Об общественном идеале» еще в 1911 г. до сих пор непревзойденную по полноте и глубине критику социалистического общественного идеала); Б. Н. Чичерин – крупнейший российский специалист по философии права, государства и собственности. Эти и другие лидеры русского либерализма имели сторонников, даже активно участвовали в политической жизни, но ...оказались невостребованными обществом. И эта невостребованность продолжается в наши дни. Кто сейчас, кроме специалистов, читает П. И. Новгородцева, П. Б. Струве, практически ныне забытых Б. Н. Чичерина, А. А. Козлова, Б. А. Кистяковского? Русский либерализм остается до сих пор малоизвестен. Более того, либерализм был в советское время открыт заново правозащитным движением (В. С. Есенин-Вольпин, А. Д. Сахаров, С. А. Ковалев и др.) и вновь оказался невостребованным обществом. Личное подвижничество, преследования, моральный авторитет привлекли общественное внимание, но не пробудили интереса к содержанию идей. По какой причине? Либерализм требует серьезной работы ума и души, правовую культуру. Требуется не подвиг, а правильная жизнь, что российскому самосознанию ...скучно, в отличие от родимого «не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься!» Идея свободы, понимаемой как ответственность за свои решения и поступки, не вызывает энтузиазма, в отличие от неограниченного произвола или самоотверженного страдания во имя декларируемой великой благой цели.

Тема «лишнего человека» в русской литературе, фактически суть тема невостребованности российским обществом свободной и ответственной личности. Невостребованность русского либерализма, перспективы его укоренения в российском политическом опыте – особая тема, заслуживающая самостоятельного и обстоятельного разговора и ближе к концу книги мы к нему вернемся. Главное – этот противник социализма оказался слаб и исторически (не идейно и концептуально!) неправ.

Кругом П. Я. Чаадаев оказался пророком. Но это не означает особость русского пути как пути преимущественно социалистически-тоталитарного, обусловленность перспектив русской свободы российским крахом – в духе уже современного отечественного политического философа и политолога А. Панарина: «Россия и свобода – две вещи несовместные». Чтобы оспорить это утверждение, нужны дополнительные аргументы, которые будут приведены в дальнейшем.

4. Советский цивилизационный эксперимент

Легитимация насилия. Мифократия. Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х. Начало конца: шестидесятничество и барачная этика в отдельных квартирах. Смыслоутрата.

Легитимация насилия

Как бы то ни было, восторжествовал революционаризм, отрицание исторической и культурной памяти, даже настоящего – во имя несуществующего будущего, с его практикой и культом насилия и смерти. Любая революция это не только торжество свободы, но и произвола, разгула темных стихий, проявление и результат социального бессилия, гниения и разрушения.

Быстрая агония царского режима продолжилась еще более катастрофической по скорости агонией народившейся демократии. Вот что писалось в вестнике Нижегородской губернской продовольственной управы «Продовольствие» от 15.11.1917 г.: «Обанкротились не «товарищи» и «доктринеры», а все наше интеллигентное общество, оказавшееся неспособным взяться за дело, применившее к государственным делам практику культурно-просветительных обществ, в которых было много разговоров, взаимной критики, пикировок, но мало дела. Уж очень мы любим объяснять все некультурностью и безграмотностью широких масс, засильем «демагогов» и т. п., на себя же не оглянемся, а виноваты-то прежде всего мы, интеллигенция... Самодержавно-бюрократический строй... развалился под влиянием экономической разрухи, с которой не могла справиться, и не в силах справиться пришедшая на смену бюрократии общественность». Это не поздние воспоминания и объяснения – это свидетельство непосредственного очевидца.

Гений (злой или нет – судить истории) Ленина выразился именно в способности объединить массовое сознание и государственность, обратить стихию местечковости и сепаратизма на государственное строительство, в адекватности почвенным устремлениям – таким как популистские идеи народовластия; славянофильская апология народного духа; нравственный ригоризм; идея сильного государства; русский великодержавный мессианизм, когда Россия

предстает выразительницей всего несправедливо эксплуатируемого и страждущего человечества.

Самозванство, безответственная нетерпимость были выпущены большевиками как джинн из бутылки, воплотились в насилие как ткань общественной жизни. Эту тотальную безответственность могла остановить либо капиталистическая модернизация (история с НЭПом показала, что критическая масса нетерпимости оказалась слишком велика), либо сверхпроизвод. Что и было осуществлено Сталиным, который придал этой нетерпимости государственный (официальный) характер, взнуздal и обуздal ее, сделав каждодневной практикой партийно-государственного аппарата. Дальнейшее было только делом времени – насколько растянется процесс обессиливания нации этим насилием.

Собственно Российская империя начала разваливаться в 1918 г. Очевидно, ее ждала судьба Австро-Венгрии. Финляндия, Польша, прибалтийские республики, Закавказье, начавшийся распад и собственно «метрополии»: Сибирь, Дон, юг России ... Этот процесс был остановлен мощным центростремительным усилием. Объективно и по сути дела была спасена и даже рафинирована до эйдетической чистоты идея империи, а имперское сознание утвердилось в очищенном тоталитарном виде, как воплощенная абстракция рационалистической утопии. Молодое советское общество приготовилось к великому прорыву в будущее, к воплощению мечты, оправдывающей тяготы, лишения, кровь не одного поколения. Это сознание, непосредственно предшествующее сталинизму, сознание, энтузиазм и эйфория которого были сталинизмом использованы.

Удивительно точно это сознание передано в творчестве А.Гайдара. Не одно поколение советских людей зачитывалось «Судьбой барабанщика», «РВС» и «Школой», полных борьбы с врагами явными, историей «Тимура и его команды» с идеей творения добра втайне от людей и конспиративными методами, нередко насильно творимого благодеяния. Но самое его показательное произведение – «Сказка о Мальчише-Кибальчише» – фактически не что иное как своеобразный житийный текст-легенда. Удивительна «сказка» тем, что в ней на исключительно малом пространстве текста выражены практически все основные мифологемы сознания «победителей». Прежде всего – самопожертвование и непреложность ухода поколения за поколением в мясорубку смертельного противоборства. Показательно, что для представления о «хорошей жизни» достаточно простого отсутствия этой борьбы: «не рвутся снаряды, не трещат пулеметы – хорошая жизнь». Вполне в духе извечного образа русского счастья – лишь бы не было войны. Однако этот мир – мир борьбы,

наличие агрессивной внешней опасности – «проклятого буржуинства», о котором ничего другого не известно, кроме того, что оно буржуинство и проклятое. Тема внутренней опасности, предательства плохих людей, измены Плохиша. Воздаяние же – после жизни – когда «пройдут пионеры, пролетят самолеты – салют Мальчишу». И как лейтмотив – «нам бы только день простоять, да ночь продержаться!» – максима бытия не только героев войны, строек коммунизма, битв за хлеб и урожай, но и миллионов лагерных зеков, временщиков-аппаратчиков, затурканных предпринимателей, обывателей-на-зарплате, самозванцев-депутатов – словом, девиз всех наследников победителей.

Воздаяния и «хорошей жизни» не вышло. Тот, кто сеет не сотрудничество, а борьбу, нетерпимость, не мир, а насилие – их и пожинает. С 1930-х годов нетерпимость, поддерживаемая авторитетом победоносной партии, превратилась во всеобщий нравственный закон. Носители этой нравственности не знают сомнений в собственной непогрешимости. Главный враг – сомневающийся, нарушающий абстрактную чистоту морально-политического единства, хотя заклинания о единстве партии и народа, «блоке» коммунистов и беспартийных – лишь выдают реальную «несоединенность» власти и народа.

Поэтому сначала подлежали уничтожению политические противники – меньшевики, эсеры, анархисты, фракционеры и уклонисты (объединение усилий с ними все реже приходит на ум). Затем практика нетерпимости репрессий обрушивается на ту часть населения, которая не может не иметь своего мнения по определению, не может не сомневаться – на интеллигенцию (отныне и впредь – «гнилую»). Одновременно шло подавление крестьянства – автономной части общества, экономически первоначально мало зависевшей от милостей новой власти.

Мифократия

Главной типологической чертой сталинизма представляется его мифологическая природа. Он миф не в смысле «фикции», выдумки, а в строго терминованном смысле. Как и любой миф, он ориентирован на универсальное осмысление действительности; на снятие фундаментальных смысложизненных антиномий человеческого существования; дает его носителям радость узнавания знакомого в еще неизвестном, стимулируя тем самым не интеллектуальное творчество и поиск, а повторение апробированного; создает видимость устойчивости в изменяющемся мире; выступает основой ритуализации социальной жизни и культуры. Как миф сталинизм стоит в одном ряду

с многообразными проявлениями всплеска мифологии и мифотворчества в XX веке: в идеологии, политике, массовой культуре, обыденном сознании и даже науке.

Как мифологическое сознание сталинизм не только исключительно целостен, но и претендует на научность, пользуясь если не концептуальным аппаратом, то уж точно – терминологией марксизма. Поэтому он неизбежно питался из источников, известных каждому советскому человеку со школьной скамьи: материализма, рационалистической диалектики и социалистического утопизма. Однако, включаясь в содержание мифологического мировоззрения, эти философемы изменялись радикально, вплоть до перехода в собственную противоположность.

Особый интерес представляет «материализм». Показательно, что даже Ленин неоднократно подчеркивал, что категория материи и «основной» вопрос философии важны исключительно в гносеологическом плане, для обоснования познаваемости мира. Во всех других планах они чреватые опасными и тупиковыми абсолютизациями. Собственно классики марксизма – К.Маркс и Ф.Энгельс – начинали, как известно, не с противопоставления материи и сознания, а с деятельности. Исходная категория марксизма – практика. Сталинизм же школярски начинает с противопоставления материи и духа, итогом чело оказывается даже не монистический принцип единства окружающей действительности, и не просто его антипод – идеализм, а его крайнее выражение – волюнтаризм и произвол, вплоть до насилия. Предполагается, что вне меня, до меня и без меня существует материальный мир. Он противостоит мне и, в принципе, чужд мне. Однако я, как субъект, претендую на познание этого объективного материального мира, его закономерностей развития. А вследствие этого – и на изменение его, на его преобразование, овладение и манипулирование в соответствии с моими целями. Природа, общество, другие люди превращаются в объекты такой манипуляции, а то и насилия.

Не случайно вульгарный материализм столь часто сочетается с левацким революционаризмом, с его тупиками нигилизма и экстремизма, оправданию насилия во имя некоей *idee fixe*. В этом плане сталинские репрессии, гонения, запреты, переселения народов, хрущевские эпопеи с совнархозами, кукурузой, застойные повороты рек и т. п. – не случайны, а вполне закономерны для такого мировоззрения. Вульгарный материализм всегда привлекал и привлекает политических авантюристов и экстремистов, оправдывая манипуляцию и насилие «объективными законами развития материальной действительности», освобождая от личной ответственности.

Второй мировоззренческой составляющей сталинизма является «рационализм» – не в его диалектическом содержании, а опять-таки как поверхностное и вульгарное наукообразное оправдание и выражение *idee fixe*. Наукоо-

бразие, начетничество – одна из наиболее ярких черт этого мировоззрения. Они пронизывают «исследования» и «критику», проявляются в программных и директивных документах. Но и здесь мы сталкиваемся с оборачиванием в собственную противоположность: ко всему, что утверждается на языке этого наукообразного мировоззрения, применимы кавычки. «Наука» оказывается псевдонаукой, громящей подлинную науку. Погромы в экономике, генетике, кибернетике, языкознании и т. д. велись от имени передовой «науки» и «всепобеждающего учения». Собственное бесплодие – теоретическое и практическое – отнюдь не смущает адептов «передовой науки». Ведь в конечном итоге смысл их построений – «обоснование» положений об «отмирающих» и «передовых» классах, «отсталых элементах» и т. д., то есть навешивание политических ярлыков – не более. Но и не менее.

Особенно опасным политически, экономически и нравственно синтез «материализма» и «рационализма» становится, если он дополняется и подкрепляется утопизмом, для которого характерно мифологическое восприятие идей. В этом случае «рационализм», придавая идеям наукообразный вид, как бы окультуривая идеологию, сам воспринимается догматически-мифологично, если не религиозно.

Даже из такого беглого эскиза сталинизма видно, что это исключительно целостное и самодостаточное мировоззрение. Между его частями существует развитая система взаимодополняющих и взаимоподкрепляющих связей. Так, «материализм» и «рационализм» выступают друг по отношению к другу как цель и средство в осмыслении и аргументации. «Рационализм» подкрепляет утопизм своей наукообразной аргументацией, создавая дополнительные иллюзии реальности и жизненности мертворожденных идей и проектов. В свою очередь утопизм дополняет и подкрепляет наукообразный «рационализм» религиозно-доверительным восприятием его аргументации. «Материализм», в свою очередь, стимулирует и оправдывает утопические взгляды ссылками на «объективные законы», природную и социальную необходимость и неизбежность определенного хода развития. Тем самым создается иллюзия бессмысленности поиска любых альтернативных путей, кроме провозглашаемых бездоказательно. И наоборот, утопические устремления ориентируют «материалистическую» мысль на систематическое забегание вперед, систематическое выдавание желаемого за действительное и наоборот, на насилие над природой, обществом, самой мыслью.

В каждой своей составляющей и своей целостности сталинизм ведет себя не как ответственное научное осмысление действительности, а именно как миф – амбивалентно. Он суть единство материализма,

рационализма и утопизма как собственных противоположностей. «Материализм», который на поверку материализмом не оказывается. Иррационально наукообразный рационализм. Утопизм, претендующий на жизненность здесь и сейчас. Такая амбивалентность свойственна именно мифу. Сталинизм не дает мысли возможность зацепиться за реальность, заменяя саму мысль бессмысленными ритуальными фразами типа «овощной конвейер страны», «культура принадлежит народу» и т. п. Происходит характерная для мифотворчества подмена реальной практической деятельности ее названием. Программы, постановления, массовые газетные кампании подменяют саму реальность. Так же как шаману для утверждения своей власти над явлением, вещью или человеком важно «знать имя», так и для носителя сталинистского мировоззрения самодостаточен процесс называния, акт проговаривания.

Как конкретная идеология и духовный опыт сталинизм уничтожает собственную среду обитания: духовную, человеческую, природную. Воспроизводя свои мертворожденные конструкции, утопические схемы, забывая ими сознание и культуру, он лишает их живых истоков, корней и тканей, благословляет и оправдывает прямое уничтожение живого, насилие над ним.

Сталинизм как совпадение мифа и политической системы его утверждающей породило феномен, который М.Эпштейн назвал «мифократией». Мифологичной стала сама советская действительность. Она сама стала мифом: работа, план, зарплата, собрание, начальник, контора, лагерь и т. д. превратились в ритуалы, самодостаточные знаки самих себя, главной функцией которых является обеспечение тотального контроля над личностью.

Антигуманизм и бюрократизм, начетничество и догматизм, самозванство и вождизм, утопизм, доведенный до эсхатологизма, нетерпимость и безответственность, доведенные до амбивалентности добра и зла – мировоззренческие и практические следствия этого синтеза, который породил чрезвычайно совершенное – в плане всеобщей безответственности – обустройство государства, состоящее из трех основных подсистем. Выработка идеологии и высшая власть в центре и на местах принадлежали партийному аппарату, вербовавшемуся по принципу личной преданности, способности переступить через себя, т. е. согласно принципу принципиальной беспринципности. Партаппарат принимал решения, но не отвечал за их реализацию перед обществом (в лучшем случае – перед вышестоящими партийными бонзами). Эта функция осуществлялась госаппаратом – «приводным

ремнем от партии к народу». В результате, чиновники осуществляли решения, которые не они принимали и, таким образом, также не испытывали ответственности.

Система взаимной безответственности предполагала наличие третьего компонента власти – устрашающего. Поскольку речь идет об идеологии, в которой царят абстрактные схемы, огрубляющие и омертвляющие живое, постольку практикой этой идеологии может быть только насилие: над природой, обществом, отдельной личностью. Воплощение идей, отвлекающихся от естественных связей между вещами, от живых культурных традиций, реальных интересов людей, неизбежно предполагает разрушение реальных связей, уничтожение культурных ценностей, подавление всякого инако – и свободо-мыслия.

Насилие может осуществляться только специально организованными и мобилизованными для этого людьми. Иначе говоря, рационалистический утопизм для своего проведения в жизнь предполагает создание Системы, претендующей на тотальное насилие. Таковым и был аппарат госбезопасности – невидимой, но главной власти, цементирующей общество насилием и страхом.

Важно, что общество в целом восприняло, а часть и до сих пор воспринимает массовые репрессии как должное и необходимое. Даже самими жертвами этих репрессий, их несправедливость воспринимается через призму этой идеологии. «За что?! Ведь он никогда не участвовал ни в какой оппозиции!» – сквозная тема воспоминаний репрессированных. И ни тени сомнения в необходимости репрессий по отношению к бывшим в оппозиции. Расстрелы, пытки и страх перед ними, насилие как норма общественной жизни, разумеется, сыграли свою роль. Но главным фактором была все-таки агрессивная добровольная массовая нетерпимость, обусловившая оправдание и искреннюю массовую поддержку расправ с инакомыслием, с цветом армии, интеллигенцией, крестьянством, принятие заведомо нереальных планов, втягивание в военные и политические авантюры и т. п.

Существовало ли в СССР гражданское общество? Некие аналоги, формы общественного самоуправления, решавшие свои проблемы, несомненно, были. Самыми массовыми общественными организациями были профсоюзы, занимавшиеся социальным страхованием, заключением коллективных трудовых договоров, решением проблем социально-культурного развития. Ряд вопросов организации жизни молодежи решал комсомол. Творческие союзы работников культуры и искусства, Литературный фонд также, по мере возможностей, участвовали в решении социальных проблем творческой интеллигенции. Однако деятельность этих организаций, как и Красного Креста и Красного полумесяца, Фонда мира и др.

велась под жестким контролем партийно-государственного аппарата. По сути дела, главной задачей этих организаций было расширение и углубление контроля власти за конкретными группами населения, а также их мобилизация на решение политических проблем.

Важно, что недостаточна простая квалификация сталинизма как тоталитарного сознания, основанного на культе власти, как это часто делается отечественными и зарубежными исследователями. В этом случае анализ остается в плоскости общих рассуждений, применимых к разновременной и разноязыкой реальности. Тоталитаризм един и универсален, где бы он ни проявился: в Египте времен строительства пирамид, государстве инков, гитлеровском «новом порядке», Китае периода «культурной революции» или Камбодже «красных кхмеров». Как говорили древние, «дьявол един».

Мало сказать об идее всевластия. Необходимо уяснить содержание, природу, причины и истоки, питавшие и питающие конкретную форму тоталитарного сознания. Тоталитаризм не является подобно *deus ex machina* в древнегреческих трагедиях. Важно понять – какие реальные потребности удовлетворяются в обществе столь патологическим образом.

Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х

Годы довоенных советских лет вошли в историю как годы массовых репрессий, унесших жизни миллионов людей, репрессий, выкосивших жизни миллионов людей из всех слоев: от крестьян и рабочих до ученых и политической элиты. И в условиях такого чудовищного насилия, идеологического прессинга – мощная волна преобразовательного энтузиазма, во многом обеспечившая индустриализацию, выведшую страну к цивилизационному фронтиру и плодами которой мы отчасти пользуемся до сих пор.

Советский режим укрепился не только победой в Гражданской войне, экономическими успехами НЭПа. Наоборот, сам отказ от НЭПа, коллективизация, «Великий Перелом», последовавшие первые пятилетки индустриализации питались мощной поддержкой массового энтузиазма, идущего снизу, обеспечивавшего не только легитимность политического режима и реализацию его планов, «не замечая» чудовищного насилия и репрессий. Даже сами сталинские репрессии подпитывались этой поддержкой. След этого энтузиазма сказывается до сих пор – и не только в ностальгии старшего поколения по своей бурной молодости. Вырастают постсоветские поколения, не дышавшие тем воздухом, но прочитавшие книги (а были и неплохие книги), услышавшие те песни (а песни были замечательные – прежде всего, лирические), увидевшие

те фильмы (наивные, но плохому не учившие)... И от этой молодежи иногда приходится слышать: «Папа, деда, вы были не правы. У нас была великая эпоха!» И привлекательность этого мифа понятна – особенно на фоне изрядного ценностного релятивизма и недоверия, разлитого в современном обществе.

Это не был показной энтузиазм из-под палки. Вряд ли это было и массовое проявление «стокгольмского синдрома», когда жертвы террористов проникаются симпатией к своим мучителям. Это и не результат работы исключительно одной только пропагандистской машины, пусть и запущенной на все обороты, охватившей не только СМИ, но и систему образования, искусство... Более того, многие представители художественный авангарда в поэзии, живописи, театре, кинематографе поддержали революцию и укрепляющийся политический режим, увидев возможности обновления и преобразования, построения нового мира.

Сопричастность великому общему делу наполняет жизнь смыслом, раскрывает широкие горизонты индивидуального существования, выступая мощнейшим мотивационным посылом... Но все эти доводы оставляют осадок неполноты объяснения... В этом энтузиазме ощущалось нечто еще более глубокое, то, что включало экзистенциальный смысложизненный мотиватор.

Советский массовый энтузиазм приходится не на первые послереволюционные годы гражданской войны, и не на неоднозначный НЭП. Его мощный подъем приходится на годы первых пятилеток, т.е. на годы интенсивной индустриализации. И из этого многое следует...

Ранее было отмечено несколько стадий идентификации личности как вменяемого субъекта: этническая, статусная, ролевая и проектная стадии, каждая из которых порождает свою форму социализации личности. Многими исследователями отмечается своеобразие российского общества, в котором «ролевая революция» затянулась с пушкинской эпохи до нашего времени. И это при том, что Россия вот уже второй век живет в массовом урбанизированном обществе, связанном именно с ролевой идентификацией личности, а в наши дни порождающем идентификацию проектную.

«Ролевая» революция в любом обществе высвобождает колоссальную энергетику свободы самореализации. И энтузиазм 1930-х может быть связан с решающей фазой формирования массового общества и связанной с нею ролевой революции – переходом от этнической и статусной стадий идентификации личности к ролевой и даже проектной.³⁹ Коммунистическое выражение энтузиазма советской эпохи

³⁹ См.: *Смирнов И. П.* Самозванство, или Ролевая революция. // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. №13. М., 2001, с. 33-58; Леонтьев Д.А.: Труд становится

носит вторичный характер. Первично в нем мощное мотивационное начало открывавшихся новых жизненных перспектив в новом строящемся обществе, новых социальных лифтах, новом репертуаре социальных ролей.

Главным в этом обществе было то, что оно соответствовало общечивилизационному тренду – индустриального, урбанистического и, как следствие – массового общества. Что требовало – опять же в полном соответствии с этим трендом – определенного стандарта образования, развития средств массовой коммуникации и участия. Что, собственно, и обеспечивалось советским режимом в его своеобразной мифократической форме. В социальном (социологическом) плане – в СССР происходила интенсивнейшая ролевая революция. И ее мотивационный потенциал был настолько мощным, что вызванная ею волна энтузиазма, его энергетика перекрывали его с очевидностью парадоксальный характер, не понятный любому непредвзятому наблюдателю – как того времени, так и нынешнему. С одной стороны, любой энтузиазм неразрывно связан с социальным доверием и искренностью, с другой – государственная внешняя и особенно внутренняя политика открыто выражалась и реализовывалась на основе глубокого недоверия, поиска врагов и борьбы с ними.

И природа этого специфически парадоксального энтузиазма была принципиально российской. Речь идет о культурно-персонологическом содержании Серебряного века. Поверхностность, неукорененность, какая-то искусственность и даже надсадность российской культуры начала прошлого столетия получившей название «Серебряного века» и даже «Русского Ренессанса», как уже отмечалось, хорошо осознавалась современниками. Фактически же, культура Серебряного века заключалась в «антиренессансной контрреволюции» с опорой на антилично прочитанную Античность, в которой поэты-символисты (Вяч.Иванов, А.Блок, А.Белый со товарищи), и религиозные философы, и атеисты (от А.Эрна, Н. М. Бахтина до П.Флоренского и А. Ф. Loseва) видели прежде всего не аполлоническое начало, а начало дионисийское, мистериальное.⁴⁰

Великое значение эпохи Ренессанса, помимо прочего, связано с тем, что личность впервые всерьез выделилась из мифа, который

человеком и удовольствие оставаться обезьяной. // Человек.ru. Гуманитарный альманах. №3. Антропология в России: школы, концепции, люди. Новосибирск, 2007, с.164-168; Феномен свободы: от воли к автономии личности. // Только уникальное глобально. Личность и менеджмент. Культура и образование. СПб, 2007, с.64-89.

⁴⁰ Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. (Становление философского пространства в России. М.: РОССПЭН, 2011, с.542.

до этого определял все ее существование. Роль отделилась от человека и была формализована: человек получил возможность роль играть, но уже не жить ею. Благодаря возникшему новому взаимоотношению между людьми пропала обязательность общинно-хорового действия, личность получила свободу и право быть не участником, а зрителем, который может действие и игру актеров одобрять или нет. В известной степени, это – главный нерв Реформации. И с очевидностью – новые реалии общественной жизни, включая политическую. Так, именно на этом начале строится парламентаризм, нарождавшаяся в Новое время публичная политика – как «театр», наблюдаемый и оцениваемый гражданами со стороны, в качестве зрителей, которые, между прочим, заплатили за вход деньги (например, в виде налогов), отделены от лицедеев «рампой» и могут согнать – то ли незадачливого, то ли просто неугодного «актера» со сцены. Или просто отказать этому театру в праве на существование. Демократические институты во многом имеют именно театральный характер. «Восстание масс» было введено в цивилизованные рамки – от футбола и бейсбола до телешоу и парламентских выборов.

Культура Серебряного века была даже не столько предчувствием, сколько духовной и нравственной подготовкой срыва в архаику революционно-тоталитаристского миропонимания. Так, Вяч.Иванов в своей статье «Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего» восторгался дионисийским архаичным искусством, в котором существовала «реальная жертва», а хоровод – «первоначальной общиной жертвоприносителей и причастников жертвенного таинства». Это в дальнейшем было утрачено в театре, «только зрелище», в котором люди лишились подлинной причастности к почве и бытию, потеряли соборность, утратив возможность участия в оргийном действе, когда толпа только зрителей «расходится, удовлетворенная зрелищем борьбы, насыщенная убийством, но не омытая кровью жертвенной».⁴¹

Искусство, творчество – не просто игра ума. Художник фибрами своей души улавливает настроения, вибрации не только сущего, аттракторов, влекущих это сущее в грядущее. И поразительно как оргийное мистериальное действие стало реальностью. Только воплощалось оно не художниками, поэтами и артистами, а партийными функционерами

⁴¹ *Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994, с.37.* Кстати, сам автор идеи «органической эпохи» – Вяч.Иванов не только предугадывал возможные последствия («Дионис в России опасен: ему легко явиться у нас гибельною силою, неистовством только разрушительным» – см. Иванов Вяч. Родное и вселенское, с.83), но и вскоре после революции отъехал подальше от ее оргазма в Баку, а потом (с советским паспортом) и вообще – в Италию.

и прочими организаторами новой власти. Бесконечные политические процессы, оправдывавшиеся «все большим обострением классово-борьбы», лишь внешне напоминали театр. Зрителей больше не осталось, все стали участниками и соучастниками дионисийской драмы тоталитаризма. И кровь полилась настоящая, и не малая, а «хор», под-дакивая «жрецам», выкрикивал из своих же рядов имена все новых и новых жертв – «врагов народа».

Его подготовили, в том числе – идейно и даже «методически» годы Серебряного века, слабость социальных скреп ответственности и свободы, связанных с собственностью (что хорошо понимали реформаторы начала прошлого века)... Слабость церкви и некоторые особенности православия... Слабость и вырождение правящей династии... Катастрофа Мировой войны... Л.Толстой с его критикой собственности, семьи, церкви, государства... В условиях начавшейся индустриализации, урбанизации и ролевой революции интеллигенция начала интенсивные игры с моралью... И начавшаяся революция вылилась в безумие карнавала и самозванства с их безумными ролевым репертуаром и «социальными лифтами». Индустриализация только придала этому карнавалу рациональную форму. Складывалась ситуация, про которую Г. Г. Шпет говорил, что личность как кусок масла распускается на сковородке.⁴² А российская сковородка была жаркая.

На историческую арену выходили массы, пробужденные Великой реформой, начавшимися индустриализацией и урбанизацией... В Европе этот процесс начался раньше и шел не так бурно. Поэтому осмысленное и культивируемое христианскими гуманистами поле свободы как личностной ответственности сдерживало и корректировало упоминавшуюся «игру на понижение». В России же не оказалось ни полноценной элиты, ни гражданского общества – главных корректоров культуры массового общества. Более того, интеллектуальная, творческая элита выразила недоверие гуманистическим ценностям. «Прозвучавшие в Серебряном веке призывы к «симфонической личности» (вместо гуманистической – Л.Карсавин), общинно-хоровому «высвобождению дионисийских энергий» (Вяч.Иванов) стали своеобразной эстетической моделью тех социально-политических структур, что с такой убийственной силой реализовались в историческом пространстве, превращая его в антиисторическое и уничтожая цивили-

⁴² Шпет Г.Г. Сознание и его собственник. // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1981-1916 г. Статьи по философии и психологии. М., 1916.

лизационно-гуманистические заветы Петровско-Пушкинской эпохи... «Хор», начавший управлять жизнью, явился не в античных одеждах, а в зипунах, солдатских шинелях и кожанках Чека.⁴³

Революция предстала как движение народных масс, руководимое смутным, политически не оформленным идеалом самочинности и самостоятельности. Оказавшаяся в результате Февральской революции у власти интеллигенция, умудрилась довести ситуацию до такого состояния, что в считанные месяцы, если не недели власть оказалась тряпкой, валявшейся на улице, о которую любой мог вытереть ноги. Этот самозванный другой и вытер.

Российская интеллигенция, как и аристократия, не признала перспективу капиталистической модернизации страны с ее новыми собственниками, их правами, она, как всегда, на слово поверила очередному европейскому мыслителю, приняв его идеи как руководство к действию, что научно доказано отсутствие будущего у капитализма, на смену которому грядет общество без частной собственности, и что для этого надо только захватить власть. И последние станут первыми... Интеллигенция хотела теургически «слушать музыку революции»... Она ее не только услышала: изысканный, карнавальный мир людей искусства рухнул в пропасть революции.

Но было еще нечто важное, не улавливаемое с чисто экономической, политической и даже культуральной точек зрения. Речь идет о том, что В. К. Кантор назвал «фактором Х», связывая его с определенным антропологическим, психологическим типом, вышедшим на первый план и реализовавшим мистериально-игровое действо.⁴⁴ Характеризуя этот тип В. К. Кантор приводит развернутую цитату из «Веселой науки» Ф.Ницше: «Появляется совершенно новая порода людей..., которая никогда не смогла бы взрасти в более жесткие, регламентированные времена – но если бы и взросла, то все равно осталась бы... с вечным клеймом чего-то постыдного и позорного, – это означает неизменно, что наступают самые интересные и самые безрассудные времена истории, когда «актеры», актеры в с е х мастей, становятся истинными властителями».⁴⁵

Достоинно внимания наблюдение К.П. Победоносцева (ультраконсерватора, обер-прокурора Святейшего Синода): «есть люди умные и значительные,

⁴³ Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. (Становление философского пространства в России. М.: РОССПЭН, 2011, с.204.

⁴⁴ Кантор В.К. Цит.соч., с.205.

⁴⁵ Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб: Худ.лит., 1993, с.486.

которых нельзя разумеать серьезно, потому что у них нет твердого мнения, а есть только ощущения, которые постоянно меняются... Вся жизнь их – игра сменяющихся ощущений, выражение коих доходит до виртуозности. И выражая их, они не обманывают ни себя, ни слушателя, а входят подобно талантливым актерам, в известную роль и исполняют ее художественно. Но когда в действительной жизни приходится им действовать лицом своим, невозможно предвидеть, в какую сторону направится их деятельность, как выразится их воля, какую краску примет их слово в решительную минуту...»⁴⁶

Ф.Ницше и К.Победоносцев сходятся в подчеркивании нарастания акцентирования актерства в реальной жизни. И эта тенденция отмечалась и чувствовалась на стыке XIX – XX веков многими. Это даже бросалось в глаза. В образе пишущего босяка Максима Горького актерствовал в питерских и московских салонах купеческий внук Алексей Пешков, ставший впоследствии отцом соцреализма, жившим в княжеской роскоши. Актерствовал «святой старец» Григорий Распутин. Сознательно строили свой образ В.Маяковский (желтая кофта), В.Брюсов (стилизующийся под черного мага). А.Бугаев, вошел в русскую литературу и культуру в образе (как он сам говорил – личине, кстати, одной из ряда масок им примерявшихся) А.Белого.

То же и в политике. Российские революционеры выступали под кличками. И дело было не только в требованиях подпольной работы. И.Джугашвили взял партийную кличку Коба в честь романтического разбойника из грузинского романа. «Театрализованным разбойником» называл Троцкого П.Сорокин. Да и Ленина, Гитлера, Муссолини современники попервоначально называли шутами и клоунами, а их «перевороты» – буффонадами. По замечанию К.Манна, в тоталитарном обществе «комедиант становится воплощением, символом насквозь комедиантского, глубоко лживого... режима».⁴⁷ Характерна вообще тяга тоталитарных режимов к актерству, театрализации, массовым празднествам, шествиям, вообще – замене реальности декорациями, постановочностью.

Такие периоды «распускания личности» соответствуют революционно-переломным стадиям. Однако социум, психика неспособны бесконечно выдерживать напряжение мистериальной жизни. Надолго такого энтузиазма не хватило. Интеллигенция, первоначально поддерживавшая революцию, достаточно быстро разочаровалась в большевистской реальности (А.Блок). Авангардизм был отвергнут и вытеснен соцреализмом. Энергии «органической» эпохи массового энтузиазма, как показывает исторический опыт, хватает не более чем на 40 лет,

⁴⁶ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993, с.173-174.

⁴⁷ Манн К. На повороте. Жизнеописание. М.: Радуга, 1991, с.346.

т.е. жизни двух поколений. В Германии и Италии сыграло роль поражение в войне. В Кампучии сыграло роль вмешательство Вьетнама. Китай, Куба, похоже, обходятся своими силами.

Легитимность режима поддержала всенародная Победа, присвоенная режимом, послевоенное восстановление и иллюзии хрущевской «оттепели» с ее целиной и освоением космоса. Но это было уже совсем иное общество – преимущественно урбанистическое и медленно, но верно, с неизбежностью, становившееся все более буржуазным. Брежневский «застой» укрепил эту тенденцию и горбачевская «перестройка» была поддержана именно образованными горожанами и номенклатурой, получившей возможность окончательно конвертировать власть в собственность.

В настоящее время мы имеем дело уже с буржуазным обществом, переходящим, как и весь мир, в проектно-сетевую организацию социума – от бизнеса и науки до личной жизни. И в этом плане мы находимся уже в общецивилизационном тренде. Нужно только помнить об издержках эксперимента советской мифократии и что нового прилива энтузиазма ожидать не стоит. Буржуазное общество больше волнует создание эффективного национального государства. И в решении этой задачи концептуальные и политические ошибки – как проявления постсоветской инерции – обходятся дорого.

Начало конца: шестидесятничество и барачная этика в отдельных квартирах

Ростки духовного освобождения пробилась неожиданно и в неожиданной форме, но вполне в логике теории общественного развития Р.Инглхарта. В этой связи особый интерес представляет поколение так называемых «шестидесятников» – советской интеллигенции, активно проявившейся в десятилетие, следовавшее за смертью Сталина, в период хрущевской «оттепели», поиска, реформ и нового энтузиазма. Особенности этого культурного опыта, который, кстати, впоследствии определил лицо горбачевской «перестройки», несомненно важны для понимания общих перспектив российской культуры.

Стилистика «шестидесятничества» наиболее ярко проявилась в авторской песне. Этот жанр, если не вид, искусства не предполагал профессиональной музыкальной или поэтической культуры автора-исполнителя. Творчество это полностью соответствовало формуле Г.Гейне – «трещина в бытии проходит через сердце поэта». Человек мог брать на гитаре два-три аккорда, писать стихи, которые в печатном виде оказывались весьма уязвимыми для критики.

Но он выходил с гитарой, пел или речитативом произносил свои стихи и передавал залу свое переживание душевного дискомфорта, чувство, предощущение возможной гармонии. И это становилось событием: художественным, культурным, политическим.

М.Анчаров, А.Галич, А.Якушева, первыми взявшие гитару, Б.Окуджава, Н.Матвеева, особенно ценимый в кругу авторов-исполнителей Ю.Визбор, Ю.Кукин, А.Клячкин и многие другие гениально выразили свое время, его надежды, чаяния, дали нравственный импульс не одному поколению молодежи. Апогеем этого явления стало творчество В.Высоцкого, приобретшее общенародное звучание и значение.

Каковы же основные темы этого дискурса? «Люди идут по свету. // Им вроде немного надо: // Была бы прочна палатка, да был бы нескучен путь...». «Мне говорят – какой резон в твоих палатках на снегу, мне говорят – не тот сезон, а я иначе не могу...». «А я еду, а я еду за туманом. За туманом и за запахом тайги». Тема «Бригантины», «людей Флинта»... Цитаты можно продолжать и продолжать – они на памяти у всех нас. И во всех песнях сквозит тема Ухода. От этой скучной и унылой жизни здесь и сейчас – в леса, в горы, в моря, «в геологи», наконец – в себя самого, но только «от этой реальности». Герой этого дискурса все тот же русский странник, путник и инок, иной, не такой как все здесь. Другой основной темой является единение, острая ностальгия по духовному единству, по духовной общине и общности. «Возьмемся за руки друзья, возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке!» Хотя в песнях фигурируют события, ситуации, отношения часто чисто бытового, обыденного характера, сквозь них весьма прозрачно просматривается стремление к более глубокому и интимно-сокровенному. И это ностальгия не по другому как личности, а как другому, слиянному со мною вместе с другими. Сказывалась и некоторая «приблатненность» творчества некоторых авторов, что, очевидно, обусловлено общей глубокой уголовно-лагерной прививкой советской культуре и обыденному сознанию (это до сих пор сохранилось в русском шансоне).

Мы сталкиваемся, таким образом, все с тем же парадоксом российско-советского культурного опыта: высокое нравственное напряжение не мобилизует человека к жизни в реальном мире. Интеллектуальные, нравственные и физические силы уходят на попытки реализации утопий, фантазий, романтику Большого Ухода (фактически – тот же эскапизм).

Принципиальной новизной стала исповедальность, интерес к внутреннему духовному миру личности, ее самоценность. Фактически речь идет о первом симптоме свободы. И этот симптом, этот импульс

обнаружился не во внешних условиях, а там, где он только и мог проявиться изначально – в сердце души человеческой.

Бросается в глаза еще одна черта – демонстративная неагрессивность, даже пацифизм. Поэтому можно говорить о начавшейся серьезной эрозии мифологизма безответственной нетерпимости и насилия. Во-первых, речь уже идет о пристальном внимании к другому, снижении накала ксенофобии. И как следствие, обращение к военной тематике не столько как героической, сколько как трагической теме, переживаемой с позиций личности.

Это все то же отрицание реальной жизни – вечная тема российской интеллигенции. Правда, в 1960-е уже не как переустройство этой реальной жизни, а как отказ от участия в ней, от включенности в нее. Это стремление найти и утвердить себя – не в жизни, а в уходе в процесс думанья, изощенной рефлексии, самостоятельной работы души, Это опыт задумавшихся, ощутивших нравственный дискомфорт, осознавших что что-то неладно в этом обществе. Их озаботил нечто большее, чем «только день простоять, да ночь продержаться». Это опыт усомнившихся. Уже в этом их отличие от не сомневавшихся «победителей» 30-х годов.

Политическая несостоятельность шестидесятничества проявилась не только в крахе хрущевских реформ, но – самое главное, в крахе горбачевской «перестройки», которую возглавили представители именно этого поколения. Блестящие ораторы и публицисты они снова позвали в никуда. Их призвание – разоблачать и судить, но не созидать. Сбылась их мечта, когда у власти были «не те». И вот они сами оказались у власти... И вновь безответственные фантазии, либеральные прописи, то же невнимание к реальностям собственной жизни и общества.

Смыслоутрата

Сталинизм реализовал интеграцию двух полюсов кротости и крутости в новую целостность. Полное самовластье на всех уровнях от Вождя-Хозяина до местных «хозяйчиков» подкреплялось одновременным героизмом и энтузиазмом, «агрессивной послушностью», проявления которых угасают от движения стахановцев к Целине и «бригадам коммунистического труда». Вырождение лихорадочного энтузиазма сопровождалось и вырождением централизованного контроля, разворачиванию коррупции и организованной преступности, их сращиванию. Щелоковщина, медуновщина, рашидовщина, адыловщина – суть проявления этого процесса.

Распад мифократии вследствие российских преобразований 1985-1994 годов можно было бы расценивать как безоговорочно положительный процесс, как основу и источник рационального осмысления, социального диалога, терпимости, утверждения человеческого достоинства. «Перестройка» могла бы стать духовным обновлением, несущим ценности свободы, личностной ответственности и инициативы. Однако, приходится употреблять сослагательное наклонение.

Оказалось, что нужно перестраивать не только то, что сложилось в 1930-40-е годы, но и то, что наслоилось в 1960-80-е. Оказалось, мало заменить административно-командный распределительный механизм «хозрасчетным» – коррупция, казнокрадство, уравниловка и выводиловка приобрели новые формы. В политической жизни оказались недостаточными провозглашение демократизации, устранение монополии коммунистической партии, принятие новой конституции – остались самовластье местной и ведомственной бюрократии, расширились и закрепились клановые связи, организованная преступность. Более того, экономическая реформа и приватизация дали открыли им новые возможности. Чиновничество и хозяйственные руководители, ранее находились «под колпаком» партийного контроля и давления – любого из них можно было в любое время снять с работы и подвергнуть преследованиям если не по идеологическим соображениям (идеологическая невыдержанность, аморальное поведение и т. п.), то за хозяйственное преступление (все, что ни делалось, делалось не благодаря соблюдению законов и нормативов, а вопреки им). Теперь же партийный колпак оказался снятым и наступила золотая пора полной бесконтрольности и безнаказанности.

Печально и то, что подавляющее большинство политических, экономических, военных кадров и руководителей составили люди просто не знающие – что такое публичная политика, демократия, современная практика управления, экономический механизм вообще. Главная беда оказалась не в «механизме торможения ускорения», а в культуре, «коллективном бессознательном», в том, от чего не откажешься в одночасье, что не перестроится по директиве. Не случайно избавление от сталинизма произошло относительно легко и быстро в тех странах «социалистического лагеря», где он – хотя и насаждался искусственно – но не имел культурной почвы и затронул только одно-два поколения.

В духовных исканиях середины 1980-х, начала «перестройки» переосмыслению было подвергнуто все и вся. Прошлое... Гражданская война – красные предстают исчадиями ада, а белое движение – воплощением святого героиз-

ма, потомки красных комиссаров, чекистов и стукачей с надрывом поют про «поручика Голицына», искренне сопереживая и ему и «корнету Оболенскому», не чувствуя трагикомизма ситуации. Коллективизация и индустриализация предстали войной на уничтожение собственного народа. В Великой Отечественной войне поменялись роли участников – оказывается это СССР развязал мировую войну, спровоцировал Гитлера, который на считанные недели опередил вероломного Сталина, готовившегося к «освобождению» Европы. Берия и Маленков предстают несостоявшимися реформаторами и «демократизаторами»...

Не менее бурно осмыслялось и переосмыслялось настоящее. Афганская война, национальные проблемы, кооперация и индивидуальная трудовая деятельность, молодежные проблемы, проституция.

Распад сталинистской мифологии и мифократии в широком масштабе предстал профессиональной, политической, а то и личностной смыслоутратой. У шестидеятников еще сохранялась иллюзия, что верные ленинские идеи осуществляются неверными методами. Несмотря на осознанную неправильность политики, сохранялась вера в правильность лозунгов. История дала им шанс в виде «перестройки». И оказалось, что «социализм с человеческим лицом», «больше социализма», «возврат к ленинским принципам», «вся власть Советам» и т. п. – не более чем несостоятельные версии все той же мифологии. Дело даже не столько в сомнении в лозунгах. В свое время В.В.Розанов выводил социализм из религиозного сознания: ветхозаветная религия – живой синтез духа и плоти, новозаветное христианство – абстрагирование духа от плоти, социализм – абстрагирование буквы от этого духа. Если воспользоваться этой формулой, то тут в рассматриваемый период можно констатировать разбегание букв, еще недавно составлявших слова, а возможно и утрату самих букв.

В греческой мифологии царь Мидас за свою жадность был наказан богами: в Аиде все, к чему он ни прикасался – еда, одежда, другие необходимые предметы, превращалось в золото. А тут – не просто в нечто неудобоваримое, а просто в собственную противоположность. Демократия – в игру самозванческих амбиций; кооперация из средства преодоления монополии, насыщения рынка товарами и, как следствие, снижения цен – в усиление монополизации и мощный механизм инфляции; акции из источника дохода – в форму изъятия средств у граждан; аренда – в средство закабаления; правовое государство из гаранта защиты от произвола власти, ее подчинения закону – в гонку законотворчества на все случаи жизни, чехарду нестыкующихся законов, принимаемых властными временщиками. Ряд таких примеров обесмысливания разумных идей можно продолжать.

Между тем, современные технологии, само строение общественного труда предполагают не просто квалифицированных работников и специалистов профиля, а образованных, главное – ответственных, способных к творчеству и инициативе. «Реальный социализм» был ориентирован на нравственный ригоризм, но в условиях авторитарного тоталитаризма, фактической нищеты и двоедушия его идеология и практика приводят к разрушению традиционной нравственности, не дополняемой конструктивными духовными и нравственными процессами. В годы войны, перед лицом стихийных катастроф этот нравственный вакуум естественно заполняется реализацией борьбы за совместное выживание. Но при ослаблении внешней опасности, в условиях нормальной жизни внутренних сил консолидации оказывается недостаточно.

Более того, вроде бы все плюсы поменялись на минусы и наоборот, произошла радикальная смена ценностей и ориентиров. Место материализма заняла духовность. На полках книжных магазинов место литературы по диалектическому и историческому материализму заняла литература «духовная». Место рационализма занял иррационализм. «Наука» и «научность» – стали почти ругательными словами. Наука почти дискредитирована. Ее сменили астрология, гороскопы, хиромантия, парапсихология, телекинез, НЛЮ, пришельцы и т. п. А место утопизма занял прагматизм – откровенный и приземленный.

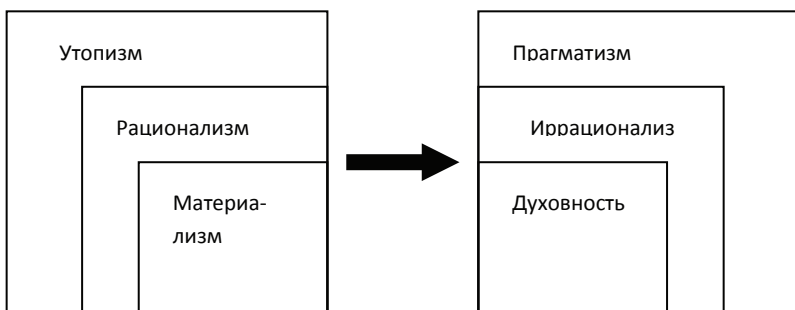

Рис 7. Смена мировоззренческих ориентиров в конце 1980-х – начале 1990-х

На первый взгляд, в культурном опыте поменялось все. Но «духовность» оборачивается стремлением с помощью духовно-идеального изменить излечиться на расстоянии, двигать предметы усилием воли и т. п. Иррациональность, которая нормативно-катехизична, как любая практика гностицизма, ведовства и проч. Прагматизм, который

стремится получить результат, добиться успеха немедленно, здесь и сейчас, причем – усилием воли.

Это духовность, которую не отличить от плотского, рационалистичная иррациональность, прагматизм, который утопичен. А главное – итог тот же самый: та же безответственность, бегство от свободы, когда личность все так же как кусок масла на сковородке распускается. И нет меня. Есть я как «Водолей» или «Огненная лошадь» и все со мной, и с другим ясно. И никто ни за что не отвечает. По прежнему отвергается идея свободы как ответственности, главенство закона по отношению к любой власти. Фактически мы имеем дело все с тем же опытом невменяемости, только в новом обличи.

В ходе бурных дискуссий предлагается множество – иногда взаимоисключающих друг друга – диагнозов и программ-курсов лечения российского общества: от субъективистских подчеркиваний роли личности первых лиц до объективистски-макроэкономических, от исторической закономерности и неизбежности всего происходящего (а значит и всего, что еще произойдет) до нравственной проповеди. При этом диагнозы ставятся фактически без реального знания реального больного и носят подозрительно непререкаемый характер все того же нетерпимого и безответственного самозванства. Сохраняется вера в запретительные меры и прямое насилие. Сохраняются охранительные тенденции – не только в официозе, но и в гражданской активности доминируют установки на сохранение и возрождение (даже если это возрождение напоминает попытки реанимации после экзгумации), но никак не на живой творческий процесс. Персонфицированная власть, как и испокон века на Руси, остается «священной коровой»: критика власти квалифицируется как преступление.

Иначе говоря, Большой Миф рухнул, но культурный опыт, его породивший, остался. И осколки «помнят» друг друга еще достаточно, чтобы тянуться друг к другу. Социальная неустойчивость и незащищенность, нравственный вакуум, правовой нигилизм создают питательную среду преступности и одновременно – ностальгию по сильной руке. В условиях политической неструктурированности (дисперсности, «размазанности») общества, отсутствия в нем естественных социально-экономических и политических связей и отношений, направленных на реализацию интересов различных социальных сил, при неосознанности самих этих интересов – политическая активность носит деструктивный характер. Выборы теряют реальный политический смысл, партии становятся группировками вокруг амбициозных самозванцев или властными проектами.

Сохраняется все тот же российский маятник кротости и крутости. Вчера руководитель – помазанник Божий, сегодня – злодей, завтра – праведник. История остается непредсказуемой – каждый последующий период основывается на шельмовании предшествующего и открещивании от него, переписывании учебников...

Тотальное недоверие никому и ничему дополняется не менее тотальным желанием лучшего и желанием верить. Недовольство существующим и притязания на лучшую долю, в принципе, никогда не были тормозом развития. Наоборот. Недовольство есть первый шаг к прогрессу. Но не тогда, когда оно доминирует в инфантильно-потребительской среде, когда агрессивно-потребительское отношение к государству дополняется восприятием роста чьего-то достатка как нарушение основ социальной справедливости. Беда не когда какие-то внешние причины вызывают рост агрессивности и насилия – тогда проблема была бы лишь в устранении этих причин, а когда рессентимент, безответственность и нетерпимость становятся субстанцией ума и души.

Экономический кризис и политическая неоднозначность создают исключительно благоприятную среду для нового мифотворчества. Общественное сознание чрезвычайно уязвимо для различного рода паник, слухов, самозванства. Примитивные идеи легко подхватываются и распространяются. Сами собой возникают и плодятся самозванцы от политики, от науки, от религии, от медицины и т. д.

В такой ситуации на первый план выходит способность политической культуры к конструктивной консолидации социума.

5. Уроки и перспективы российской политической культуры

Российская специфика массового общества. Постмодерн и российско-советский культурный опыт. Российская политическая культура и перспективы модернизации. Постимперская культура как потенциал открытого общества. Советский урок национальной политики и этнофедерализма: перспективы российского национализма. Проблемы и надежды.

Российская специфика массового общества

Проблемы массового общества и массовой культуры в высшей степени актуальны для современной России. Можно сказать, что одним из результатов интенсивнейших трансформаций, пережитых российским обществом за XX столетие, стал шок от столкновения с культурой массового общества. Как уже отмечалось, трансформация ценностного содержания культуры в массовом обществе выводит на первый план ценности пользы и блага взаимного спроса: то, что не востребовано, просто не имеет права на существование в этом мире. Такое мировосприятие противоестественно для склонного к апофатике и трансцендированию российского культурного опыта.

В советское время потребительской, «мещанской» массе был противопоставлен «народ», нарождающейся массовой культуре «народность». На эту основу хорошо легло пришедшее из той же Европы учение К. Маркса об историческом тупике капиталистического общества, на смену которому придет общество всеобщей справедливости, в котором человеку будет возвращена его общественная природа, в том числе – за счет утверждения общинных форм жизни. В результате марксизм-ленинизм парадоксальным образом осуществил уникальный синтез западной и славянофильской идеи, породив идеологию – западнически рационалистическую по форме, но глубоко, почвенно славянофильскую по содержанию.

Так или иначе, но в Российском общественном сознании сложился устойчивый негативный идеологический стереотип «Запад – массовая культура – мещанство», который повлиял на не одно поколение

отечественных социальных мыслителей и продолжает в какой-то степени действовать и поныне в идеологеме о принципиальном противостоянии России западной цивилизации, ее особом пути и миссии.

Собственно становление массового общества в России началось в 1880-1890-е годы в связи с мощным пореформенным промышленным подъемом. Первая волна индустриализации, породила маргинализацию населения, формирование городского образа жизни. В определенном смысле, вся культура Серебряного века – эйфорическая реакция на зарождающуюся культуру массового общества. Корифеи российской культуры конца XIX – начала XX века, за редким исключением, не совсем адекватно оценивали значение собственного творчества. Полагая, что продолжают и возрождают традиции народного искусства, они фактически участвовали в создании культуры массового общества.

Отрезвление наступило после Первой русской революции 1905-1907 годов. Выплеск негативной социальной энергии, сопровождавший ее, продемонстрировал, что ни «народ», ни «масса» никак не соответствуют просветительским чаяниям интеллигенции о народе-творце, народе-деятеле. Новый русский человек, о котором в конце XIX столетия говорилось с придыханием, повернулся пугающими сторонами своего облика. В нем явственно проступали нигилизм, равнодушие к историческим корням, озабоченность *волей*, но никак не *свободой*. Российский обыватель отличался от западноевропейского так же, как российский разночинец от европейского буржуа.

В примерно одинаковых исторических условиях с Германией, в России не состоялся переход к буржуазности. В немецкой революции главную роль сыграла бюргерская законопослушность, в России же – «музыка революции». Сказались общий апофатизм и правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом.

«Восстание масс» может иметь форму гедонистического массового потребительства западного образца, может и – нигилистического взрыва на манер российской революции. Все зависит от того, формируется ли массовое общество на базе развитого гражданского общества или без него. В этом отличие отечественной ситуации от США, Европы, стран Восточной Европы и даже Прибалтики, где правовое государство и гражданское общество имеют более развитую традицию.

Культура массового общества оказалась существенным фактором в динамике социально-политических процессов прошлого века в нашей стране. Вторая волна – уже «социалистической индустриализации» довершила массовизацию населения. Коллективизация и «великий перелом» конца 1920 – начала 1930-х были восприняты «широкими народными массами» с большим энтузиазмом. В ходе этой

индустриализации решались точно те же задачи, что и в капиталистических странах, использовалась та же техника, те же самые технологии, которые зачастую просто заимствовались в более развитых странах. Даже внешние атрибуты образа жизни, художественных форм были во многом схожи. Хотя термин «массовая культура» применялся в негативном оценочном смысле (применительно к буржуазной культуре Запада), официально использовались такие термины, как «массовая песня», «массовая эстрада», «массовые праздники» и культивировались соответствующие формы массовой культуры. Но это был качественно иной тип культуры массового общества – без демократии и прав человека, т.е. *массовая культура тоталитаризма*.

Масса, концептуально оформленная как «передовой класс», а потом и «новая историческая общность», стала носителем высшей моральной легитимности, непогрешимой «по природе и по определению». Б.Ф. Поршневым и И.М. Лукомской в очерке «Ленинская наука революции и социальная психология» было детально и документированно показано, что учет чувств, инстинктов, настроений, эмоций масс был существенным фактором политической тактики и стратегии Ленина. Это накладывало отпечаток на используемый словарный запас, эмоциональную окраску заголовков, воззваний, публицистики. Тем самым, тоталитаризм получил не только концептуальное, но нравственное оправдание и обоснование. То, что для Г.Лебона, З.Фрейда и даже неомарксистов франкфуртской школы было симптомами неблагополучия, регрессией рациональности в архаику, утратой суверенной свободы воли, пассивно-восторженным подчинением воле вождя, непроницаемостью социальному контролю, наконец – невменяемой безответственностью, это самое в советском контексте выступало нормами и ценностями социализации.

Можно сказать, что реальным результатом «строительства коммунизма», «воспитания нового человека» и создания «исторически новой общности людей» в СССР стали именно массовое общество и соответствующая культура. Это было реальное массовое общество потребления и потребителей: советские граждане нисколько не были озабочены ответственностью за свое будущее, которое было расписано на века в программах КПСС, которая провозглашалась как «ум, честь и совесть эпохи». Это было общество удивительно беззаботных и безответственных людей массы, фактически не строящих, а проедающих свое будущее.

По некоторым параметрам культура советского общества сближалась с современной ей западной массовой культурой (особенно в Германии, США), по другим – разительно от нее отличалась. В отличие от западной массовой культуры, опиравшейся на средний

класс и выражавшей его потребности, в Советской России массовая культура выражала потребности «низшего» класса. Конечно, в СССР складывалась своя политическая и профессиональная элита, включавшая партийную номенклатуру и чиновников, профессуру и высокооплачиваемых ученых, известных артистов и летчиков. Они и были специфическим эквивалентом среднего класса. Однако их положение было крайне неустойчиво: они полностью зависели от властей, подвергались систематическим «чисткам», репрессиям, вплоть до физического уничтожения.

При этом демонстративно отвергался набор ценностей западного общества (достаток, комфорт, индивидуальный успех, стабильность, благополучие семьи), которые были объявлены «мещанскими», «отсталыми». Зато советская массовая культура была густо замешана на ценностях доиндустриального общества, таких как уравнилельное распределение, коллективизм, трудовая взаимовыручка, жертвенный аскетизм.

Советское общество и советская массовая культуры были противоречивы именно в аксиологическом плане. С одной стороны, это было именно общество беззаботных потребителей – людей, не являвшихся хозяевами своей жизни и не озабоченных свободой и ответственностью. С другой стороны, оно в (довольно успешной) официальной идеологии и пропаганде отвергало «мещанство» и стремление к личному благополучию. Рано или поздно, но это противоречие должно было разрешиться. Ценностная «перенастройка» советского массового общества началась в 1960-е годы.

К этому времени в СССР сравнялись численность сельского и городского населения. Широкомасштабное типовое индустриальное жилищное строительство дало возможность расселять коммунальные квартиры и общежития. Развилось массовое телевидение. В семьях рабочих и служащих появились такие предметы бытовой техники, как холодильники, магнитофоны, радиолы, стиральные машины, а в некоторых и личный автотранспорт. Возникли новые формы проведения досуга: туризм, клубы по интересам. Благодаря всему этому население становилось более автономным в плане бытового обустройства, а с другой – более зависимым от рынка товаров массового потребления и услуг. Все эти факты можно рассматривать как свидетельство формирования ориентированного на средний класс и рыночную экономику общества массового потребления. Показательно, что тогда же прошла довольно шумная дискуссия о «мещанстве» и «вещизме», показавшая, что стремление к личному благополучию достигло уровня осознанных интересов и ценностных ориентаций широкого круга людей.

1960-е и особенно 1970-е годы завершили эрозию трансцендентализма. Окончательно победило массовое общество с его потребительскими установками («мещанство» и «вещизм»). *В 1970-е годы завершился переход от традиционного доиндустриального общества к массовому индустриальному, а во-вторых, – от тоталитарно-мобилизационного – к потребительскому.* И этот процесс вполне соответствовал общецивилизационному процессу человеческого развития, описанному в предыдущих частях книги.

Возможно, что именно непонимание смысла происходивших изменений и предопределило беспомощность и несостоятельность правящей элиты, привело к катастрофическим последствиям. Произшедшие изменения не фиксировались в статистике, не отражались в программных документах, идеология и социальная наука оставались в плену устаревших понятий, «не видящих» новых реалий, не позволяющих адекватно описывать и понимать происходящее. Это создавало значительные трудности для советских лидеров, которые в глазах миллионов людей утратили былой ореол вождей, превращаясь в заурядных распределителей и присваивателей материальных благ. Несмотря на дежурные нападки на потребительство и мещанство, уравнильно-аскетический идеал бесповоротно утрачивал привлекательность. Нельзя забывать и то, что все это происходило на фоне очевидных достижений и роста качества жизни в развитых зарубежных странах, утаить которые от советских людей было уже невозможно.

Говоря о причинах падения советского режима, чаще всего называют техническое, технологическое и экономическое отставание, стратегическое поражение в гонке вооружений и в холодной войне. Но к этому необходимо добавить и то, что советский режим не смог найти достойного ответа на вызов новой культурной эпохи – массового информационного общества, достигшей планетарных масштабов. Идеология и технология власти советского государства устарели задолго до того, как оно распалось в реальности. Советская коллективистская система уже не могла удерживать в повиновении массового индивида, которого сама же породила. Да и у самой советской правящей элиты возникли потребности и амбиции, типичные для массового общества: стремление выделиться из толпы, обозначить свое социальное превосходство, конвертировать ставшие эфемерными привилегии власти в более осязаемые и прочные материальные ценности, закрепить их в собственность, наследственное владение.

Советская империя была повержена не в военном противоборстве и даже не в экономическом соревновании с какими-то конкретными конкурентами и противниками. Она была повержена безликой и универсальной

силой, утвердившейся не только «во вражеском окружении», но и в душах советских граждан – массовым обществом и ценностным содержанием его культуры. Можно сделать принципиальный вывод, что, вопреки бурным, и чаще всего – лукавым дискуссиям о «судьбе» России, ее «особом пути», исторический цивилизационный выбор российским обществом был сделан уже давно. И сделан он был не в политической сфере, не в экономике, а в сфере повседневности.

Драматизм нынешней российской ситуации усиливается тем, что российское общество оказалось беззащитным перед массовой культурой. Если в большинстве зарубежных стран социальность имеет устоявшиеся институциональные формы гражданского общества, дающего личности – пусть формальные, но ориентиры и скрепы идентификации в виде институций религиозных, муниципального самоуправления, профессиональной корпоративности, то советский и постсоветский человек этого лишен. В результате социальной революции в стране были уничтожены социальные и классовые барьеры, традиционные субкультуры, в итоге чего в стране сложилось общество почти дисперсное. Сословная и народная культуры оказались в некоем виртуальном пространстве «социалистического реализма». Крушение империи вызвало к активной жизни многообразие национальных культурных форм, которым прививалось «социалистическое содержание». В результате был выработан некий единый культурный код – выморочный, насаждавшийся пропагандистски и через систему образования – но доступный всем группам населения. И эта массовая культура противопоставлялась массовой культуре запада – «безликой и безнравственной».

Перестройка и последовавшие реформы проходили при полном отсутствии внятной культурной политики. В этой ситуации наиболее примитивная, развлекательная западная массовая культура, фактически – культурный ширпотреб, не имея конкуренции на отечественном рынке, быстро заполнил вакуум. Отечественная (советская) массовая культура перестала быть массовой, изменилось содержание и даже дизайн массовых праздников. Деятели культуры, наивно полагавшие, что высокая культура выстоит в любой ситуации, жестоко просчитались. На гребне волны бездуховности оказалась эстрадная попса.

И стало очевидным, что культура российского массового общества не имеет социальной почвы – ни исторических, ни фольклорных корней. Она может использовать – по старой имперской и советской привычке – практически любые исторические формы культуры, но не может наполнить их содержанием.

При этом, в условиях фактического отсутствия среднего класса и гражданского общества функцию консолидации общества выполняет именно массовая культура, типичными носителями которой являются представители нынешней российской «элиты». В этой ситуации нет никакой необходимости даже в манипулятивной имитации среднего класса. Важно понять: сам middle – продукт массовой городской культуры. Так функцию среднего сословия в современной России с успехом выполняет массовое сознание людей массы, сформированное еще в советское время.

При этом традиционный российско-советский культурный опыт по своему нормативно-ценностному содержанию носит вне- и даже анти-рыночный характер. Уходя корнями в синтез славяно-финно-угорского язычества и православия – апофатической ветви христианства – этот опыт, как уже отмечалось выше, не мобилизует человека на жизнь в этом мире. Трактую эту жизнь как юдоль страдания, тяжкого нравственного испытания, он создает традицию высокой духовности, нравственного предуготовления личности к жизни иной – в потустороннем мире или светлом будущем, но «не в этой жизни», не здесь и сейчас. Этим и объясняется довольно противоречивое состояние общественного сознания. Сколько ни говори человеку в семье, в школе, с амфона, даже с экрана телевизора о высокой духовности, выходя на улицу и попадая на работу, он видит, что в этой жизни царит обыденная «рыночная» этика: ты мне – я тебе, и не делай другому того, чтобы не хотел по отношению к самому себе. И если он хочет жить в этом мире, ему придется руководствоваться именно этой этикой.

Ситуация усугубляется отсутствием внятного символического ценностного кода современной российской культуры. В советское время, будучи фальшивым и противоречивым, язык массовых газет, кино, эстрады, массовых праздников, лозунгов и ритуалов был хотя бы декларативно лоялен по отношению к простым людям. Нынешняя ценностная символика российской культуры противоречива и эклектична. Речь идет даже не только и не столько о государственной символике, а просто об обыденности, когда даже в названиях фирм, организаций, товаров в одном и том же слове соседствуют кириллица и латиница, а в публичной лексике высоких государственных чиновников соседствуют рассуждения о православной духовности и блатная лексика.

Актуальной становится задача отхода от претензий на вселенскую всеохватность – определиться (буквально «о-предЕлиться», осознать и сформулировать свои пределы), от слов о собственной уникальности перейти к уяснению и конкретизации этой уникальности.

Российская политическая культура и перспективы модернизации

России свойствен не столько опаздывающий или догоняющий характер развития, сколько «кессонная болезнь», когда попытки ускоренного вытягивания страны и общества к цивилизационному фронтиру разрывают социальные ткани и деформируют нравственность, а то и психику. Примеров такой кессонной болезни только за последние десятилетия множество.

Во всем мире развитие кооперации способствует насыщению рынка товарной продукцией, вызывает конкуренцию, и, как следствие, снижает рост цен и инфляцию. Инициированное в конце 1980-х развитие кооперации в СССР, в условиях отсутствия реальных собственников и развитого рынка привело к усилению монополий, накрутке цен, выкачиванию на ненасыщенный с низкой платежеспособностью рынок оналиченного безнала, и, как следствие, – к зашкаливающее галопирующей инфляции. Попытки «демократизации» и введения дизайна политических институтов (от выборов до уполномоченных по правам человека) «как у людей» привели к «управляемой демократии», и – полной дискредитации в общественном сознании идей либерализма и демократии.

Все это – примеры упомянутой неадекватности управленческих политических практик. Очевидно, этот «забегаяще-кессонный» характер российского развития объясняет, почему западные cultural studies не интересуются коммунистическим и посткоммунистическим обществом: дело не в том, что этот социум не укладывается в привычные западной социальной науке представления и концептуальные рамки, а в том, что это принципиальной, шокирующее иной социум.

С другой стороны, советский опыт планирования социально-экономического развития предприятий и регионов с их изохронной методикой разработки на три десятилетия опередил практику корпоративной социальной ответственности и разработку международных стандартов нефинансовой социальной отчетности. Культурно-спортивные комплексы 1983-1985 года вызвали ведомственную неразбериху и канули в небытие, однако их опыт успешно реализуется в современной Финляндии. Опыт советского социалистического соревнования, дискредитированный в стране донельзя, лег в основу японских «кружков качества».

Поэтому проблема модернизации заключается скорее не в сроках, а в отношении к культурному наследию, его конструктивному

использованию, выработке стратегии и политической воли следования этой стратегии.

Факторы эффективной модернизации давно известны. К внешним факторам относятся налаживание контактов, открытость, партнерство. Вражда, изоляционизм выступают мощным тормозом развития страны. Так Крымская война в свое время убедительно продемонстрировала печальные последствия изоляционистской политики николаевского режима в России. Не менее убедительны были и последствия «холодной войны».

К внутренним факторам, как показывает весь исторический опыт успешных модернизаций – как зарубежных (Германия, Япония, Корея, Сингапур, Китай), так и отечественных (реформы Петра I, отчасти – советский опыт), – относятся наличие ясной стратегии и властной воли ее реализации, ставка на освоение передовых практик, науку, образование, формирование социальной базы модернизации (новой элиты), централизация на ранних стадиях, жесткое следование принятым решениям, развитие институциональной среды – как с помощью заимствований, так и адаптации собственных традиций. Только в этом случае возможна динамика социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества, включая политическую культуру.

Традиционным ответом России на вызовы всегда были усиление власти, жесткий административный контроль, подтягивание ресурсов и принудительное нововведение. Действительно, главное условие успеха модернизации это не просто потребности и готовность к переменам, а разумная властная воля, артикулирующая внятную стратегию модернизации. Поэтому, при всей человеческой симпатии к инициаторам перестройки, их управленческая некомпетентность очевидна: нигде и никогда модернизации и реорганизации не осуществлялись на основе и через демократизацию. Это азы менеджмента. Демократия – результат, продукт, упаковка всюду плотных рыночных отношений. При отсутствии реальной рыночной экономики, а главное – реальных собственников, ей не на что опереться, и она уходит в песок, если не в болото.

На Рис... представлена расстановка социальных сил в начале перестройки в экономически-властных координатах предпочтений. Задача заключалась в переходе от доминирования властно-распорядительных установок в рыночно-демократические.

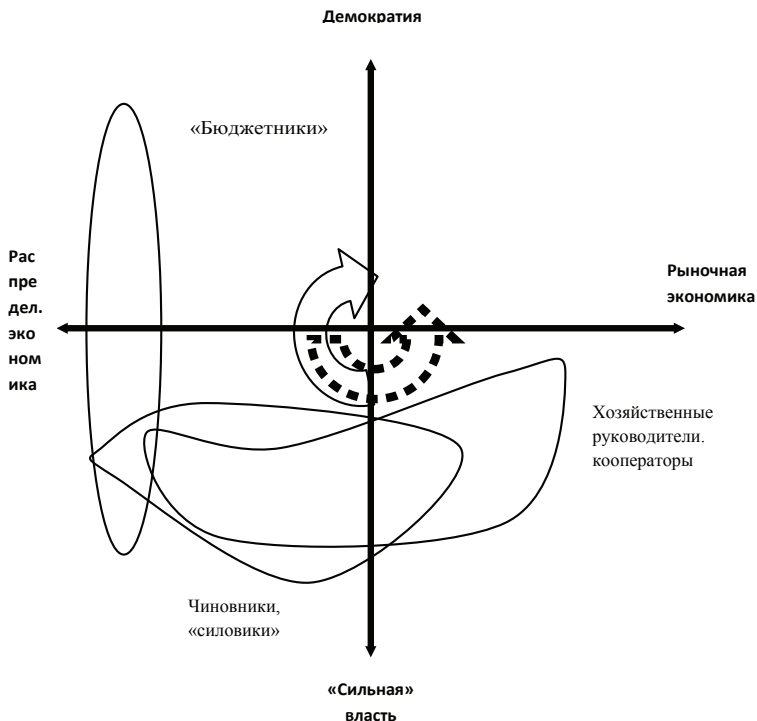

Рис. 8. Траектории экономической и политической модернизации

Весь мировой опыт модернизаций, формирования развитых рыночных экономик (Корея, Тайвань, Германия, Япония, Сингапур, Китай) говорит о движении «против часовой стрелки» – за счет централизации власти, налаживания институтов, правовой системы, развитие рыночной экономики и на этой основе – демократизация. В СССР был выбран путь, не имеющий аналогов: политическая демократизация («перестройка»), ускоренная, практически нерегламентированная приватизация (по историческим меркам – мгновенное первоначальное накопление, которое просто не могло быть справедливым) с надеждой на то, что рынок сам все упорядочит.

Более того, новые институты частной собственности, рыночной экономики, политической демократии также были приняты «на веру», а достаточно жесткие реалии приватизации, неравенства, конкуренции были изрядной частью населения восприняты негативно.

Как в таких условиях и каким образом возможна современная российская модернизация? Желание модернизации артикулируется постоянно. Но одного желания для модернизации мало. Необходимы ресурсы и реальные планы и программы. По мнению В.Гельмана, авторитарная модернизация в современной России невозможна по ряду причин.⁴⁸ Прежде всего, это отсутствие политической элиты (существующий политический класс доказал свою неэффективность), эффективной бюрократии и армии. В России отсутствуют социальные и политические силы реально заинтересованные в модернизации, прежде всего, такие как власть и бизнес. В стране, где право собственности не защищено, где малый бизнес развивается на неформальной основе («по понятиям»), модернизация невозможна. Прежде чем проводить модернизацию, необходимо иметь работающую эффективную политическую систему.

Барьеры модернизации российского общества хорошо известны по историческому опыту российских модернизаций:

- Проблема собственности. Речь идет о неразвитости самого института собственности, ее правовых гарантий и защиты, неразвитости социальной базы (эффективных собственников. Доминирующим (но не эффективным) собственником является государство.
- Экономика. Промышленность на начальных стадиях развивалась в виде казенных мануфактур. На частных мануфактурах долгое время работниками были крепостные. Управление осуществлялось крепостными же или откупщиками, не имевшими права покупать работников. Рывок в индустриальное общество был совершен в советское время за счет жесткой государственной мобилизации населения.
- Города – не как центры ремесел и торговли, а как опорные пункты власти.
- Социальная база модернизаций. Это не средний класс, не буржуазия, а чиновничество, т.е. служилые («государевы») люди.
- Наука и образование были также огосударствленными. При этом образованный класс не занимался производством.
- Идеология. Либерализм представлен в среде профессуры, высшего чиновничества, но не среднего сословия, которому свойственны традиционалистские политические установки.

⁴⁸ Gel'man V. Out of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. // *Int. Political Sci. Rev.* 29, 2008. Pp. 157-180; Michael McFaul. Transitions from postcommunism. // *J. of Democracy*, 16, 2005. Pp. 5-19

Все эти факторы, либо их последствия сохранились и в XX, и даже в XXI веке. Однако, если доминирование государства как собственника и управленца еще позволило совершить индустриальную модернизацию (в СССР), то развитие постиндустриального общества на этой основе оказалось затрудненным, и страна оказалась отставшей от цивилизационного фронта, ушедшего вперед.

Культурный потенциал российской модернизации очевиден... Позитивную роль играет сохраняющийся пока относительно высокий уровень человеческого капитала (образование, креативность) в России, его уже отмечавшаяся терпеливость, неприхотливость, опыт выживания. Правда, уже начинает сказываться консьюмеризм уже нескольких поколений отечественных граждан, их ориентация на высокие стандарты потребления. Никак нельзя сбрасывать со счета и сохраняющуюся высокую природную ренту, благоприятную как никогда внешнеполитическую ситуацию, сохраняющуюся централизацию реальной власти.

Но не менее очевидны в российской ситуации и культурные барьеры модернизации. Это углубляющийся сырьевой характер экономики, нерешенность вопроса собственности, специфика российской урбанистической среды, отсутствие социальной базы модернизации и невостребованность инноваций. В современной России отсутствует реальный запрос на инновации. Его нет у бизнеса, который делается не для конкуренции и инноваций, а для достижения хотя бы и временного, но монопольного преимущества. Для того, чтобы он стремился к этому преимуществу за счет инноваций, должна быть создана конкурентная среда. Но рентный бизнес не нуждается в этом – он уже монополизирован. Ситуация усугубляется созданием налоговых льгот и других преференций, расчищающих формирование монополий местного и регионального масштаба. Да и общественный запрос ориентирован скорее на стабильность, чем на очередные инновации... К этому можно добавить невиданное имущественное расслоение общества, низкий уровень горизонтальной мобильности, состояние рынка жилья, его недоступность подавляющей части населения, особенно молодежи запредельная коррупция, правовой нигилизм,⁴⁹ отсутствие гражданской национальной идентичности, фантомные имперские боли и неоднозначные идеологические спекуляции, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования... Итогом является сложившиеся в России экономика и общество недоверия, институционализация зависти и рессентимента. Современная Россия удивительно не консолидированное общество.

⁴⁹ См. также : *Потякин А. А.* Правовой нигилизм как вари ант современного российско-го правосознания. // общество и политика. Современные исследования. Поиск концепций. СПб: СПб ГУ, 200, с.342-360.

Постимперская политическая культура как потенциал открытого общества

К конструктивному потенциалу развития российского общества относится и постимперское культурное наследие – как потенциал открытого общества. Как уже отмечалось, имперское наследие парадоксально, включая: цивилизационную роль империй, соотношение имперской культуры и глобализации (каждая историческая империя являлась ростком глобализации), имперская культура как колыбель и background либерализма. Проведенный ранее сравнительный анализ отношения к постимперскому опыту – «загадки Эспаньолы» (Гаити и Доминикана), опыт Сингапура и ШриЛанка (ставка на постимперское культурное наследие и отказ от него), опыт Израиля (вынужденная имперская роль) – убедительно показывает позитивный потенциал имперской культуры при должном отношении к этому наследию.

Постимперское культурное наследие способно выступать существенным ресурсом инновационного развития. Прежде всего, это человеческий капитал, идентичность которого носит надэтнический и надконфессиональный характер, его дополнительная жизненная компетентность и конкурентные преимущества; формирование новой элиты; толерантность; инновационность, модернизация. Задача – во внятном и вменяемом отношении к этому наследию и опыту, в способности рационально им распорядиться.

Осмысление имперского прошлого – как российского, так и советского, выработка конструктивного его освоения – нетривиальная задача. Ее решение предполагает ясное осознание перспектив модернизации, демократизации, места России в глобализированном мире. При этом важно избежать искушение новой имперской идеологией, ростки которой проявляются в «Проекте Россия», новом евразийстве, практической пропаганде: педалировании великодержавности, образа внешних и внутренних врагов, фантомных болей по поводу Севастополя, Закавказья...

Показателен опыт ФРГ – как до, так и после объединения в 1990-х. Было выработано четкое отношение к имперскому наследию: отказ от особого пути развития (Sonderweg), милитаризации экономики и территориальных претензий, нормализация истории. Главное – уход от депрессивно-реваншистского понимания итогов II Мировой войны: «Мы не проиграли».

Во внешней политике важен переход от фантомной великодержавности, вызывающей настороженное отношение к России, а то

и недоверие к ней, к «одной из» стран целостного мира, определение своего уникального места в этом мире. Нетривиальное значение имеет выработка отношения к «русскому миру» (соотечественникам за рубежом) и к (им)миграции.

Во внутренней политике необходимы:

– Уход от ловушек этнофедерализма: ясный выбор между унитарностью в сочетании с культурными автономиями и полноценным федерализмом.

– В экономике – определение роли государства в создании конкурентной среды и конкурентоспособной экономики, альтернативой чему может уже пройденный урок мобилизации ресурсов для наращивания военной мощи, надорвавшей советскую экономику.

– В социальной политике – ставка на развитие социального и человеческого капитала (образование, наука, медицина), выбор между качеством жизни, социально-гуманитарным развитием и – мобилизационным пониманием человеческих ресурсов.

– Освоение новой географии (развитие агломераций, транспортной системы, развитие Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока), т.е. развитие полноценной инфраструктуры. Поиск конструктивного содержания постимперского наследия затруднен несообразностями в концептуальном и идейном аппарате такого поиска и осмысления. А путаница понятий ведет в тупики несостоятельности политического дизайна и его наполнения.

Заслуживает серьезного переосмысления идея «новая историческая общность – советский народ. Именно ее утрата порождает дискомфорт в сознании носителей этой идентичности: это не только пенсионеры, бюрократы, силовики, «патриоты», но и «бюджетники» (включая ИТР, ученых), часть молодежи... И эта идентичность все еще сохраняет свой консолидирующий потенциал, пренебрежение которым, а тем более высмеивание порождает не только дискомфорт, но и социальное напряжение. Тогда как понимание его природы и возможностей может выступить мощным ресурсом инновационного развития.

Представительные опросы показывают, что гражданам РФ свойственна именно персонология, основанная не столько на этнической или статусной идентичности, сколько на ролевой и даже проектной. Более того, отмечается даже неприятие этничности. Обусловлено это, по мнению исследователей, тем, что для российской национальной культуры характерна именно конвенциональная внеэтническая идентичность, предполагающая принятие единых правил поведения – определения «русскости» не по этничности или даже

вере, а по культуре и отношению к России. Для Россиян ведущую роль играет идентичность такими общностями как семья, друзья, земляки, люди того же возраста, профессии, а особенно – людьми тех же взглядов (25-26%), «советскими людьми» (49-52%) и даже – всеми людьми планеты (59-62%). Это объясняет легкость ассимиляции российской эмиграции без образования диаспор и, одновременно, болезненное отношение к мигрантам, образующим обособленные диаспоры и живущим в них по своим правилам, игнорируя традиционные нормы российской культуры.

Фактически наличие такой идентичности признается в периодически активизируемой дискуссии о «постимперском синдроме», феномен которого связывается якобы с такими последствиями постсоветского развития России, как: утрата статусного самосознания принадлежности великой державе; усеченность суверенитета; опасность утраты культурно-исторических традиций; опасность превращения в этническую (фольклорную) общность «у себя дома». Из этого даже делаются выводы, что этот феномен обусловлен гордостью за цивилизационную миссию СССР, приобщившего свою бывшую периферию к цивилизации и одновременно – сочетается с облегчением освобождения от ответственности за темные стороны советского империализма.

Между тем, отвечая на вопрос – что было самым трагическим событием в отечественной истории XX века, только ¼ опрошенных назвали распад СССР. По значимости его заметно опередили Великая Отечественная война, сталинские репрессии, война в Чечне. В одном ряду с распадом СССР для россиян – война в Афганистане, Чернобыль, и лишь немного отстали коллективизация и раскулачивание. А среди самых больших достижений нашей страны в XX веке создание СССР упомянули только 28%. Гораздо значимее оказались ликвидация неграмотности, создание мощной промышленности, бесплатная медицина, освоение космоса.

Более того, почти половина россиян (причем относительно более «продвинутая» и перспективная по критериям возраста и образования) не чувствует себя гражданами России, а великодержавный дискурс вообще неактуален для ¾ городского населения. Анализ же опросов населения показывает, что гражданам РФ свойственна апелляция не столько к имперскому прошлому, сколько к утрачиваемой имперской культуре. СССР воспринимается большинством россиян не столько через государственническую, сколько через социально-экономическую призму, как первое государство в истории страны, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь. Даже СССР брежневского времени ассоциируется у них прежде всего с социальной защищенностью, успехами в образовании, науке и технике, доверием между людьми, жизнерадостностью. Ностальгия

по СССР связана в первую очередь с тем образом жизни, который с ним ассоциируется, с его достижениями в экономике, социальной и гуманитарной сферах, а не с ролью сверхдержавы, противостоящей «американскому империализму». Доминирующей оказывается не политическая, а социально-гуманитарная составляющая. Причем отмеченные установки и оценки очень устойчивы: в 1995, 2001, 2004 годах они совпали с точностью до 1%.

При этом, по данным тех же опросов перспектива одинокой России вызывает у граждан чувство опасности. Они оказываются заинтересованными во вхождении России в глобализированное мировое сообщество, а не в ее изоляции. Россиян беспокоит не столько утрата Россией статуса великой державы, сколько характер развития страны, не позволяющий им в полной мере идентифицировать себя с нею. Это означает, что граждане России действительно хотят видеть ее великой державой, но это значит для них не бряцание оружием или поиск внешних врагов России, а ее процветание, развитие образования, науки, культуры. Именно утверждение целей и ценностей, разделяемых большинством населения, позволит гражданам ощущать себя частью единой и могучей общности. Достичь же этих целей, восстановить единство общества можно в современном мире, лишь двигаясь по пути модернизации, способной сделать Россию конкурентоспособной на мировой арене, а отнюдь не на путях возрождения имперских амбиций.

За так называемым «имперским синдромом» реально стоит не ностальгия по империи, а желание качественного иного уровня жизни, справедливости. В реальности, речь идет фактически о проблеме личностной самореализации в новых цивилизационных условиях, о несоответствии российской реальности массовым ожиданиям населения, готового к самореализации на основе новой персонологии и культурной интеграции в мировое сообщество.

Тезис о великодержавности сталкивается с проблемой: в современном обществе величие страны определяется не столько размерами, ресурсами и военной мощью, сколько ее «престижем», привлекательностью для «новых людей», человеческого капитала, являющегося трендом развития общества.

В России идея великодержавности получила развитие с 1815 г. после Венского конгресса. Смысл идеи великой державы, ее престиж, в принципе, выражается в трех характеристиках такой страны: она одна может противостоять всем прочим; она признана в качестве таковой (уважается) другими; способна и берет на себя ответственность за других. И наша страна в своей истории имела такой престиж, когда была членом Священного союза, Антанты, Лиги

наций, Совета безопасности ООН, лидером стран Варшавского договора. Этот статус подтверждался привлекательностью России для уроженцев других стран, стремившихся в нее для реализации бизнеса, личностной самореализации.

Существенно иная ситуация сейчас. Даже членство России в «Восьмерке» является усеченным, выглядит натужным. И дело даже не в экономическом спаде, утрате части территории. В наши дни критерии «величия» несколько изменились. На первый план вышли критерии качества жизни, социальной привлекательности страны, которые оказываются важнее ее военного потенциала или энергетических ресурсов. КНДР имеет армию, одну из крупнейших в мире, определенный ядерный потенциал... А Саудовская Аравия, Венесуэла – богатейшие запасы углеводородов... Но говорить о их великодержавности не приходится.

В современных общественных дискуссиях об «империи» говорится преимущественно метафорически, на уровне идеологической мобилизации, но не решения практических вопросов. Между тем, можно и нужно говорить о ресурсе постимперской культуры для решения вопросов качества жизни и соответствующей социальной политики, без решения которых не возможны как внутренняя, так внешняя политика современной России.

Примером конструктивного характера постимперского культурного наследия является такой его яркий символ, как Санкт-Петербург – «демоверсия» Петровских реформ, город-артефакт имперской культуры. Для петербургской культуры характерны внеэтничность, наднациональность – мультикультуральность (космополитичность). Питерской культуре присуща веротерпимость, рациональность, корректность. Проблема трагедии маленького человека, противостоящего безличному Левиафану государственности – фактически, зародыш проблемы прав человека – возникла (пушкинский «Медный всадник», гоголевская «Шинель») и могла возникнуть только в Санкт-Петербурге. Более того, питерской идентичности свойственны особая рациональность, ориентация на исторический прогресс и модернизацию. Космополитичность, наднациональность, мультикультуральность и терпимость, уважение к личности, рациональность и нацеленность на развитие – все это и образует содержание специфического общественного сознания, персонологии. Не даром город имеет статус «культурной столицы России».

Чрезвычайно показательно и поучительно сравнить это содержание с содержанием идеи европейскости, представленной в докладе Совету Европы, и которую авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т.е. имперским началам, объединявшим западный мир. Совпадения

с питерской идеей разительно буквальные: мультикультуральность, демократия, толерантность, вера в исторический прогресс, права человека. Санкт-Петербург, действительно, был и остается носителем и представителем европейского начала в российской культуре, носителем импульса ее развития, инициатором и проводником модернизаций российского общества в экономике, промышленности, политике, науке, образовании, искусстве.

Санкт-Петербург – утопический город, город-мечта России о новой, светлой, разумно устроенной жизни. Помимо прочего, и в том смысле, что этот город – то место, где утопии имеют склонность к реализации. Санкт-Петербург – город-инноватор России. И в наши дни Санкт-Петербург продолжает выполнять роль своеобразного «Инноватора». Похоже, что только в Санкт-Петербурге возможна конструктивная трансформация постимперской культуры, вещь невозможная в других регионах. Например, в Москве, обреченной на образ собирательницы земель русских, в том числе и неоднозначными методами. Или в Калининграде, апелляция к прошлому в котором оказывается весьма причудливой: то ли к прошлому Германской империи, прусскому величию, то ли к советскому прошлому.

Санкт-Петербург как средоточие межкультурных контактов и связей, город-космополит, символ общечеловеческой Культуры, способен объединять людей вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности – еще одна замечательная особенность Санкт-Петербурга. В основании, в становлении, в революциях, героических 900-х днях гитлеровской блокады он был и остается великим Городом, испытанием России, испытанием физических и нравственных сил, синонимом культуры вообще – как истока, как процесса и как результата этого испытания.

За этой уникальной ролью Санкт-Петербурга стоит мощный импульс властной воли. Речь идет о том модернизационном импульсе, который был связан с деятельностью Петра I. Российское общество активно (если не отчаянно) ищет в своей истории «точки опоры». Для этого предпринимаются даже специальные усилия по разработке «русской идеи», проводятся конкурсы «брендов России» и т. п. И постепенно из этого вороха слов и пены политизированных споров отстаивается в памяти общества некий «сухой остаток» событий, исторических лиц, фигур, их деяний. И бесспорной фигурой такого пантеона является Петр I, сыгравший ключевую роль в российской истории.

Он предстает фигурой, заполняющей зияющее пустотой «свято место» русской культуры. Дело в том, что в русской, да и во всей славянской мифологии отсутствует «культурный герой» – персонаж, аналогичный Прометею в древнегреческой мифологии, Вайнемейнену в «Калевале», *тот, кто научил труду, конструктивной деятельности по обустройству и переустройству окружающей действительности*. И Петр – человек Дела – Первый

езде и во всем, Великий в своей неумной преобразовательной активности, действительно, оказывается первым русским корабелом, мореходом, строителем, библиотекарем, музейщиком etc, etc.. – основателем целых отраслей, городов и поселков, вошедшим в местную и региональную мифологию, фольклор, несомненно, соответствует этой роли «культурного героя».

Между тем, с фигурой Петра I связаны и в ней воплощены, персонализированы такие ценности, как дерзновенное позитивное, конструктивное преобразование России; просвещение, образование и наука; открытость Российского общества, освоение передовых эффективных практик и одновременно – интеграция России в мировую цивилизацию. Все эти ценности более чем актуальны и в наши дни, делая, тем самым, Петра Великого одним из олицетворений, если не главным олицетворением, «брендом», «имиджем», «символом» современной России, вступающей в новый виток инновационного развития.

В ситуации интенсивных и радикальных политических и экономических перемен, пережитых и переживаемых страной на рубеже веков и тысячелетий, особенно важным оказывается, как сказал в своем выступлении на Конгрессе М. Б. Пиотровский, «то, что остается»: а это, прежде всего, дела Петра Великого, «память его созидательного духа», позволяющая «без всякой фальсификации истории» почувствовать Россию, способную к созиданию. Поэтому, в наше «странное время», в ситуации «безлюдья», «без героев» (Д. А. Гранин), когда Ленин соседствует с Николаем II, Фрунзе с Колчаком и т. п., Петр I приобретает черты исторического героя, обладающего несомненным объединяющим нацию потенциалом.

Более того, Петр I является привлекательной и понятной фигурой для европейского сообщества, активно хранящей память о преобразователе и цивилизаторе России. Петр I мирит Россию с Европой. Там он понятен. Это видно на примере отношения к памятникам в Прибалтике, в других странах: монументы Советским солдатам, советским лидерам подвергаются критике, переносам, а то и ликвидации, тогда как памятники Петру Великому, памятные знаки, посвященные ему, сохраняются и даже создаются новые.

В этом смысле можно говорить о некоей «петровской идее», сохраняющей актуальность и для современной России, а возможно, и выходящей в наше время на первый план. «Петровская идея» это не только собственно идеи Петра I, но и его окружения, времени, выражение нашего осмысления петровского наследия.

Содержание «петровской идеи (идей)» наиболее полно и в яркой образной форме на примере четырех петербургских памятников Петра Великого (Фальконе – «романтический самодержец-преобразователь», Бернштам – «царь-плотник», Растрелли – «император» и Шемякина – «трагическая личность»).

Дерзновенное преобразование («дерзновению подобно», «невозможное возможно»). Речь идет не об утопическом проекте, разрушающем среду обитания, человеческие ресурсы и личность, а о конструктивном рациональном преобразовании общества, преодолении традиционных «барьеров» развития, выходе общества к новым горизонтам и качеству жизни. Мощный «петровский импульс» стал решающим фактором развития страны во всех сферах жизни российского общества, вывел Россию на уровень «фронтира» мировой цивилизации.

Просвещение (образование и наука) и труд. «Царь-плотник», «царь-труженик» личным примером показывал важность, как сказали бы сейчас – «приобщения к инновациям», освоения самого передового опыта, мастерства в любом деле, уважения к науке и образованию, успешному опыту других народов и государств. Его неутомимая активность была направлена на разумное, рациональное обустройство жизни общества в самых различных сферах, на создание новой просвещенной элиты, способной решать задачи преобразования страны. И это были не временные кампании, а кропотливая работа по созданию новых норм, социальных институтов, структур, отбор лучших и эффективных специалистов и лидеров своего дела в России и за ее пределами, их поддержке. И, как известно, на призыв Петра I «образовываться» через 100 лет Россия ответила явлением А. С. Пушкина. Петровская «прививка» России европейской культуры оказалась болезненной, но дала мощнейший импульс развитию страны, плоды которого пожинаются до сих пор. И не дать затихнуть маятнику, раскачанному Петром I, – задача современной России.

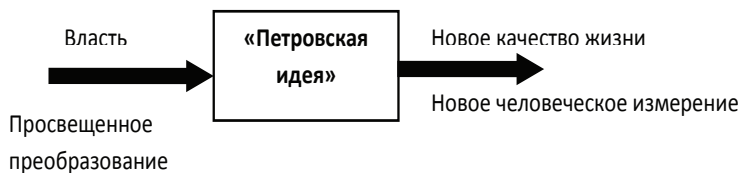
Имперское культурное наследие как потенциал открытого общества. Петр I – создатель Российской империи, открытой миру не только своей экспансией и заботой о «приращении земель», но и цивилизатора огромных территорий Евразии, интегрирующей ее народы и культуры, открывающей эти народы и культуры миру. И ту историческую роль Российской империи умалить никак невозможно.

Личностное измерение. Речь идет не только о «трагическом одиночестве великого реформатора», но и о гражданском и личностном подвиге Петра Великого, на котором могут и должны учиться поколения и поколения российских граждан – «неразумных детей петровых». И каков был личный проект самого Петра Алексеевича? Ведь он, как личность, также менялся: в своих установках, взглядах, оценках. И был ли такой автопроект? Постановка подобного вопроса была немыслима еще пару десятилетий назад. И за этим стоит интенсивная динамика, если не общий сдвиг парадигмы в гуманитарных науках. Речь идет об очевидной тенденции смещения акцента с интереса к действительности как таковой на методологию ее познания, а затем с социально-культурных и нормативно-ценностных факторов этой методологии

к активной роли личности как источнику, средству и результату общественного и исторического развития, ее идентификации и самосознанию не только и не столько по этнической принадлежности, статусу, сколько на основе ее самоопределения и самореализации.

Достоин специального внимания «петровский менеджмент»: опыт управления Петром I страной, конкретными проектами, опыт организации взаимодействия различных сословий, формирования новой управленческой и интеллектуальной элиты, как, впрочем, достойны изучения и сами представители этой новой российской элиты).

Таким образом, речь идет о комплексе идей, связанных с личностью Петра I, его деятельностью, которые сохраняют свою важность и актуальность для развития современной России. И это чрезвычайно целостный в идейно-смысловом плане комплекс:

Имперский и постимперский опыт оказывается важным и в международном плане. Фактически, речь идет о новой политической структуре мира. Только надо отдавать отчет, что речь идет не о новых империях, а именно об интеграции пост-имперских культур, о формируемых на этой основе мировых «культурных автономиях».

Последствия для внутренней политической культуры эти процессы также имеют далеко неоднозначные. Как радикальная, так и умеренная (регионально-культуральная) глобализации порождают алармистскую реакцию консервативно настроенных слоев общества, в результате чего существенно перестраивается политический рынок.

Некоторые авторы в этой связи вычленяют несколько возможных сценариев:

1. Глубокий раскол общества по линии «патриоты-космополиты»;
2. Патриотизм занимает обширный центр, оттесняя остальное на раздробленную периферию;
3. Партийные машины по инерции движутся в борьбе за звание лучших патриотов;
4. Политическая сфера практически отмирает, а общество живет под техническим управлением бюрократии (эксперткратии).

В современной России очевидно наличие всех этих сценариев с тенденцией слияния (2) и (4). Но и в этом случае вряд ли возможно говорить о новом империализме. Точно квалифицировать эти процессы вряд ли возможно – как, впрочем, и всегда, когда мы имеем дело с чем-то реально новым.

Проведенное рассмотрение показывает, что осмысление имперского культурно-исторического наследия открывает новые перспективы и измерения современности.

Исследование постимперского опыта могут быть реализовано по нескольким основным направлениям:

- Постимперская культура и культурные барьеры развития: институты, структуры, стереотипы, общественное сознание и самосознание. Что уходит? Что опасно, создавая определенные риски? Что может быть ресурсом, открывающим перспективы развития?
- Новая персонология и идентичность: личность как автопроект и новая жизненная компетентность в глобализирующемся мире
- Необходимость соответствующих социальной политики и гуманитарного развития, реализующих этот потенциал.

И главное – выработка на этой основе соответствующей социальной политики и гуманитарного развития, качества жизни, справедливости, реализации этого социально-культурного и личностного потенциала, переход от государства-рантье к государству – оптимизатору природных и человеческих ресурсов на основе соответствующей социальной политики. В современных условиях выбор инновационного развития и его траектории не может определяться только личностными предпочтениями и интересами правителей, но должен опираться на ценности общества. Тогда задача в том, чтобы выразить эти ценности и интересы. А это уже предполагает общественную дискуссию, независимые СМИ. В артикуляции и продвижении (лоббировании) интересов должны участвовать не только бизнес, но и гражданское общество, организованная общественность, отдельные граждане.

Россия в этом контексте предстает удачным и чрезвычайно важным полигоном исследований и разработок, открывающих выход из тупика «глобализация – национальная изоляция» к полноценной интеграции в мировое сообщество, к фронтиру современной цивилизации.

В этой связи апелляция нынешнего политического класса к имперскому опыту вполне понятна. Если бы не одно «но»... Идея империи как таковой тупикова и мертва в наши дни. Политические функции империи как надэтничной и надконфессиональной политической системы в условиях глобализации переместились на надгосударственный уровень. Так же как исторические империи были ростками, «про-

бами пера» глобализации, так и глобализация – суть современное выражение «имперской идеи». И в этой идее много конструктивного, но на уровне государства может идти речь не об империи, а об имперском культурном наследии, о постимперской политической культуре. В которой тоже немало конструктивного: от надэтничной гражданской идентичности до реальной интеграции и толерантности. Особую роль играет, конечно же, именно сохранение и развитие надэтничной гражданственности, именно гражданской национальной идентичности. Всякая апелляция, с одной стороны, к национальности как этничности, а с другой – к имперскости, – разрушительны.

Конечно, сказываются различные темпы цивилизационного развития различных регионов страны, порождающие не только полиэтничность, этническое разнообразие, но и питательную среду межэтнических конфликтов. Поэтому особое значение приобретает социальная политика, направленная на возможности самореализации российских граждан, на формирование их гражданской национальной идентичности, переход от этнических наций к гражданским.

Советский урок национальной политики и этнофедерализма: перспективы российского национализма

Динамика национальной политики в дореволюционной России и СССР показательна и поучительна. Национальная политика в Российской империи строилась на культивировании русской нации, включавшей в себя великороссов, украинцев и белорусов. Этот суперэтнос позиционировался в империи как доминирующий. Остальные этносы воспринимались как подлежащие «окультуриванию» и ассимиляции. Культурная автономия, традиционные институты (религия, образование на родном языке, общинная самоорганизация) допускались, но периодически ограничивались.

Советская национальная политика строилась радикально иначе. Классики марксизма-ленинизма вполне справедливо связывали нации с буржуазным обществом. Фракция большевиков в РСДРП называла себя интернационалистами не потому что большевики были за дружбу народов, а потому что они были за мировую социалистическую революцию. Они желали поражения России в I Мировой войне, шли на сотрудничество с германским генеральным штабом. В России им виделось наиболее слабое звено мировой системы капитализма, фитиль к пороховой бочке мировой революции, которая ликвидирует государство, как об этом писал Ленин еще в 1917 году в книге «Государство

и революция», написанной им в Разливе. Европейских социал-демократов, голосовавших в парламентах за военные бюджеты они называли социал-предателями. И провозглашая победу социалистической революции в Петрограде Ленин обращался к народам, а не гражданам России.

Поэтому до 1918 года коммунисты особенно не интересовались национальным вопросом. Однако по мере укрепления советской государственности эта установка видоизменялась. Мировая революция не состоялась. Возникшие в Венгрии и Баварии советские республики продержались считанные дни. Всеобщая забастовка в Германии не нашла широкой поддержки. Потерпел крах советский поход на Польшу – польский пролетариат его не поддержал. Коммунисты оказались при власти в стране, в которой видели только фитиль пороховой бочки. Надо было строить государство, перспектива отмирания которого отодвигалась в неопределенное будущее. Только спустя несколько лет Сталин (кстати, первый народный комиссар по вопросам национальностей) провозгласил тезис о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Надо было искать союзников – внутри страны и за рубежом.

Во внешней политике первостепенной задачей было получение военной передышки, и в 1920-1921 годах была заключена серия договоров, в том числе с Великобританией, Турцией. А в дальнейшем союзническая ставка в противостоянии «мировому империализму» – чем дальше, тем во все большей степени стала делаться на поддержку национально-освободительного движения, на призывы к «восстанию угнетенных народов» (которые объективно и фактически были – буржуазными революциями в колониальном мире). Тем самым развязывались руки для внешнеполитической игры на т. н. «интернационализме». ВКПб-КПСС делала во внешней политике ставку на поддержку национально-освободительных движений «угнетенных народов», одновременно связывая его с исторически преходящим характером наций.

При этом допускалась возможность консолидации наций при социализме в рамках единого государства. К тому времени, в результате распада царской России, активизировалось национальное самосознание в Поволжье (в Татарии и Башкирии), на Украине, в Белоруссии, Закавказье, в Киргизии, Хиве, Бухаре, Туркестане. И союзник был найден – в апелляции к «трудящимся проснувшегося Востока». Под эгидой III Интернационала 1 сентября 1920 года в Баку был созван Съезд народов Востока. На съезде коммунисты столкнулись с неожиданной ориентацией представителей «проснувшегося Востока»

не на пролетарскую, а на национальную революцию, направленную против бывшей метрополии, против российского империализма.

Больше такие съезды не собирались. И с 1921 был окончательно осознана политическая несостоятельность прежних идеологических установок. Большевики не без основания видели в национализме (с его надклассовостью, этничностью с апелляцией к перспективам государства) конкурента мобилизационным возможностям своей идеологии. Однако Ленин уже допускал культурную автономию, хотя и противился Сталинскому проекту Советского Союза как союза равноправных наций. Тем не менее, именно этот проект и был реализован.

Национализм нерусских народов был реакцией на угнетение царским режимом, что, как следствие, дополнялось недоверием к русским. Ленин полагал, что есть национализм угнетателей – он чреват великорусским шовинизмом, и есть национализм угнетенных, который можно было в ближайшей перспективе рассматривать в качестве союзника. Поэтому Ленин призывал к поддержке национализма угнетенных и борьбе с великорусским шовинизмом. Это уже Сталин перешел к борьбе с национализмом на Кавказе и Средней Азии, нараставшему антисемитизму при подчеркивании ведущей роли русого народа.

Внутри страны было необходимо осваивать российское имперское наследие. Решение было найдено в федерации – государстве компромисса с политически активными политическими элитами «национальных окраин». При одновременном жестком партийном контроле. ВКП(б), а потом КПСС выполняла роль «внутреннего государства», фактически обеспечивающего то ли унитарные, то ли просто имперские функции. И именно на КПСС возлагалась задача построения нового – социалистического – общества.

Все понимали, что речь идет только о формальном политическом дизайне, с помощью которого, с одной стороны, нейтрализовывался внутренний национализм: национализм нерусских народов трактовался как реакция на угнетение их царским режимом, порождающая, помимо прочего, недоверие к русскому народу.

Федерация рассматривалась как переходная стадия к унитаризму, как временный компромисс разной степени политической активности региональных элит. Более того, динамика такого компромисса выражалась в открытости границ молодого государства для его расширения за счет присоединения народов, нуждающихся в защите от мирового империализма. Помимо «Декрета о мире» были приняты «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых народов». В них провозглашались право народов

на самоопределение и на выражение воли трудящихся (под которой имелась политика коммунистических партий).

Этот политический курс был выражен еще в Конституции 1918 года, согласно которой в составе Советской России обозначались 17 автономий и автономные области – статус определялся в зависимости от политической ситуации, активности и зрелости элит. Фактически это был результат политического торга с ними. В 1920-1922 годах были заключены договоры с Украиной и Белоруссией, была создана ЗСФСР, от имени которых РСФСР подписывала Генуэзское соглашение. В 1923-1924 годах прошла дискуссия о государственном устройстве и новой Конституции, которая завершилась Принятием Конституции СССР, в которой закреплялось федеративное устройство, с высшим органом законодательной власти, в составе Верховного Совета и Совета Союза. В состав СССР первоначально входили две федерации РСФСР, ЗСФСР, Украина и Белоруссия. В 1925 году в состав СССР вошли Узбекистан и Таджикистан, в 1936 была распущена ЗСФСР и в состав СССР вошли Грузия, Армения, Азербайджан, а также Казахстан и Киргизия. Накануне II Мировой войны в состав СССР вошли республики Прибалтики и Молдавия.

В динамике этого государственного строительства очевидны несколько устойчивых принципов:

(1) Статус наций, входящих в СССР (союзная республика, автономная республика, автономная область или округ), определялся численностью «титულიной нации», активностью и зрелостью политической элиты, географическим положением (Татария и Башкирия не получили статус союзных республик только потому, что не имели внешней границы);

(2) Федерация носила динамичный, подвижный характер, фактически, выражая конкретный временный политический компромисс элит.

(3) Установка на конечную унитарность отводилась коммунистической партии. До 1924 года существовали национальные компартии. С 1924 – одна, в которую входили республиканские компартии на правах региональных органов КПСС. Характерно, что коммунистической партии одной из республик – РСФСР – создано не было. Коммунисты прекрасно понимали унитарно-имперскую роль КПСС.

Рассматривая нации как исторически переходящее явление, связанное с капитализмом (и в этом они, по существу, были правы), коммунисты – на период строительства переходного к коммунизму социалистического общества допускали национальную консолидацию. Советским режимом даже поощрялись национальные формы, такие как украинизация русских городов на территории Украины. Аналогичные процессы шли в Прибалтике, на Северном Кавказе, Средней Азии. Была прекращена русская сельскохозяйственная

колонизация на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане. Более того, Украине были переданы Донбасс, Причерноморье, а потом и Крым. Чечено-Ингушской АССР был передан Подтеречный район Ставрополя, Казахстану – земли, освоенные яицкими (уральскими) казаками.

В результате политическая задача освоения наследия Российской империи была решена. Неспроста в 1939 году генерал Деникин в Париже поднял тост за большевиков, за Красную армию, «которые сделали то, что не смогли сделать мы – они спасли великую империю».

Однако советская национальная политика носила парадоксальный характер. Партийно-имперское доминирование дополнялось развитием национальных культур. Эта политика называлась формированием советской многонациональной культуры: «национальной по форме и социалистической по содержанию». С 1920 года в каждой союзной республике начал культивироваться национальный язык, создаваемый на основе одного из диалектов. Отсутствующая письменность формировалась заново – на основе кириллицы. По возможности на кириллицу переводились и существующие письменности. Это было сознательное формирование т.н. «социалистических наций». Под союзные республики отдавались целые регионы, вошедшие в состав Российской империи огромной ценой усилий многих поколений – как это было с Казахстаном, Украиной, Литвой, Туркменистаном, Чечней. Создавались национальные округа, советы, колхозы и совхозы... Они наделялись экономическими ресурсами. Строились административные центры. Тормозилась, а потом и вовсе прекратилась русская сельскохозяйственная колонизация на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане. Развивались национальные культуры, языки, письменность. Формировались национальные элиты. Причем все эти действия были не вынужденными уступками, а сознательными государственными проектами и программами.

Развивая национальные культуры, формируя национальные культурные и политические элиты, передавая им в управление территории, другие ресурсы, развивая там промышленность советское государство, фактически, создавало нации, подготавливая собственный распад. Это было довольно успешной политической инженерией формирования наций. Недаром за рубежом квалифицировали СССР как единственную в истории империю «позитивного действия», которая развивала не столько метрополию, сколько колонии – в данном случае – «национальные окраины». Ситуация усугублялась конституционно закрепленным правом наций на самоопределение и возможности выхода из союза.

Последствия такой национальной политики оказались далеко неоднозначными.

Была сформирована надэтническая идентичность – советский народ. В 1929-1930 года начались индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Это привело к интенсивной, даже насильственной ликвидации сельского уклада. Фактически в СССР под идеологическими лозунгами социалистического строительства создавалось индустриальное массовое общество. Однако унитарное по сути государство было структурировано как федерация суверенных наций, которым были переданы территории и в которых были сформированы элиты. Федерация приняла характер этнофедерализма. Более того, структура этой политической конструкции носила «матрешечный» характер. Внутри союзных республик находились автономные республики, в состав которых входили национальные области, округа.

Фактически унитарное государство было структурировано в дизайне многоуровневого федерализма «суверенных наций», за которыми закрепились территории, были сформированы административные национальные элиты. Собственно это и взорвало потом СССР, когда пустая форма дизайна наполнилась реальным содержанием. Развалили советскую империю именно национальные административные элиты, почувствовавшие все прелести суверенитета и дипломатического паркета.

Самое главное – в общественном сознании и правовых актах закрепились этническое понимание нации, примордиалистское по своей сущности. Советский Союз был объявлен многонациональным государством, а в паспортах советских граждан фигурировал знаменитый 5-й пункт – «национальность» – фактическая этническая принадлежность личности. Парадоксальная ситуация при этом сложилась с русской идентичностью. Идентификация «русскости» связана не столько с государством («были всякие цари и властители»), сколько с «родной землей», земляками, родственниками, языком, традициями, обычаями, т.е. носит преимущественно этнический характер, обеспечена неформальными институтами. Именно эти люди готовы защищать с оружием в руках, но собственно политический режим. Этот фактор сыграл решающую роль в ходе Великой отечественной войны, которую сталинский режим практически проиграл, доведя армию в считанные недели до разгрома. Перелом в войне произошел под Москвой, которую режим уже был готов сдать, а врага остановили отряды народных ополченцев под Тулой, не выполнившие приказ об отступлении и подоспевшие

из Сибири резервники («панфиловцы»). В дальнейшем режим просто присвоил народную победу.

Партийно-советская политическая элита этому «нациестроительству» серьезного значения не придавала. Оно воспринималось как некий политический дизайн – все реальные решения принимались и реализовывались при руководящей линии КПСС. Именно на ее съездах принимались директивы к очередным пятилетним планам, именно партийные органы контролировали все кадровые назначения на административные и хозяйственные посты от предприятий до регионов. И если Сталин еще выполнял завет Ивана IV – «перебирать людишек и бояр», не давая им прикипеть к управлению, собственности, Хрущев применял эту практику, но в уже ослабленной, менее жесткой форме, то брежневским временам характерна именно стабильность политической элиты.

Однако политическая и интеллектуальная элита ситуацию недооценили. Горбачевская перестройка, ослабившая партийный контроль, реализация «регионального экономического суверенитета» привели к расшатыванию политической системы. А создание КПРФ и последовавшая ликвидация КПСС фактически выдернули политический стержень, на котором держался союз и СССР рухнул. Не в результате военного поражения, природного катаклизма, революции – просто пустой ранее политический дизайн внезапно наполнился реальным содержанием. Фактически союз был растащен сформированными в советское время политическими элитами, прикипевшими к распоряжению ресурсами и захотевшими конвертировать свои возможности в независимую политическую власть в собственность. СССР оказался в истории уникальным опытом саморазрушения на основе сознательной и целенаправленной национальной политики: коммунистический интернационализм на практике породил свой антипод – национализм. Таким причудливым образом Россия вернулась в исторический тренд модерна. И оказалась отброшенной на десятилетия в этом же тренде. Национализм в пост-СССР – неизбежный шаг в модернизации. Но он реализуется в исторически новой фазе – глобализации – «нео-имперскости», объединения стран в группы, формирующее новое структурирование мира.

Неоднозначные последствия советской национальной политики сказываются до сих пор. Это выражается не только в сохраняющемся этнофедерализме. Попытки ввести элементы иного административного управления Н. С. Хрущевым (совнархозы – фактически – экономические кластеры), как и нынешние политические округа, наталкиваются на сопротивление региональных политических элит.

Запоздалые идеи Ю. В. Андропова ввести новую «нарезку» страны, не были осуществлены.

Самое главное – это доминирующее этно-примордиалистское понимание наций. При записанном в Конституции РФ квалификации РФ как многонационального государства и праве наций на самоопределение. Можно сказать, в Основной Закон российского государства заведена бомба с часовым механизмом. А формулировка, что Россия является многонациональной нацией, – вызывает недоумение. Поиски слова, выражающего гражданскую идентичность, принадлежность российскому государству, так и не найдено – слово «россияне» также вызывает недоумение, а то и раздражение. Все это последствия сложившейся за почти столетие политической и дискурсивной практики.

В этой связи особое внимание заслуживает неоднозначность проблемы русского национализма. Его формирование и активизация неизбежны, поскольку связаны с возвращением России в общецивилизационный тренд: формированием массового общества и среднего класса, отечественной буржуазии связаны. И, как было показано ранее, в этой ситуации естественно формирования национального самосознания, связанного с гражданской идентичностью, сопричастности и желания гордости за свое государство. Беда в том, что этот естественный и исторически неизбежный запрос оформляется в этнически-примордиалистское понимание национальной принадлежности. Что приводит, с одной стороны, к растерянности либеральной ответственности перед активизацией национального самосознания, неприятию нацистской окрашенности его наиболее радикальных форм, а с другой – к реальному перехвату исторического тренда этническим шовинизмом и, соответственно, межэтнической розни и конфликтам в многонациональном («многонациональном») государстве.

Опыт национальной политики СССР – убедительный пример того, от какого исторического опыта и наследия надо отказываться. К сожалению, это плохо понимается обществом и политиками. В Конституцию РФ попала советская формула о России как многонациональном государстве: граждане РФ не образуют национальное единство, не являются государственной нацией, в которую входят ее народы. В результате десятилетий советской пропаганды и идеологических формул народы и этносы называются нациями, хотя даже в сталинском определении нации записана государственность. И если каждый народ РФ оказывается нацией, то он вправе образовывать свое государство, и РФ не имеет будущего. При этом единственно адекватная формула

РФ как многонародной нации вызывает недоумение. Отождествление нации-государства и нации-этноса – не просто теоретическая ошибка, а большая политическая беда. В этом плане показательно, что партия, начинавшая свой путь как интернационалистическая, становилась все более националистической, и заканчивает свою историю на позициях откровенного шовинизма.

Это наследство политической культуры советской империи ведет в тупик, т.к. оставляет анализ и принятие важных решений без реального понимания ситуации и перспектив. Примером одного из ответвлений этого тупика являются разговоры о т.н. «кризисе идентичности» граждан современной России...

Дилемма «империя – нация-государство» оказывается несостоятельной с точки зрения культуры и идентичности: все империи (включая Россию и СССР) уже были в той или иной степени государственными нациями. Собственно, такими же национальными государствами со своим государственным национализмом были и Британская, и Французская, да и любая другая империя. Исторический опыт показывает, что нация и национальная идентичность возникают только в обществе, прошедшем модернизацию, которая, в свою очередь, предполагает новый тип личности. Это подтверждается и российской историей конца XIX – начала XX вв., когда одновременно интенсивно шли как процессы формирования национального самосознания, так и ассимиляции.

С точки зрения национальной идентичности, в принципе, не так уж и важно – какую форму имеет государство: империя, федерация или унитарная республика... Важно конкретное наполнение национальной гражданской идентичности. В случае Российской Федерации – «российскости». И это уже является делом конкретной социальной политики и технологии.

В начале XX столетия в мире насчитывалось 60 государств. В настоящее время – 244 страны, из которых 17 являются федерациями. И политическое обустройство нескольких наций в одном государстве обычно связывается именно с федерализмом.

В основе образования федерации лежит договор (foedus) о распределении функций и полномочий политических субъектов, образующих федерацию, в том числе – о создании центрального правительства, которое не может само создавать и ликвидировать новые органы власти.

Исторически обычно все федерации создаются в военных целях, являясь более жесткой формой объединения, чем простые военные союзы и альянсы. Причинами для создания федерации могут быть:

- Восстание и гражданская война (Нидерланды, США, латиноамериканские федерации);
- Защита от имперских амбиций соседей (Швейцария, Канада, Австрия);
- Поглощение соседей для воспроизводства империи;
- Мирное поглощение (Афинский союз, Австро-Венгрия, Германия, Малайзия, Нигерия, Индия).

Как и империя, федерация дает возможность переплетения власти и собственности, объединения ресурсов. Поэтому часто федерации являются временным этапом в распаде империи, делающим последствия такого распада менее болезненным. Примерами могут служить Бельгия, СФРЮ, ЧССР и Австрия. И последующий распад СФРЮ и ЧССР только завершил дораспад Австро-Венгерской империи.

Существуют удачные и неудачные федерации. К первым относятся федерации устойчивые, создавшие конкурентоспособные экономики и высокое качество жизни. Примерами могут служить Швейцария, Нидерланды, США, Канада.

Неудачные федерации – политические системы, испытывающие проблемы с решением этих задач, а значит и легитимности: СССР, ОАР, Мали, Нигерия, Пакистан (до отделения от него Бангладеш), Родезия...

Последовательность

независимое (суверенное) национальное государство – союз – федерация – унитарное государство (империя)

может реализовываться в обоих направлениях – в зависимости от исторической конъюнктуры, а скорее всего – образует не простую последовательность, а имеет характер исторического цикла, через который проходят исторические общества.

Более того... Глобализация только усиливает проявления этого тренда. И дело не столько в борьбе за суверенитет, как распоряжение ресурсами. Конечно, этот фактор своеобразного «огораживания» действует. Например, в 1960-х можно было ожидать активного формирования на руинах британских, французских, испанских и португальских колоний новых государств. Но банту не объединились с банту, йоруба с йоруба, зулу с зулу и т. д. Наоборот, попытки такого рода были активно пресечены «национальными элитами», сформировавшимися в колониальное время, и своего не отдавшими. В результате новые африканские государства остались в старых, колониальных границах. То же самое раньше произошло в Латинской Америке, Азии.

Но, кроме удержания ресурсов, «огораживания суверенитетом», действует и все усиливается фактор интеграции, вхождения в интенсивно глобализирующееся экономическое, информационное, полити-

ческое пространство. Но успехом такой интеграции является уникальная неповторимость. Потому как только уникальное глобально! Вторичность ведет к неконкурентоспособности. Вторичных глобализация сметает. Успех ждет только уникально неповторимых, создающих свой экономический, культуральный бутик. И этот фактор, несомненно, только усиливает поиски и конструирование все более дробных национальных идентичностей, а значит – национальных самосознаний, а значит – наций.

Однако ситуация многомерна, и отнюдь не сводится только к дивергенции. Более глубокое измерение ей придает учет личностного, персонологического фактора.

В современном глобализованном мире, добиваясь успеха, приобретающая признание в мировом масштабе, личность (бизнесмен, художник, актер, спортсмен, даже политик) могут опираться и опираются на другие свои идентификации, включая этническую, приобретая, тем самым, некоторые конкурентные преимущества. И массовое информационное общество в условиях глобализации дает исключительные возможности реализации таких преимуществ. Потому как – только уникальное глобально. Важно, что и в этом случае речь идет именно о среднем классе, его наиболее продвинутой части.

Нынешняя Россия возвращается в цивилизационный тренд. И вопрос национального самоопределения в рамках РФ, как и России в целом – чрезвычайно актуален для перспектив российского государства, его этнофедералистского политического дизайна в качестве постсоветского наследия.

Судьба либерализма в России

Либерализм в России затаскан до неприличия. Политический либерализм был дискредитирован неоднократно до и после революции. В 1917 году, когда интеллигенция, оказавшись у власти, довела ситуацию до состояния, когда эта власть к осени валялась на улице как тряпка, которую мог взять любой. Любой ее и взял. Ленин с его представлениями о морали («мораль – выдумка слабых, жалобный стон неудачников») откровенно глумился над социал-либералами. Второй приход либерализма в конце 1980-х – начале 1990-х оказался не лучше. Бездарно проведенные реформы были связаны с «экономическим либерализмом». В результате представления о либерализме как «либеральничаньи» дополнилось «либерастами» и «дерьмократами», развалившими страну и экономику. Добил ситуацию с политическим

либерализмом близкий к гениальности (с точки зрения политической манипуляции) проект ЛДПР, первой (раньше КППРФ) зарегистрированной партией в СССР, – проект, дуэтом дискредитировавший в общественном сознании великие идеи либерализма и демократии, потому как эта партия ни к либерализму ни к демократии не имеет абсолютно никакого отношения. Заодно в деятельности партии и фигуре ее лидера была дискредитирована и публичная политика как таковая. Что-то серьезно «не так» в российском общественном сознании с либерализмом... Настолько серьезно, что впору задаться вопросом, в духе преследовавшего Клина Самгина: «А был ли мальчик?»

Надо разбираться в сути дела, определяющей его политические и экономические проявления. В этой связи замечательный материал дает многолетнее исследование А. П. Давыдова. Уже с выходом его работы об А. С. Пушкине и проблеме становления «срединной» культуры в России⁵⁰ был ясен масштаб и глубина задуманного и реализуемого этим автором. Далее последовали его книги о Н. В. Гоголе⁵¹, М. Ю. Лермонтове⁵², В. О. Пелевине⁵³, в которых (как и в отдельных статьях) осмыслялось также творчество И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, В. В. Ерофеева, В. С. Маканина. Речь шла именно о целостном осмыслении, а в изрядной степени и переосмыслении отечественной литературной классики, судьбе ее потенциала в наше время. И это осмысление основывалось на существенно новом прочтении концептуального содержания сердцевины и гордости российской культуры.

А. П. Давыдов – социолог, выбравший нетривиальный подход к анализу специфики и перспектив российского общества: он обобщает опыт критического анализа этого общества, накопленный в художественной литературе. Такой подход не только вполне естественен – с учетом места и роли литературы в российской культуре, он уже был реализован, и неоднократно. Русские писатели как аналитики русской культуры... Российская культура созревала себя не в работах философов, а с помощью писателей и их критиков. Русская литературная классика – это не толь-

⁵⁰ Давыдов А. П. «Духовной жаждой томим»: А. С. Пушкин и становление «срединной» культуры в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

⁵¹ Давыдов А. П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф, 2008.

⁵² Давыдов А. П. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. Алматы: Рондо, 2006.

⁵³ Давыдов А. П. Между мистикой и рацио. Проблема изменения типа русской культуры в произведениях Виктора Пелевина. М., -Алматы. 2006.

ко «энциклопедия русской жизни». Она дала критическое осмысление этой жизни, подняла темы и выработала систему образов, обогативших не только отечественную культуру. Каждому еще со школы известны клише «особого гуманизма», «критического реализма», «трагедии маленького человека», «трагедии лишнего человека», «нового человека»... А. П. Давыдов, однако, взрывает эти привычные клише, реализуя «сквозное» прочтение отечественной литературы под ракурсом развития в ней потенциала свободной и ответственной личности. И привычные взгляды, оценки такое испытание не выдерживают, отходят на второй план, открывая иные, иногда очень непривычные горизонты творчества конкретных авторов, русской литературы, российской культуры в целом.

Итогом этого переосмысления классического наследия стала книга «Неполитический либерализм в России». ⁵⁴

Концепт «неполитического либерализма» чрезвычайно важен для понимания особенностей российской истории, настоящего, а значит и – перспектив. А главное – причин непонимания либерализма как мировоззрения свободной и ответственной личности, мировоззрения, формирующего нравственно автономную личность. Такая личность, способная к нравственному поведению не в силу внешних ограничений, а внутренне выработанных и принятых правил, норм – идеал любой морали. Но либерализм не просто строится на основе идеала свободы как ответственности, а предполагает и отношение к другим людям как столь же свободным и ответственным. В России же на протяжении всей ее истории, да и до сих пор свободу понимают как волю, а либерализм и демократию – как нечто противоположное личной морали, дисциплине и социальному порядку. И тогда становится ясным, что главное в либерализме – не только, а главное – не столько экономическая или политическая либерализация, сколько либерализм именно личностный, неполитический, что и политический, и экономический либерализм невозможны без либерализма неполитического и носителей этого мировоззрения.

Именно поиски ростков, проявлений неполитического либерализма в сокровищнице и гордости российской культуры и составили главную задачу А. П. Давыдова. В своем анализе он опирается концепцию «медиации», развитую выдающимся отечественным социологом культуры А. С. Ахиезером ⁵⁵.

⁵⁴ Давыдов А. П. *Неполитический либерализм в России*. М.: Фонд «Либеральная миссия», «Мысль», 2012. – 644 с.

⁵⁵ Термин «медиация» был введен К.Леви-Строссом для обозначения альтернативы сложившимся в рамках культуры смысловым структурам. Согласно А. С. Ахиезеру, медиация есть процесс и результат рефлексивного поиска выхода за рамки сложившейся культуры.

Русская литература прямо создана для такого подхода. В ней абсолютно точно прослеживаются два крайних полюса российской культуры. С одной стороны, – «народ безмолвствует», Калиныч, Платон Каратаев, горьковское «народушко»... А с другой – революционаризм «новых людей» Н.Г. Чернышевского, базаровского нигилизма, горьковские Сокол, Буревестник, Человек... При всей противоположности этих полюсов – пассивно претерпевающего и гипер-активного – их объединяет проявляющаяся в них неотмирность, стремление к трансцендированию в иное. Такая апофатика⁵⁶ в целом характерна российскому духовному опыту и культуре, определяя ее постоянные инверсионные срывы в радикальные крайности невегласной архаики или «неба в алмазах». Как уже отмечалось во второй главе данной работы, в славянской мифологии отсутствует «культурный герой», персонаж – аналогичный Прометею или Вьянемейнену – научивший конструктивной деятельности, труду. В титульной русской поэзии не воспет каждодневный труд, воспринимаемый как тяжкое испытание.

И в этом достаточно хорошо известном смысловом комплексе А.П. Давыдов хочет найти, ищет и находит ростки, источники медиации, срединного личностного пути. Логика этого исследования сна и последовательна. На материале творчества А.С. Пушкина форму-

В этом плане медиация противостоит партиципации как воспроизводству сложившихся стереотипов. Следствием доминирования партиципации становится неспособность выработки механизмов последовательного кумулятивного развития и систематические инверсии: хождения по кругу, «шараханья» между противоположными стереотипами, неспособность выйти за их рамки. Главным условием реализации медиации является рефлексивная деятельность субъекта, способного к ответственному самоопределению. Этот комплекс идей был положен А.С. Ахиезером в основу его весьма внятной и ясной модели объяснения особенностей динамики исторического развития российского общества как инверсивного преимущественно. Идея медиации развивается также в работах А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко.

⁵⁶ Апофатика (апофатизм) – традиция отрицательного богословия, в котором Божественная сущность выражается путем отрицания всех возможных определений, как несоизмеримых с ее природой. Этот апофатика отличается от катафатики, приземляющей Божественное, дающей ему конкретные (позитивные) характеристики. В духе апофатической традиции, обоснованной в трудах Псевдо-Дионисия Ареопагита, «Бог не есть ни знание, ни истина, ни царство, ни мудрость, ни единое, ни блаженство, ни дух в том смысле, как мы его знаем... Мы молимся о том, чтобы войти во мрак по ту сторону света; через невидение и незнание видеть и знать то, что само вне видения и знания: не видя и не зная. Ибо отрицанием всего, что есть, мы видим, знаем и внебытийно славим внебытие». Поскольку сознание имеет дело только с определенными, позитивными представлениями, а в апофатике Бог ускользает от определенности, постольку истина о Боге может открыться лишь через преодоление сознания, по ту его сторону, в той бездне, где растворены и погашены все проявления позитивного конкретного знания.

лируется проблема самостоятельной свободной и ответственной личности. На примере лермонтовского Демона выявляется выражение сути дела нравственного выбора. Далее прослеживается максимально содержательное развертывание идеи у Н.В.Гоголя, ее сопоставление с реальностью, «верификация» у И.А.Гончарова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова. И – применение к постсоветской реальности культуры пост советского общества (В.Ерофеев, В.Пелевин, В.Маканин).

А.С.Пушкин и в неполитическом либерализме – «наше все». Именно им впервые был чутко уловлен, пережит и выражен нерв напряжения между двумя полюсами трансцендентности народа, который «безмолвствует», и русского не менее молчаливого Бога. А в центре, между этими полюсами – личность, самореализацию которой А.С.Пушкин связывал с искусством и наукой – аполлонически-ренессансным началом.

По хорошо известным словам А.И.Герцена, «русский народ в ответ на царский приказ образоваться ответил через 100 лет громадным явлением Пушкина». Не случайно ярчайший период в развитии культуры города носит название «Пушкинского Петербурга» и который отнюдь не заканчивается со смертью великого поэта.

Петровские реформы востребовали и явили обществу целую плеяду ярких личностей разных сословий, раскрыли людям инициативным невиданные ранее в России возможности самореализации. Не менее ярким результатом петровских реформ стали декабристы – молодые офицеры, т.е. – представители наиболее образованного тогда слоя общества, большинство из которых имело опыт победоносной войны 1812 года, поколение победителей, поивших своих коней в Сене, прошедших всю Европу и своими глазами видевших разумное обустройство жизни⁵⁷.

Речь идет не просто о новом для России типе личности – просвещенного аристократа-дворянина, как первого российского интеллигента, но и дополняющем его, чутко уловленном А.С.Пушкиным в «Медном всаднике», вырастающем на противостоянии «медного истукана» (бездушного и антигуманного имперского величия) и «бедного Евгения», простом «маленьком» человеке, нашедшем в себе силы для духовного

⁵⁷ Поразительно, но к личностям декабристов, как персонализированным образцам, восходят практически все направления последующего российского революционно-демократического движения: к Бестужевым – реформаторство, к Батенькову – либерализм, к Пестелю – большевистское якобинство, к Каховскому – тираноборческий терроризм, к Якубовичу – азефовщина.

протеста. Пушкиным, похоже, был также и обнаружен и архетипический для российской интеллигенции жест: грозить власти «ужо тебе!», а самому бежать к Параше, или – к параше.

Неполитический либерализм проявляется и в теме самозванства, к которой А. С. Пушкин проявлял не то что повышенный интерес, как особому способу изображения человека». Основные пушкинские герои – так или иначе, в той или иной степени – самозванцы. Собственно, все творчество А. С. Пушкина пронизано темой самозванства. Не только «Борис Годунов», «Капитанская дочка», где речь идет об исторических самозванцах, или романтическое самозванство в «Дубровском». Лирика («...я ей не он»), констатация «механизма» приобретения статуса в «Золото и булат»... «Родословная моего героя» в неоконченной сатирической поэме «Езерский»... Удивительно, как исследователи проходили мимо этого факта.

Более того, тема самозванства – глубоко личная для «солнца русской поэзии». Сдвиг социального статуса и идентичности, торжество ролевой сиюминутности глубоко задевали А. С. Пушкина, переживались им весьма болезненно. Особенно на фоне камер-юнкерства, полученного им в конце 1833 года, и когда он оказался на одной доске с 18-летними недорослями, и, чем дальше, тем болезненнее воспринимались и переживались им проблемы мундира, пуговиц, присутствия при молебнах, представлениях...

И это не личные обиды. Пушкин из своего двусмысленного положения делал исторические обобщения. В пушкинском дневнике есть запись о состоявшемся 22 декабря 1834 года разговоре с Великим князем у Хитрово. «Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers etat,⁵⁸ сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать и из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре двор не будет существовать, или (что все равно) все будет дворянством. Что касается до tiers etat, – что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мяте-

⁵⁸ Третье сословие (фр.).

жей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне... Говоря о старом дворянстве я сказал: «*Nous, qui sommes aussi bons gentils hommes que l'Empereur et Vous...*».⁵⁹ Эта пушкинская реплика представителем царствующего дома расценена разве что не как якобинская: «Вы истинный член Вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравниатели».

Пушкин очень точно определяет корни российского самозванства (смена социального статуса «по роду» и по рождению на личностно-ролевой) и его причин (проблема собственности и власти). А в «Моей родословной» он делает вывод вполне в духе новейшей персонологии:

«...Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил,
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин.
Я не богач, не царедворец.
Я сам большой, я мещанин».

Думается, что наиболее глубоко «копнул» самозванство А. С. Пушкин в «Повестях Белкина». Если в «Борисе Годунове» и «Капитанской дочке» тема самозванства раскрывается большей частью на материале «большой истории», и интерес к ней можно увязать с пушкинским интересом к отечественной истории, да и личным корням в этой истории, в «Повестях Белкина» самозванство раскрывается уже на других уровнях. Самозванству придается статус достаточно распространенного феномена обыденного опыта и сознания – с одной стороны, а с другой – оно увязывается с метафизикой человеческого существования вообще. А. С. Пушкин рассматривает самозванство как способ преодоления слепого случая, сотворения «случая» по собственной воле, т.е. как сознательный проект – так, как это делают Лиза Муромская, ротмистр Минский...

А. С. Пушкин глубоко прочувствовал, точно выразил и диагностировал проблему российского самозванства. Ее корни – в традиционной для России идентичности личности, ее оценки и самооценки в зависимости от статуса. Поэтому развитие буржуазных отношений, третьего сословия выход на первый план людей не с родовым статусом, а лично талантливых, удачливых, не может не вызывать социальных напряжений. Эта проблема особенно остро проявляется именно в России, где

⁵⁹ Мы, которые являемся такими же хорошими дворянами, как Император и Вы (фр.).

личный успех должен получить легитимизацию в социальном статусе и быть закреплен в социальных привилегиях.

Причины эти четко проговариваются и в «Борисе Годунове». Как Самозванцем в его признании Марине Мнишек: «Не презирай младого самозванца; // В нем доблести таятся, может быть, // Дстойные московского престола...», так и Борисом Годуновым: «Не род, а ум поставлю в воеводы; // Пускай не спесь о местничестве тужит; // Пора презреть мне ропот знатной черни // И гибельный обычай уничтожить» /

Самозванца А. С. Пушкин изображает как новый для русской жизни тип личности, строящий свою жизнь своею волею, в соответствии со своею мечтой. Он вне традиционной пассивности, веры, с одной стороны, в чудодейственное спасение, с другой – в простое «авось». Фактически это первый русский европеец. И значение этой фигуры выходит далеко за исторические рамки Смутного времени. В этом столкновении «русского европейца» с традиционным жизненным и духовным укладом А. С. Пушкин еще в допетровской эпохе обнаруживает главный конфликт русской культуры и самосознания.

Пушкинский Самозванец открывает продолжительный период «кризиса личности в российской истории. И весь «Борис Годунов» – о том, как расплзаются ткани общества под мощными импульсами тотального, всеобщего самозванства. Отрепьев – ищет реализации амбиции «тешиться в боях и пировать за царской трапезой». Шуйский – реализации амбиций древнего рода. Басманов – утверждения ума и силы. Марина – замужества за властелином московского трона. Это не просто игра интересов, а утверждение identity, ее трактовок и версий. Кто Я? И почему не Я? И стоило умереть Борису, как все расплзлось и рухнуло.

Речь идет о разгуле всеобщего самозванства как осознания своих личных возможностей, воли, но еще не ответственности. Это социальная ломка рождения личности, когда главный акцент делается на взламывании социальных границ энергией личной воли и случая (удачи, lucky stritike). Но еще не укорененной ответственности. Российская смута в пушкинском воплощении – эпоха незрелых личностей и незрелой морали!!! И она растянулась в длительной традиции самовоспроизведения еще на два столетия. Декабристы вывели солдат на Сенатскую площадь, обманно убеждая их необходимостью вступить за Константина Павловича, не отказавшегося, якобы, от престола, а заточенного в крепость. П.Нечаев мистифицировал А.И.Герцена и М.Бакунина рассказами о готовой к действию сети революционных организаций, а своих единомышленников – рассказами о безусловной

и масштабной финансовой поддержке за рубежом. Народники распространяли манифесты и прокламации то от имени мифического «Центрального революционного комитета», то – даже от имени царя, обманутого дворянами. Сами они при этом ходили в народ зачастую ряжеными, под видом разнорабочих, крестьян. Завершилось все захватом власти и установлением государства, основатели которого выступали под партийными кличками.

С этих позиций открывается интересная перспектива рассмотрения российской интеллигенции в трех ее основных ипостасях (аристократической, разночинной и советской) именно в терминах самозванства. Ее европеизированность в сочетании с оторванностью от национальной культуры, неукорененность в ней создают особую феноменологию раздвоенности сознания. Положение российской интеллигенции изначально и постоянно двусмысленно – как по отношению к власти, так и по отношению к народу. С одной стороны, она всегда «знает, как надо», и у нее у власти всегда «не те». С другой стороны, – готовность любой российской власти подсовывать свои проекты, не отвечая за последствия. Власть интеллигенцию не любит и не доверяет ей. И не обосновательно. То же и с народом. С одной стороны, понимание своей искусственности, возникновения и кормления за счет народа, комплекс вины перед ним, с горьковским придыханием «народушко». С другой – готовность втягивать народные массы в различные авантюры. Несостоятельность российской интеллигенции полностью проявилась в очень краткие периоды нахождения ее у власти, когда страна в считанные месяцы доводилась до катастрофы в 1917 году и в конце 1980-х – начале 1990-х. Российский народ интеллигенцию не любит, не доверяет ей. И тоже – небезосновательно.

Тема оторванности от социума, «лишнего человека», «не совпадения с самим собой», широко и представленная в классической русской литературе, фактически, с развиваемой точки зрения, – ни что иное, как тема самозванства. Чацкий, Онегин, Печорин, даже Чичиков и Хлестаков, а тем более – Ставрогин и подпольный человек Достоевского – всех их объединяет тот тип сознания, который восходит к пушкинскому Самозванцу.

В силу ряда исторических обстоятельств в России затянулся переход от сословного общества к гражданскому. Массовое общество и массовая культура уже торжествовали в СССР, но социальный статус определялся принадлежностью некоему сословию и распределение социальных благ осуществлялось именно в соответствии с таким статусом. Именно проблема привилегий и социальной справедливости была дрожжами,

на которых поднялась массовая поддержка перестройки и «демократической революции» конца прошлого столетия. Именно на волне борьбы с привилегиями поднялся и пришел к власти Б. Н. Ельцин.

И при всем при этом Россия – вполне современное массовое общество, с массовой культурой, транслируемой СМИ, прежде всего – телевидением. Сериалы, жизнь «звезд», торгово-развлекательные центры, массовая литература, доступный туризм – все это составляет основное содержание «духовной жизни» большинства россиян, готовых пуститься в погоню за Удачей (Счастливым Случаем) в виде некоего выигрыша в телеиграх, викторинах, конкурсах, удачного замужества и прочего поворота Колеса Фортуны. Все точно так же, как в «Повестях Белкина», в стилистике то ли розового романа («Метель»), то ли истории путаны («Станционный смотритель») с проглядываемой перспективой сознательного проекта манипуляции («Барышня-крестьянка»). А в современном проектно-сетевом социуме, когда позиционирование личности, ее социальный капитал приобретают все более отчетливый публицитный характер, самозванство – как самопродвижение или (по удачному выражению Д. А. Пригова) «самоидентизванство» – становится требованием к жизненной компетентности.

Наконец, А. С. Пушкин прозорливо увязывает проблему самозванства с проявлениями мещанства, фактически – формированием массового общества и массовой культуры⁶⁰, даже оговаривает неоднозначную роль просвещения в этих процессах. Сам А. С. Пушкин это замечает походя, вскользь. Между тем, этот аспект пушкинского «урока самозванства» принципиально важен для понимания особенностей современного общества и современной персонологии.

В принципе, любая культура построена на традиции, инерции преимущественно. Ю. М. Лотман тоже понимал культуру как внегенетический способ наследования информации о поведении. Культура принципиально противостоит творчеству. Вопреки расхожему штампу «культура и творчество», творчество на протяжении почти всей истории преследовалось и изгонялось: как ересь, измена завету предков (Сократ, Иисус), хулиганство (в искусстве новейшего времени), «болезнь» типа «вялотекущей шизофрении», от которой принудительно лечили советских диссидентов. Только одна культура в истории поставила на творчество как на ценность – культура Возрождения, Про-

⁶⁰ «Повести Белкина» самим автором писались в расчете на массового читателя – и тематически, и сюжетно – на грани пародии на зарождающиеся жанры «розового» и «готического» романа, триллера, хоррора. «Повести Белкина» вполне могут рассматриваться как классика отечественной массовой литературы.

свещения, «фаустовская» культура Abendlandes, которая определяет лицо нынешней цивилизации.

Наиболее резко тема противостояния творческой личности и архаически религиозного общества, согласно А. П. Давыдову, представлена у М. Ю. Лермонтова. Его «Дума» и «Пророк» четко задали крайние проявления российского нравственного выбора либо тупик растворения в безликой архаике, либо трагедия «внезаходимости» к этой реальности. Метания между этими полюсами и порождают глубокую патологию русского сознания, его нравственную окалеченность: неспособность любить, холодная рефлексия, завистливость и мстительность, интриганство, равнодушие к другим людям и жизни вообще...

Лермонтовский Демон воплощает личностный протест против поустороннего, против крайностей трансценденции, стремление быть в мире, поиск и утверждение истины в этом мире. А. П. Давыдов справедливо видит в этом проявление духа Нового времени с его новозаветной темой взаимопроникновения божественного и личного, выстраивания на основе самоанализа нравственного пути и новых культурных форм.⁶¹ Причем, в отличие от Европы, реформация духовного опыта в России осуществлялась не через церковь, а через литературу, начиная с Пушкина и Лермонтова (с. 512).

Несколько неожиданно выглядит у А. П. Давыдова роль Н. В. Гоголя в раскрытии темы неполитического либерализма. Гоголь – утилитарист, певец собственности выглядят как откровение. Обычно второй том «Мертвых душ» понимается как неудача в попытке переноса стилистики «Вечеров...» сначала на Петербург, а потом на всю страну. А. П. Давыдов убедительно показал, что это весьма и весьма поверхностно и не по сути. Другой разговор, что гоголевская апология собственности, хозяйственности – одна из разновидностей российского утопизма, за которым проглядывает все та же апофатика.

Специальное внимание уделяет А. П. Давыдов творчеству И. А. Гончарова. Причем особый интерес у него вызывает образ Штольца, предстающий по мнению исследователя буквальным продолжением темы пушкинского Самозванца и лермонтовского Демона, попыткой реализацией соответствующего типа личности в реальных условиях конца XIX века в России. Штолец нашел себя в сфере, нехарактерной для России, – в рынке и предпринимательстве. Его, как предпринимателя, более всего интересует собственная способность выработать

⁶¹ Неспроста такой тонкий архаик, как В. В. Розанов связал с М. Ю. Лермонтовым «дьявольское жало», пронзившее русскую культуру.

свою мораль – с учетом традиционных ценностей, но найти свой путь. Он участвует в производстве и продаже новых товаров, в банковском деле, демонстрируя открытость, прозрачность, надежность. Речь, фактически идет о новой логике реализации русской действительности – через диалог и ответственное социальное партнерство. Штольц призывает Обломова: «Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь!» Фактически, это призыв к старой и косной, архаичной русской культуре. Типологически к образу Штольца близки Ольга и Вера из «Обрыва».

И. С. Тургенев оставил не только анамнез нигилизма как предбольшевизма в сознании разночинца, но и попытался выстроить меру религиозности в культуре, отсекающую соборную и нигилистическую крайности, гуманизирующую божественное в человеческом и человеческое через божественное. В тургеневском творчестве с его максимой «Хочу истины, а не спасения!» в российскую культуру продвигается гуманистический дух Нового завета и, Ренессанса и Реформации, дающий всему русскому европейскую меру.

И от тургеневского Рудина к чеховским персонажам нарастает тема тотальности тупика в развитии русскости. Ф. М. Достоевский крупным планом *blow up* продемонстрировал ее зависание неукрепленной в реальности парадоксальной экзистенции, невозможности ее укоренения в ткань российской жизни. А. П. Чехов – зафиксировал неспособность и даже страх жить самостоятельно российского среднего класса и городской интеллигенции, призвав их выдавливать из себя по капле раба.

А. П. Давыдов трактует неполитический либерализм русской литературной классики как противопоставление Иисуса Нового завета – ветхозаветному русскому Богу... И это согласуется с результатами исследований особенностей русских духовных песен, предпринятых в разное время Г. В. Федотовым и С. С. Аверинцевым. В этих песнях место канонической Троицы занимает фактическая «Двоица» – Иисус сливается с Богом-Отцом, воспринимается как Господь, Владыка Небесный, Вседержитель.

А. П. Давыдов говорит об оппозиции Бог – человек, как оппозиции всеобщего и единичного, отождествляя устремление к Богу с религиозной практикой. Для монотеизма это большей частью верно, но, ведь, существуют мировые религии без идеи Бога (буддизм, конфуцианство). Думается, что дело в более глубоких оппозициях. В этом плане, важнейшим фактором представляется именно апофатизм: русское православие даже более апофатично, чем греческое. Наверное, сказывается

финно-угорский след в русской культуре. И тогда на первый план выходит не столько общее-единичное, этничность-индивидуальность, сколько оппозиция трансцендентализма (апофатки) и имманентности, иррационального и рационального, ничто и сделанности. Как в математике – противостояние актуальной бесконечности и потенциальной осуществимости (платонизма и конструктивизма).

И тогда дело не трансцендентальном Абсолюте, а в претензиях на его воплощение здесь и сейчас людьми, которые отождествляют себя с ним, приписывают себе знание его мотивации, т.е. – по В.Соловьеву – в человекобожии (не путать с богочеловечеством). И это очень российский сюжет. Как замечал Д.М.Мережковский: «Л.Толстой произносит имя человеческое; а все чувствуют, что это не только Человек. Достоевский произносит им я Божеское; а все чувствуют, что это не только Бог...».⁶²

В начале XX века Россия не признала Лопахиных и перспективу капиталистической модернизации, поверила марксизму, что капитализм и либерализм доживают последние дни, а им на смену идет новое общество без частной собственности, и дело только за пролетарской революцией и экспроприацией экспроприаторов, что оправдало заодно и переход от индивидуального террора к классовому, а затем и массовому. Интеллигенция предпочла «слушать музыку революции».

Намечавшаяся в творчестве Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, философско-религиозных исканиях Серебряного века⁶³ «российская реформация» не состоялась. Срыв в трансцендентную архаику привел к отчаянной попытке утверждения трансцендентной абсолютной справедливости, царствия Божия в отдельно взятой стране. Этот опыт был гениально описан А.П.Платоновым, главным стремлением персонажей которого было увидеть потустороннее.

Дело закончилось национализацией 1918 года, Гражданской войной и срывом в архаику госфеодализма. Не признала Россия и «катастрофку» с «прихватизацией», обвинив во всех бедах «либерастов», отшатнувшись к заигрыванию с архаикой фундаментализма.

Тренд очевиден. Высоко поднятая А.С.Пушкиным планка неполитического либерализма в дальнейшей истории систематически снижалась – как общая культурная планка. Тенденция от петровской эпохи к раздвоению на евгениев да акакий-акакиявичей с аристократией,

⁶² Мережковский Д. Вечные спутники. М., 1995, с.478.

⁶³ Согласно Д.М.Мережковскому, если Ветхий завет открыл нам Бога как истину, а Новый завет – истину как любовь, то грядущий завет откроет нам любовь как свободу.

крах последней и раздвоение образованного разночинства на революционеров-демократов и гиппиус-мережковских, крах последних и раздвоение на зощенковских и вагиновских персонажей, продолжение полуподпольного существования последних на фоне формирования образованщины – слишком очевидна и убедительна. Амплитуда маятника российской культуры, широко раскаченного Петром I, уменьшалась и уменьшалась. В наши дни маятник почти встал.

Приходится признать, что общий исторический цивилизационный тренд урбанизации, формирования соответствующего образа жизни, буржуазного национального государства, демократизации не оказался органичным для российского общества. Насильственная урбанизация привела к тому, что «бывший общинный крестьянин, ставший городским жителем, все еще ориентируется на патриархальные общественные отношения. Развитие денежных отношений, капиталистического менеджмента, формирование гражданского общества, распад патриархальности вызывает в нем колоссальный комплекс неполноценности. Поэтому его положение в городе, где он по-прежнему хочет, но уже не может быть патриархом, а почувствовать себя личностью, свободной от патрон-клиентских отношений не получается, вызывает у него неснимаемый, хронический приступ ущемленности самолюбия»⁶⁴.

Предложенное А. П. Давыдовым прочтение русской классики освежает ее восприятие, освобождает от навязываемых со школьной скамьи стереотипов, упрощенных трактовок, восходящих к отформатированным советской критикой интерпретаций В. Г. Белинского, Д. И. Писарева... Открываются новое содержание и новая роль отечественной классики. Так, «лишний человек» предстает ответственной, самостоятельной личностью, представителем цивилизационного фронта, аттрактором модернизации российского общества. А его «лишность» оказывается связанной с органической неспособностью российской культуры к принятию такой личности, без которой невозможна полноценная экономическая, политическая, личная жизнь.

Этот ключ был применен А. П. Давыдовым к поздней советской и постсоветской литературе (В. В. Ерофеев, В. С. Маканин, В. О. Пелевин). И оказалось, что постсоветская литература зафиксировала уже результат его деградации и разложения: неспособность личности принимать решения, и поэтому – неспособность жить. Критика общества продолжалась и в советское время: М. М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров, В. П. Аксенов, А. И. Солженицын, В. Н. Войнович... Но, после

⁶⁴ Давыдов А. П. Неполитический либерализм в России., с.519-520.

М. Ю. Лермонтова, пожалуй, только М. В. Булгаков и наши современники В. В. Ерофеев, В. С. Маканин, В. О. Пелевин осмелились поднять руку на священную корову архетипичности русской культуры: ее соборно-авторитарную специфику, ее понимание личности, доминанту сакрализованной власти, ее неспособность к конструктивному реформированию, ее нравственный максимализм в сочетании с вопиющим правовым нигилизмом...

В.Ерофеев пишет о цивилизационно не сложившейся личности, неспособной преодолеть внутренние противоречия. Пелевинский человек ищет истину, когда все старые представления себя дискредитировали, новые не найдены, и не понятно – как и где их искать. В.Маканин интересуется раскол между личностью и народом как незыблемой толпой при недовыделенности личности из этой толпы, неспособность вступить в конструктивный диалог.

В.Ерофеев говорит об исчерпанности человеческого потенциала в России, о неспособности российской культуры породить личность, способную к самоопределению. Современный носитель российской культуры, не справившись с миром, – пишет В.Ерофеев, – «...отворачивается от мира, обиженный, и культивирует в себе обиженность, подозрительность к миру как дорогую истину в последней инстанции».

И результатом этого становится общество тотального недоверия, экономика недоверия, дикий банковский процент, перегороженные дворы, железные двери с множеством запоров.

Развитие событий показывает, что некоторая часть российской интеллигенции понимает и хочет модернизации страны. Но простого желания мало. Нужны не просто идеи, но и понимание – как их реализовывать, понимание последствий такой реализации, воля и ответственность. Критическая масса людей с длинными мыслями и длинной волей в России еще не сложилась.

«Тысячи цивилизаций умерли, неспособные вовремя измениться и найти в себе внутренний ресурс, чтобы начать адекватно отвечать на вызовы жизни. Мы живем в эпоху, когда личность как мировой феномен из диссидента, изгоя, еретика и самозванца становится новым основанием культуры, а ее оппонент – лермонтовский «нравственный калека», гоголевские «свиные рыла», его же человек «ни то, ни се» «гончаровско-ерофеевский «урод» – оттесняется на периферию социальной динамики. Разве в этих условиях Россия не остается единственной в христианской культурной зоне страной, где «нравственный калека» торжествует над личностью в человеке? И разве Россия не виновата в том, что она до сих пор «страна рабов, страна господ»?...

Разве не позор не мочь, когда все могут, и доказывают, что могут, а мы лишь оправдываем свою немочь?»⁶⁵.

А. П. Давыдов отмечает и то новое, что открыла в нашей культуре новейшая литература: новый тип русской женщины. Уходит женщина, тысячу лет ждавшая русского мужчину. Не дождалась. Уходит и женщина – спасительница мужчины. «Вдруг проявилось то, что всегда было, о чем мы в России знали, но никогда не говорили ясно и открыто... Пелевинская женщина ...осознала свое ...не только нравственное превосходство над мужчиной, оно всегда в русской литературе отмечалось, но и культурное. Она вдруг поняла, что именно через ее, а не его рефлексию в России рождается новый тип культуры, и решительно изменила свои отношения с мужчиной. Бросила: не лев ты – пес мелкоэфэсбэшный, слепой, тупой, зря брешущий и мне больше не пара. И отвернулась – пшел вон!»⁶⁶.

А. П. Давыдов глубоко прав: русская литература не освоена и не осваивается российской культурой так, как, например, Шекспир и Байрон в Англии или Гете в Германии, не видя и не понимая в отечественной классике главного содержания ее реального гуманизма. Мера новизны, предлагаемой русскими писателями – в смысле личности как антично-новозаветного, ренессансно-реформационного, пушкинско-лермонтовского основания культуры. И такое представление о личности как субъекте культуры и общества до сих пор остается новой постановкой вопроса для России.

Более того, русская литература только нащупывает пути критики персонажа «народ», который на Руси (в отличие, например, от Библии) всегда прав, и критиковать который аморально. Народ во время войны – это глас Божий (Л. Н. Толстой), во время революции – свят (М. Горький, А. Блок, А. Серафимович), тем более свят – в сталинских лагерях (А. И. Солженицын), и вообще – Богоносец (Ф. М. Достоевский). Такова русская литературная традиция. В этой связи А. П. Давыдов особое внимание уделяет маканинскому «Лазу», в котором народ предстает безликой агрессивной толпой, а интеллигенция – духовной эмиграцией из народа, лишенной «почвы» и «кислорода».

В. Маканин, вообще – писатель, оставивший в ранних рассказах сопоставимую с чеховской по глубине и разнообразию типажей характеристику позднесоветского общества, зафиксировавший болезненные точки трансформации общества постсоветского. И при этом,

⁶⁵ Там же, с. 528-529.

⁶⁶ Там же, с. 601.

в основе каждого маканинского текста лежит некая фундаментальная метафора, моделирующая главную идею автора. Так и в «Лазе» между мирами народа (наземным, где свежий воздух, но господствует тьма, насилие, страх и безысходность) и интеллигенции (подземным, душным, с разговорами о добре и зле, духовности, спасении России) – постоянно сужающийся лаз, по которому все с большим трудом пробирается главный герой. Речь идет о двух типах, двух субъектах русской культуры, находящихся в остром конфликте. По одну сторону – развитие, творчество, личность и общество личностей. По другую – толпа, «бесы», карамазовщина, зависть, насилие. И между ними нет диалога, а только неутихающий конфликт. И вести такой диалог никто не умеет, и хочет. В том числе и потому, что такой диалог требует взаимопонимание оппонентов. И лаз – маканинская метафора коммуникации между мирами стягивается и стягивается.

Но в диалог могут вступать только личности культуры непосредственно в диалог не вступают, потому как они самодостаточны, все о себе знают, и сами себе не задают новых вопросов, потому как уже знают ответы на любые вопросы. А «личности в России нет, она не выделилась из толпы, она сама – толпа»⁶⁷.

Основных выводов А.П. Давыдов делает три. Во-первых, – раскол – родовая травма русской культуры. Во-вторых, – русский человек не борется с расколом в себе, он с ним живет, с помощью насилия, репрессий, «порядка» приспосабливается к нему как тяжело больной к своей болезни. В-третьих, – укоренившееся в России самодержавие с помощью насилия убрало раскол под себя, подмяло его, устранив с поверхности общества, оставив в глубине, но насилие – слабый интегратор социума. Преодоление кризисов при этом сводится к очередной инверсии – рывка к очередной крайности, оказывающейся всегда лишь очередной модификацией, новой формой господства соборно-авторитарных ценностей.

Отвечая на вопрос – кто же несет ответственность за этот раскол российского общества, А.П. Давыдов дает ответ: « сложившееся в России соборно-авторитарное народничество с ценностью народвождь, тысячелетняя религиозность с ценностью Бог-вождь и уродливый либерализм с ценностью личность-вождь. Так исторически сложилось, что каждый из этих способов мышления (а в нашем обществе ничего идеологически реального кроме этой тройки нет) крайне авторитарен, не диалогичен, внутренне высококонфликтен, тяготеет

⁶⁷ Там же, с.614.

к идее раскола и самозабвенно толкает Россию к катастрофе. Благодаря их энтузиазму только в XX веке Россия пережила два национальных потрясения».⁶⁸

Власть, государство решить задачу консолидации российского общества не в состоянии. Царский, советский и постсоветский режимы объединяет одна задача – «не дать русскому человеку сформироваться как личности, не дать личности стать в России субъектом развития. А для этого развить в нем инстинкт толпы. Потому что личность для таких режимов – символ мирового зла, основной враг и главное препятствие в управлении страной. И до-большевики, и большевики, и постбольшевики..., активизируя соборность народа, пытаются через просвещение модернизировать массовую базу авторитарности».⁶⁹

Не в состоянии решить эту задачу и интеллигенция. А. П. Давыдов находит у В.Маканина также и модельные метафоры для старшего и младшего поколений интеллигенции. Представитель старшего – застрявший в лазе, висящий в нем вниз головой и кричащий о фактах, проблемах, надеждах, каких-то обобщениях, но не знающий что делать. А его сын – дебил, добрый и честный переросток, не понимающий «почему он такой».

И все же... Одно дело – анализировать образную систему в художественных текстах, выражающую идею неполитического либерализма, но совсем другое – социальная база медиации, каковой во всем мире является третье сословие – мещанство, буржуазия, осмеянное, оплеванное не только народниками, революционерами, но и интеллигенцией... Неспроста персонажи, в которых российские писатели пытались воплотить идеалы неполитического либерализма – Штольц, Костанжогло... – оказывались резонерски ходульными, не находили позитивного отклика ни у читателей, ни у критики. Это только лишний раз подтверждает поверхностность и неукорененность полноценного либерализма в отечественном общественном сознании. Даже попытки наиболее продвинутой части интеллектуальной и творческой элиты, остро чувствовавшие необходимость воплощения такого идеала, не смогли найти ему достойного выражения.

И этот, вроде бы, обидный для исследователя результат только подтверждает его главный вывод... Можно ли и как изменить тип культуры? А. П. Давыдов пишет: «Чтобы изменить русского человека, надо последовательно формировать в нем культуру личности»; «Изменить

⁶⁸ Там же, с. 642-643.

⁶⁹ Там же, с.625.

тип культуры – значит превратить культуру из статичной в динамичную, из монологичной в диалогичную, из закрытой в открытую, из сборно-авторитарной в личностную»; «Чтобы изменить тип русской культуры, надо повышать стране массовый спрос на свободу»⁷⁰... Очень напоминает призыв творца «семибанкирщины» в одном из последних его интервью: «Нужна революция менталитета, от языческого к христианскому. Это не примитивное понимание революции как захвата власти... А это программа для нации, для народа. Для того чтобы жизнь стала другой, мы должны стать другими». В этом случае и комментировать нечего. А вот когда социолог предлагает «превратить», «сменить тип культуры», стать этой культуре «типологически иной», это очень напоминает известный анекдот, в котором мудрый филин предложил мышкам, пришедшим к нему за советом – как им избавиться от замучивших их хищников, «стать ежиками».

Весь исторический опыт успешных модернизаций – от Петровских реформ до прыжка Сингапура из «третьего» мира в «первый» – убедительно показывает, что смена типа культуры возможна, но только при условии социального запроса на такую смену и наличия у властной элиты «длинных мыслей». Это выражается в освоении передовых практик, ставки на науку и образование, за счет чего формируется новая элита, выступающая социальной базой модернизации, и выводящая общество к цивилизационному фронтиру. Если социальный запрос на модернизацию в современной России как-то и создается «умом», то реального запроса на инновации ни у власти, ни у бизнеса, взаимно озабоченных сохранением и укрупнением монопольной ренты, нет и не предвидится. Значит, нет и в ближайшее время не предвидится запрос на «новую личность». Наоборот, в обществе все отчетливее тренд нового витка архаизации. И историю болезни, и диагноз А. П. Давыдов описал очень точно.

Тогда остается путь «частной модернизации» – ухода наиболее продвинутой части общества в эмиграцию? Это – не впервой. Только кто-то – в эмиграцию внешнюю, а кто-то – во внутреннюю, в аналог маканинской метафоры подземелья. А кто-то – раздражать толпу самим фактом своего существования. Таким людям хорошо известно правило, сформулированное Сенекой – одним из первых «неполитических либералов» древности: «делай, что должно и будь, что будет!»

И вряд ли «заграница нам поможет». Как высмеянная В.Ерофеевым «Большая Американская Зая» (гуманитарная американская интеллигенция), так и французская, английская, канадская, да и индийская,

⁷⁰ Там же, сс. 537, 554, 540.

и китайская, и японская «Большие Заи» убеждены, что Россия необходима миру для сохранения и продолжения духовности. И неспроста. Катафатичность католицизма и особенно протестантизма обернулась гуманизмом Возрождения и Просвещения, буквальной реализацией которых стала массовая культура массового общества. В современном мире «торжествующей медиации» человек имеет дело с плоским имманентным миром, в котором все ценности приведены к общему знаменателю спроса, маркетизации. Информационное общество массового потребления является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: «Все во имя человека!», «Все на благо человека», «Человек есть мера всех вещей!» И мы знаем этого человека – это каждый из нас. В этом мире имеет право на существование только то, что кому-то нужно. Это мир удовлетворения и даже возбуждения любых желаний, он замкнут сам на себя. Он лишен трансценденции. А любая попытка протеста переваривается им за счет создания еще одного сегмента рынка: «А вот это наши хиппи, а это «новые левые», а вот тут – «новая духовность» New Age...». Развитие происходит за счет дифференциации, если не фрактализации разнообразия прошлого и настоящего. Такой мир оказывается лишенным образа будущего, он накапливает разнообразие за счет перепевов, римейков и сиквелов хорошо известного, его остранения и деконструкции. Поэтому российский опыт поисков трансцендетного и утверждения «царствия небесного» или «светлого будущего» здесь и сейчас выглядит для части западной интеллигенции «глотком духовности».

Так, может, и перестать кого-то догонять, надрывать пуп, экономику и общество... Пусть летят все буреветники свободы и инновационности в свой мир имманентной медиации. А оставшимся – войти в глобализированный мир со своей уникальностью, сделав из страны этакий «бутик духовности» и «практик трансцендирования»... Сделать русской национальной идеей *down shifting* – тем более, что нефтегазовая рента пока позволяет, а в Гоа и Таиланде все равно всем места не хватит. Одна беда – климат не тот. Разве что – глобальное потепление поможет... А если серьезно... , то... Российский либерализм имел и имеет ярких представителей во всех слоях российского общества. Но он популистичен и разрознен. Критическая масса его еще не накоплена, чтобы вылиться в институциональные формы.

И главное в этой связи – неполитический либерализм не сводится к институциональной свободе, правам человека, внешней свободе или свободам. Он предполагает – как свою основу и предпосылку – свободу

внутреннюю, суверенную, свободу самоутверждения и самоопределения. И внешняя свобода без внутренней невозможна. А ее отсутствие – главный диагноз российской культуры – спасибо А. П. Давыдову за ясность. Он закрыл тему поиска перспектив российского общества в его культуре, убедительно показав, что русская литература дала ответ. И что пришла пора работы ума и души по выработке ответственного самостояния. Каждого из нас. И эта работа нам предстоит. В России, как известно, надо жить долго. И можно, перефразировав заключительные строки этой книги, сказать, что если после ее прочтения «хотя бы один человек поймет, что надо вчитаться в классиков, взглядеться в себя, начать перестраивать мозги и осваивать, налаживать диалог, иначе раскол задушит каждого из нас, то, значит, Россия еще не на самом краю... и есть еще слабый луч надежды».

Мальчик неполитического либерализма в России был. Он просто никак не вырастал, потому как все выплескивался и выплескивался вместе с очередной грязной водой.

Более того, похоже, он и есть! И он не debil. Реальный неполитический реализм только еще формируется в России. Но не в художественной литературе, а в самой реальности, именно там, где ему положено – в среде отверженного русской литературой «третьего сословия».

Это наглядно продемонстрировали события зимы 2011-2012 годов. Все эти ролики с безобразиями на избирательных участках снимали молодые, вполне успешные люди на свои недешевые гаджеты. За годы «тучных коров» выросло поколение граждан, у которых появились какая-то собственность. И они хотят, чтобы их право на эту собственность уважалось. Они платят налоги. Они ждут на переходе зеленый свет. Они поняли: , чтобы все ехали, надо чтобы все придерживались правил, а если кто-то правила нарушает, то не едут все. У них не только появились интересы, но и некоторое достоинство. Они не хотят потрясений. Наоборот. Они хотят жить по правилам. И их обидели, даже оскорбили. Это был не политический, а гражданский протест. Никто из них не боролся за власть – они хотели привести власть в чувство, чтобы она соблюдала свои же правила. И это было реальное проявление неполитического либерализма.

Во всем мире слово гражданин восходит к «горожанин»: бюргер, буржуа, мещанин... И проблема состоит в том, чтобы российское общество признало в новой буржуазии своего непутевого, а то и приклатного, но сына, а эта буржуазия – признало в российском обществе свою больную, полубезумную, но мать. А это – тема, к которой отечественная литература еще всерьез не подступала.

Политические трансформации в России и современная политическая наука

События в российской политической жизни последних лет свидетельствуют о существенных трансформациях. Для современной политической науки они важны хотя бы тем, что звучавшие последнее время концепции типа «демократического трансфера», «гибридных режимов», «постколониализма» не справляются с квалификацией и объяснением этих событий, а значит, и сталкиваются с проблемой прогностики. Более того, сама динамика трансформации даже противоречит некоторым ключевым положениям этих концепций.

Так, вопреки добротной и респектабельной концепции человеческого развития, российское общество с начала нынешнего столетия все более явно движется в направлении доминирования ценностей выживания и традиционализма, а не ценностей свободной самореализации.⁷¹ И это несмотря на возврат некоторых институтов советского времени (доминирование государства в экономике, роль спецслужб, государственный контроль над медийной сферой), что позволяет говорить об «институциональной колее», возрождении «российской политической системы» и т.п. Но в 1970-1990-х динамика ценностного развития в СССР соответствовала цивилизационному мейнстриму, а сейчас движется вспять.

Думается, что ситуация является серьезным вызовом «нормальной» (в куновском смысле) политической науке, сформировавшейся на основе экономического маржинализма и связанной с ним экономической социологии. И этот вызов серьезен. Именно проблемы с адекватным ответом на него порождают спекуляции относительно «особого российского пути», российской «цивилизационной альтернативе» и т.п.

В данном сообщении предлагаются квалификация российской политической трансформации и попытка объяснения ее специфики.

Главное, что можно констатировать – современная Россия вернулась в цивилизационный тренд буржуазного общества. Советская сталинская индустриализация, хрущевская оттепель, брежневский «застой» оказались этапами формирования в нашей стране урбанистического образа жизни и общества потребления. «Перестройка» и приватизация только закрепили выход на политическую арену российского «третьего сословия».

⁷¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

Верный признак этого – рост националистических настроений. Нации, национализм – феномен Нового времени, следствие начавшейся индустриализации, интенсивной урбанизации, что вызвало к жизни новое качество легитимности власти и новую идентичность. Эта тенденция продолжилась и даже усилилась в Новейшее время. Сохранение колониальных границ новых государств, активный сепессиональный процесс свидетельствуют: возникающая буржуазия, принимающая все прелести глобализации, стремится застолбить свой «бутик».

Другим свидетельством буржуазности стало протестное движение, возникшее после выборов в ГД 20011 года. За «тучные» годы у граждан (напоминаю еще раз, что во всех языках слово «гражданин» восходит к «горожанин»: *Vuerger, bourgeois, citizen*) появилась недвижимость, личный транспорт, у некоторых – бизнес. Они не хотят потрясений. Наоборот: они хотят, чтобы все было по правилам. Последовавшие протесты носили не столько политический, сколько гражданский характер: от власти потребовали соблюдения закона, правил, ею же установленных.

В резкой реакции властей были задействованы все возможные средства, вплоть до стравливания столиц и регионов, различных социальных групп. Ситуация была продолжена событиями вокруг Украины. Стало понятно, что власть готова на все, потому что для нее на кону стоит слишком многое... Как и почему в России сложился именно такой тип власти?

Как уже отмечалось, методологическое лицо «нормальной» политической науки определяется экономической социологией преимущественно. Эта методология сформировалась в определенном историческом контексте, и нуждается в переосмыслении ее места и пределов в более широком историческом контексте.

Свободный рынок в духе *laissez-faire* существовал всего каких-то 30-40 лет в Англии, начиная с середины 1830-х годов. В дальнейшем развитие рынков шло благодаря мерам, организуемых и контролируемых из политического центра.⁷² Превращение конкурентных рынков в монопольные вело к нарастанию империалистической экспансии, приведшей к формированию колониальной системы. Но и распад этой системы, и дальнейшие практики регулирования рынков, как внутренних, так и международных – действие политических факторов. Именно на это обстоятельство и обратили внимание неонституционалисты,

⁷² *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб, 2002, с.157.

заговорившие об обществах ограниченного и неограниченного доступа к ресурсам и квалифицировавшие последнее как результат уникально сложившейся череды события, фактически, как «исторический вывих»⁷³. Таким образом, политэкономическая парадигма фиксирует конкретный исторический опыт на грани *ad hoc*.

Вплоть до XVIII столетия экономика была одной из функций государственной власти. С индустриализацией начался выход экономики из-под контроля универсального *Polizeistaat*.⁷⁴ Решающую фазу этого выхода, расцвет рыночной экономики и описали А.Смит и К.Маркс.

Со временем производство усложнилось, обеспечить контроль владельцы бизнеса были уже не в состоянии, и прибегали к услугам наемных управленцев, роль которых, чем дальше, тем больше возрастала, особенно в транснациональных корпорациях. Но, если владельцы отвечают собственностью, то менеджеры только за выполнение функций. При этом, интересы менеджеров, их ответственность могут не совпадать с интересами владельцев: примеры из новейшей истории американского бизнеса вроде историй с *Enron*, *Bank of NY* тому свидетельство.

В 1940 году вышла наделавшая много шума книга Д.Бёрнхема⁷⁵, который предрекал, что капитализм обречен, но на смену ему идет не социализм, а новый тип централизованного общества, радикально изменяющего буржуазную демократию, а скорее – вообще не имеющего никакого отношения к ней. Правящим классом в этом обществе будут те, кто реально контролируют средства производства – «менеджеры» (руководители компаний, бюрократы-администраторы, военные), которые сосредоточат в своих руках экономические ресурсы и власть. Частная и общественная собственности конвертируются в некий новый вид собственности. Место национальных государств займут некие большие конгломераты, сложившиеся вокруг индустриальных и экономических центров Европы, Азии и Америки. Их политические системы будут иерархичными: менеджериальная элита наверху и полурабская масса внизу. По сути это означает некую новую форму институциональной среды ограниченного доступа.

⁷³ Норт Д., Уолдис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки*. М.: ИН-т Гайдара, 2011.

⁷⁴ Фуко М. *Безопасность, территория, население*. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 году. СПб: Наука, 2011...

⁷⁵ Burnham J. *The managerial revolution: what is happening in the world*. NY: The John Day company, 1941.

Бёрнхем оказался скорее прав, чем не прав. Глобализация, формирование транснациональных компаний, фактический вассалитет национальных государств по отношению к странам G8, общее движение в сторону олигархии едва ли вызывает сомнение. Всё увеличивающаяся концентрация промышленной и финансовой мощи, все уменьшающаяся роль индивидуального капиталиста и акционера, рост влияния «эффективных менеджеров», упадок представительных институтов — всё это указывает на одну и ту же тенденцию.

Эти идеи получили respectable развитие (П.Друкер, П.Сорокин, Д.Белл, Т.Парсонс, Р.Дарендорф). Более того, с этой точки зрения гораздо проще, чем с какой-либо другой, объяснить происходившее в странах «реального социализма», что и было сделано М.Джиласом, М.Восленским, С.Кордонским.⁷⁶ Обращает на себя внимание и прямое временное совпадение оформления «нового класса» и номенклатуры в СССР с «революцией менеджеров» в западных странах.

Речь идет, по сути, об отделении собственности от контроля. Менеджер заботится не столько о прибыли, сколько о стабильности. Именно на этом идейном фоне формировалась в свое время идея конвергенции капитализма и социализма. Позднее к этому добавились теория и практика корпоративной социальной ответственности, корпоративного гражданства, сформировавшие основу нового корпоративизма, который К.Крауч уже в наши дни назвал «приватизированным кейнсианством»⁷⁷.

В таком — постиндустриальном — мире деятельность наемных технократов-управленцев, реализующих распоряжение не своей собственностью,⁷⁸ рано или поздно, но порождает конфликт интересов, побуждающий «новый класс» разрешить его в свою пользу. Если на Западе разрешение этого конфликта приняло характер многовекторного и многоуровневого разведения зон ответственности, полномочий, регулирования лоббистской деятельности, КСО, что придало новые формы экономическим и политическим отношениям, то в СССР

⁷⁶ *Djilas M.* The new class. NY: F.A.Preger, 1957; Восленский М. Номенклатура. М.: Политиздат, 1991; Кордонский С.Г. Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010; Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.

⁷⁷ *Крауч К.* Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010.

⁷⁸ Забавно, что первыми новую структуру элиты заметили именно марксисты: в конце жизни Ф.Энгельс (он умер в 1895 году), комментируя распространение практики акционерных обществ, которая как раз и вела к появлению фигуры управляющего, оценивал это как еще один симптом кризиса традиционного капитализма.

это приняло форму прямой конвертации управленческого влияния в собственность и власть.⁷⁹

Реформы 1990-х окончательно вернули Россию в общецивилизационный тренд. Но это возвращение в условиях слабого гражданского общества привело к тому, что с поверхностной точки зрения воспринимается как правовой нигилизм и тотальная коррупция. Номенклатура захотела конвертировать ренту распоряжения и использования в настоящую собственность. И – в нынешней России – отпал и профессионализм. Главное – принадлежность клану, в котором «своих не сдают». Особенно в госкорпорациях: все доходы – на расходы, не забывая супербонусы топ-менеджменту, ну, и конечно же – «нецелевые» расходы. Так что, не до акционеров – миноритариев.

И что же делать с этими «революционерами»? Новая общенародная экспроприация экспроприаторов? Или сам институт собственности отмирает? А с ним и ответственность... Очень похоже на конечный продукт общества потребления... А главное – объясняет природу нынешнего российского социума, как общества и экономики тотального недоверия. Но эта ключевая проблема уже выходит за рамки данного рассмотрения, которое, как представляется, открывает новые перспективы такого анализа.

Главное – отмеченные особенности новейшего российского политического развития суть проявления общеисторических тенденций. «Особость» им придают разве что используемые для описания концепции. Но политическую реальность надо осмысливать исходя из нее самой, не укладывая ее в рамки и схемы, которыми она не улавливается.

Проблемы и надежды

Перспективы обновления российского общества могут быть связаны с его консолидацией на конструктивной позитивной основе.

Возвращаясь к вопросу о деформации нормативно-ценностной модели российского общества, можно констатировать, что речь идет о глубокой травме этого общества. Причем, травме, закрепленной социально-демографически. На Рис.10 представлены ориентировочные социально-демографические профили нормативно-ценностных кластеров.

⁷⁹ Тульчинский Г.Л. Революция менеджеров по-русски. // Публичная политика-2013. СПб, 2013.

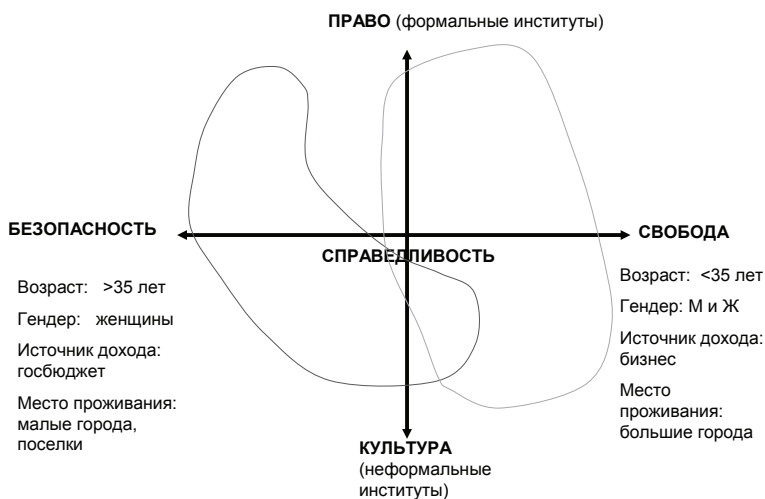

Рис. 10. Социально-демографические профили ценностно-нормативных кластеров

В этой связи, выявляются и условия реализации такой инженерии: обеспечение правовых гарантий личной инициативы, внятная социально-культурная политика с акцентированной ставкой на развитие городских агломераций, образование и молодежь.

Очевидны и основные направления и технологии необходимой социальной инженерии по преодолению этого дисбаланса, динамике социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества. Она возможна с опорой на модернизационный потенциал (высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью) и преодоление нормативно-ценностных барьеров (правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, отсутствие реального запроса на инновации, взаимное недоверие, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования).

Дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным). Сбалансированная компенсация предполагает формирование гражданской позиции и гражданской

идентичности – что показывает, кстати, не только зарубежный опыт, но и движение гражданского протеста 2011-2012 в России, участники которого сформулировали *de facto* запрос на формирование гражданской нации, на легитимную власть, способную реализовать справедливое отправление своих функций.

Подобно Турции и Мексике, Россия остается страной с «разорванными, расколотыми обществом и культурой». Этот раскол обусловлен «догоняющей» моделью развития, разрывом между верхушечной (властной и экономической) элитой, идентифицирующей себя с Западом, и основной массой населения, пребывающей в ином культурно-цивилизационном поле; внешним засильем западной культуры и одновременно – не тронутостью западным опытом, трудовой этикой глубинных пластов национальной культуры; а также отсутствием общенациональной идеологии примирения, объединения и сотрудничества, компенсирующей социальное неравенство и несправедливость.

Другой проблемой остается узкое нормативно-ценностное поле в российско-советском культурном опыте для социальной значимости личности. Фактически имеются только два варианта такой значимости, два пути самоутверждения и успеха – Власть и Слава. Мастерство, Дело и Богатство остаются пока вещами малопrestижными. Даже Богатство – вещь остающаяся нравственно сомнительной и неоднозначной. Массовое сознание в своем большинстве признает не столько этику жизненного успеха, сколько жертвенность во имя правды и справедливости.

Однако, по мере роста самосознания и самоопределения, по мере оформления и осознания социальных интересов Мастерство и Богатство неизбежно будут подниматься в глазах общества, становиться более ценными. Баланс социальных сил и личности будет рано или поздно выстроен. Дело не за идеологией и политикой, а за конкретной социальной инженерией, учитывающей рассмотренную ранее динамику человеческого развития от ценностей выживания к ценностям свободной самореализации.

Проблемы новейшего российского реформаторства не в направленности реформ, а в их исполнении, отсутствии опоры на собственный культурный опыт, каким бы «нерыночным» он не выглядел. Иного нет, а тот, что есть – не так уж, как оказывается и плох. По результатам социологических исследований динамики ценностных ориентаций в России начался и продолжается драматический переход от «тоталитарно-идеологической к плюралистически-человеческой системе ценностей». Согласно этим исследованиям, ценностная структура со-

временного российского сознания имеет концентрическую конфигурацию. Центральной ценностью выступает идеал спокойной совести. Периферию образуют ценности хороших отношений в семье, с друзьями, свобода, правда, добро, жизнь и т. д. Эта ценностная система повседневного гуманизма противопоставляется анти-ценности «властолюбивого эгоизма».

Парадоксально, но факт – мы имеем дело с тем же самым содержанием российского культурного опыта и главным его нервом – противостоянием народа и власти. У народа по-прежнему совесть чиста и спокойна, но у власти спокойной совести не может быть «по-определению». Но есть и обнадеживающие изменения. Упомянутая концентричная система ценностей повседневного гуманизма характеризует нормальное состояние сознания. В стрессовой ситуации (кризис, бедствие, катастрофа и т. п.) место спокойной совести в центре ценностной структуры занимает ценность самообеспечения безопасности. Иначе говоря, российский гражданин начинает понимать, что рассчитывать ему лучше на самого себя. Особенно в трудную минуту. Это уже серьезное изменение культурного опыта: при сохранении базового характера ценности безопасности и даже выживания, человек в большей степени рассчитывает на себя самого.

Общая гуманизация российского культурного опыта, его очеловечивание подкрепляются и рядом объективных факторов, создающих, как представляется, ряд «необратимостей». Прежде всего – это человеческий потенциал современной России. Сохраняющийся относительно высокий образовательный уровень, элитный уровень профессионализма в ряде сфер. Именно это не позволяет отождествлять Россию полностью с третьим миром, развивающимися странами. Речь идет не об интеллигенции («образованщине» и «образованцах»), а о массе образованных людей, горящих желанием самореализации. Не случайно ведь одну из наиболее продуктивных групп среди *new russians* составили бывшие научные сотрудники академических учреждений...

Опыт 1991 и 1993, 1998, 2011-2012 годов показывает, что в наши дни уже, наверное, невозможен бунт «бессмысленный и беспощадный» типа пугачевщины или 1918 г. Народ убедительно и веско продемонстрировал горькую и мудрую сдержанность и стойкость, показав, что он мудрее и зреее своих властителей. Очевидно, сыграли свою роль и всеобщее среднее образование, и просвещающая роль средств массовой информации. Люди, по крайней мере – умом, понимают опасность стихии митинга и погрома. Особенно важен вклад СМИ. Почти десять лет гласности создали ситуацию, когда любой самозванец отдает себе отчет в том, что все тайное станет явным не только через

полстолетия, а завтра, возможно, даже еще накануне, с упреждением. Интернет только закрепил эту ситуацию.

Медленно, со скрипом, но возникает правовая культура. То, что сделал Президент с Верховным советом осенью 1993 г. еще за год до этого было бы воспринято общественным мнением как должное. Но время меняется, меняется сознание – и теперь уже умом соглашаясь, что да, так надо, сердцем люди чувствуют, что нехорошо это, когда Президент переступает закон. И совсем плохо, когда танки расстреливают собственное законодательное собрание. Медленно, но вызревало сознание, что есть и должна быть высшая власть закона, перед которой должны уступать амбиции и целесообразность политиков любого уровня. Именно это сознание и выплеснулось в виде массовых гражданских протестов по ходу и итогам выборов 2011-2012 годов. И это был именно гражданский, а не политический протест.

Разумеется, ключевым вопросом перспектив развития российско-го общества является решение вопроса о собственности и ее правовых гарантиях. Худо-бедно, с злоупотреблениями, но делает свое дело приватизация, формирующая не пресловутое советское «чувство хозяина», а собственность и собственников. Будущее России существеннейшим образом зависит от того, как будет поделена общенародная собственность. Либо будет создан настоящий middle-class (инженеры, предприниматели, ученые, профессура, врачи, учителя, чиновники) – подлинный гарант социальной стабильности. Либо диктатура немногих обеспечит сохранность несправедливо захваченной собственности (например, когда летчики приватизируют не ими построенные самолеты). Либо – перспектива очередного «черного передела», «грабिжек» и всеобщее «кормление», т.е. очередная национальная катастрофа.

Потребительский и хищнический индивидуализм new russians оканчивается в значительной степени эмиграцией из национальной жизни, как демонстративный разрыв с традициями «советского народа». Но, узурпировав модернизацию в духе агрессивной вестернизации, элита добилась не менее агрессивного ее неприятия населением и дискредитации ценностей демократии и либерализма. А попытки найти поддержку на Западе ведет к далеко идущим уступкам в вопросах, жизненно важных для России, торговле национальными интересами и опять же – росту внутреннего напряжения в стране. Существует ли основа преодоления этой расколотости? Без сильного государства России не обойтись. Но сила его не может быть имперски-тоталитарной. Сила его может быть основана только на человеческой свободе.

Нельзя не отметить обнадеживающую идущую рывками демилитаризацию – политики, экономики, общественного сознания. Опять же рывками, с возвратами, но на смену ксенофобии приходит осознание своего места и своих интересов среди мирового сообщества. А вспышки, приступы антиамериканизма и антиевропейскости воспринимаются как временные внешнеполитические игры.

И наконец, главная необратимость, главная надежда – это то, что в новых условиях вошли в жизнь фактически уже три поколения – не зашоренных и не оболваненных, немного циничных, но зато считающих исключительно на свои силы. И в этом случае время работает на будущее России.

Требуются решения, не имеющие аналогов в истории по своей сложности и ответственности, либо демонтаж сложившихся традиций социального бытия, их полное разрушение. Но надо отдавать себе отчет в том, что вторая альтернатива имела бы своей ценой саму Россию, причем, не только имперскую, пораженную ксенофобией, агрессивным неприятием нового, но и столь узнаваемую своим творческим потенциалом и душевной теплотой. Вторая альтернатива означала бы отказ от российского культурного опыта, а значит и, с неизбежностью – от России.

Все сказанное позволяет констатировать, что российское общество имеет дело с серьезнейшим цивилизационным вызовом.

Как писал Г.Померанц, – «Возрождение России означает возрождение открытости, всемирной отзывчивости... Русскому не приходится бороться за внешнюю независимость... Стремление выращивать в себе специфически русское кажется мне смешным... Если мы вернем себе «всемирную отзывчивость»; если освободится и расширится творческая личность; если мы будем прислушиваться к вечности, не затыкая уши от шума времени, думать о вечном и писать об этом по-русски живым современным языком – сама собой расправится русская культура и одновременно вступит во владение своим прошлым и своими мировыми связями. Только такая культура сможет играть роль посредника между малыми народами Евразии и всем миром – и сохранить в Евразии присутствие русского языка».

Литература:

- *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности //Новый мир. 1988, №.8,9;
- *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. В 3 т.–М., 1875;
- *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. (I). // Полития, №2 (57) 2010, С. 122-144.
- *Амальрик А.* Просуществовал ли Советский Союз до 1984 г. // Погружение в трясины. –М., 1991;
- *Андерсон Р., Шихирев П.Н.* «Акулы» и «дельфины»: Психология и этика российско-американского делового партнерства. –М., 1994.
- *Анкерсмайт Ф.* Политическая репрезентация. М.: ВШЭ, 2012.
- *Д’Анкосс Э.К.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010;
- *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.
- *Ахиезер А. С.* Труды.М.: Новый хронограф, 2006;
- *Ачкасов В. А.* Этнополитология: СПб., 2005.
- *Баркашиов В.* Азбука русского национализма. М., 1994.
- *Бауман З.* Текущая современность. М.–СПб и др., 2008.
- *Белов А.А., Елисеев С.М.* Политические процессы и институты в современной России. СПб: СПбГУ, 2006;
- *Беляева Н.Ю.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам. // Полис, 2011. №3. С.72-87;
- *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990;
- *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990.
- *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001;
- *Боднер А.* Политическая культура общества и ее обусловленности //Политология вчера и сегодня. М., 1990, с. 216-229.
- *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: НЛЮ, 2011.
- *Болтански Л., Тевень Л.* Критика и обоснование справедливости. М. НЛЮ, 2013.
- *Бонхеффер Д.* Сопrotивление и покорность. М., 1994.
- *Бороноев А.О., Смирнов П. И.* Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб, 1992
- *Брубейкер, Р.* Этничность без групп. –М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- *Буковский В.* И возвращается ветер...-М.,1991;
- *Булавка Л.* Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008;
- *Бунин И.* Окаянные дни. М.: Сов.писатель, 1990.
- *Вершинская О. Н.* Инновационное развитие личности. Социология инноватики. М., 2011.
- *Веселов Ю. В.* Доверие и справедливость. М.: Аспект-Пресс, 2011.
- *Вехи. Из глубины.*-М.,1991;
- *Вехи российской истории.* – СПб, 1994;
- *Власть, бизнес и общество в регионах: Неправильный треугольник.* М.: РОССПЭН, 2010;
- *Власть в России: элиты и институты.* СПб: Интерсоцис, 2009;

- *Вокуев Н.Е.* Феноменология притворства в современной культуре (на материалах блогосферы). Автореферат на соискание ученой степени кандидата культурологии. СПб, 2013.
- *Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества. // *Pro at Contra*, 1997. т.2, N4, С.77-91.
- *Восленский М.* Номенклатура. – М., 1991;
- *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
- *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 2001.
- *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. – М., 1994;
- *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 2005.
- *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.
- *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- *Герцен А. И.* Собр.соч. в 7 тт. М.:Политиздат, 1950
- *Гилинский Я. И.* Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб: ДЕАН, 2009.
- *Глебова И. И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006.
- *Гордин Я.* Мятеж реформаторов. Л., 1989;
- *Гройс Б.* Стиль Сталин. // Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993.
- *Гудков Л.* Доверие в России: смысл, функции, структура. // Новое литературное обозрение. 2012, №117'5. Спец.выпуск. Семиотика августа в XX веке: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. II., с.249-280.
- *Гудков Л. Д.* Феномен «простоты» О национальном самосознании русских // Человек. 1991, №. 1;
- *Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция. СПб: Изд.И.Лимбаха, 2009;
- *Гумилев Л. Н.* От Руси к России. – СПб, 1992;
- *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Наука, 1990.
- *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- *Дубнов С. М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для исследования моего времени. СПб: Петербургское востоковедение, 1998.
- *Дудченко В.* Гражданин-невидимка. Сопrotивление и сила «лагерного человека» //Век XX и мир. 1991, №.1, с.26-30;
- *Дука А. В.* Политическая культура – поиски теоретических оснований. // ПОЛИТЭКС. 2006, №1, с.7-30.
- *Евразийство: Мысли о России.* М., 1992.
- *Жизнеописания* достопамятных людей земли Русской. X-XX вв. –М.,1992;
- *Жувенель Б. де.* Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, 2011.
- *Журавлева В. И.* Понимание России в США: Образы и мифы. 1881-1914. М.: РГГУ, 2012. – 1368 с.
- *Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

- *Захаров А.* «Спящий институт»: федерализм в современной России и мире. М.: НЛО, 2012. – 144 с.
- *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991;
- *Зеньковский В. В.* История русской философии. В 4 тт.– Л., 1991;
- *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М., 1994.
- *Зомбарт В.* Буржуа. – М., 1994.
- *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
- *Имидж России: концепция национального и территориального брендинга.* М.: Экономика, 2012.
- *Империи Нового времени: типология и эволюция. (XV-XX вв.).* СПб, 1999.
- *Имперский вопрос – национальный ответ.* М.: ВШЭ, 2009.
- *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.
- *Иного не дано.* – М., 1988; В человеческом измерении. М., 1989; Через тернии. М., 1990; Погружение в трясину. М., 1991.
- *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. – СПб., 2001. – 320 с.
- URL: <http://corpculture.ru/content/tipologiya-korporativnykh-kultur-k-kamerona-i-kuinna>
- *Кантор В.* «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011
- *Кантор В. К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. – 542 с.
- *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000.
- *Капитонов Э. А.* и др. Корпоративная культура: теория и практика. – М.: Альфа-пресс. 2005.
- *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995.
- *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций. // Полис, 2004, №4. С.6-27.
- *Карцов А. С.* Толкование Конвенции: «консерваторы» versus «либераль».. – В кн.: «Европейская конвенция по правам человека»: теоретические проблемы и практика реализации в современной России. Сб. статей / Под ред. В. А. Ачкасова – СПб: Изд-во СПб университета, 2002, с. 146-156.
- *Касьянова К.* О русском национальном характере. – М.: Ин-т национ. модели экономики, 1994;
- *Клосс Б.М.* О происхождении названия «Россия». М.: ЯСК, 2012.
- *Кордонский С.Г.* Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010.
- *Кордонский С.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.
- *Короленко В. Г.* Земли! Земли! – М., 1991;
- *Крауч К.* Пост-демократия. М.: ВШЭ, 2010.

- Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // ПОЛИС. 2007. №6. С. 2–23.
- *Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* М.: МШПИ, 2002/
- *Кюстин де.* Николаевская Россия. М., 1990;
- *Ламаджаа Ч.К.* Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб: Алетей, 2010.
- *Лебедев А.А.*: 1) Красота и ярость мира. М., 1989; 2) Чаадаев. М., 1964; 3) Честь. М., 1989;
- *Ленин В.И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1974, т. 33, с.1-120.
- *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984;
- *Лосский Н.О.* Характер русского народа // Его же. Условия абсолютного добра. М., 1991;
- *Лотман Ю.М.*: 1) Избр. статьи в 3-х тт. Таллинн, 1992-93;
- *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992;
- *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 1999.
- *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005.
- *Малинова О.Ю.* Либерализм в политическом спектре России. – М.: Памятники политической мысли России, 1998. Глава 1.
- *Малинова О.Ю.* Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Политическая идентичность и политика идентичности. М. 2012. С. 332-354;
- *Малинова О.Ю.* Универсальные права человека и вызовы культурного релятивизма. // Civitas, 2003, 1, с. 11-16
- *Миллер А.И.* Империя Романовых национализм. М.: НЛЮ, 2006.
- *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 тт. – М.: Прогресс-Культура, 1994;
- *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб, 2002. – 272 с.
- *Момот М.* Демократия и ее польза: О происхождении «народного правления», госдолге, неравенстве и налогах. М.: Территория будущего, 2013.
- *Мосунова Н.А., Корнев Г.П.* Нациепонимание: Поиск объективных оснований и социальное конструирование. СПб: Алетей, 2012.
- *Муратов С.В.* ТВ – эволюция нетерпимости. (История и конфликты этических представлений). М., 2001.
- *Наследие империй и будущее России.* / под. ред. А.И. Миллера. М.: НЛЮ, 2008.
- *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Политика региональных властей в России: типы, субъекты, институты и современные вызовы. // Полис, 2011, №1. С. 80-96;
- *Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А.* Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011;
- *Новая имперская история постсоветского пространства.* / Под ред. И.Герасимова и др. Казань: Центр иссл. нац-зма и импер., 2004.

- Нозик Р. Анархия, государство и утопия – М.: ИРИСЭН, 2008;
- *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011.–480 с.
- *О российской и русской философской культуре.* М., 1990;
- *Паин Э.А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд., 2004.
- *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993;
- *Пайнс Р.* Русский консерватизм и его критики. М.: Новое издательство, 2008.
- *Пайнс Р.* Собственность и свобода. М., 2000.
- *Панарин А. С.* Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
- *Панов П. В.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011.
- *Петрова Л. А.* Общественные советы при органах власти: опыт Санкт-Петербурга. // Публичная политика – 2009. Сборник статей. – СПб: Норма, 2010. С. 187-193;
- *Пивоваров Ю. С.* Политическая культура: Методологический очерк. М.: ИНИОН, 1996;
- *Пивоваров Ю. С.* Русская политическая культура и political culture: (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. №3. С. 23–50;
- *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
- *Политическая идентичность и политика идентичности.* Том 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012.
- *Политическая идентичность и политика идентичности.* Том 2. Идентичность и социально-политические изменения. XXI веке. М.: РОССПЭН, 2012.
- *После империи.* /Под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Фонд либеральная миссия, 2007.
- *Пригов Д. А.* Само-иденти-званство // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. 2001. №13.
- *Проект Россия.* В 3 томах. М.: ЭКСМО, 208-2010
- *Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.
- *Расков Д. Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб: СПб ГУ, 2012.
- *Розанов В. В.* Когда начальство ушло. М., 1997.
- *Российская империя в зарубежной историографии.* /под ред. П.Верта, П.Кабытова, А.Миллера. М.: Новое изд., 2005.
- *Российская империя в сравнительной перспективе.* /под ред. А.Миллера. М.: Новое изд., 2004.
- *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн.* М., 1993, с.328-346.
- *Россия.* Планетарные процессы. – СПб, 2002.
- *Русская идея.* М., 1992.
- *Русские советские песни.* М., 1952;
- *Русский народ.* Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1992;
- *Савинков Б.* Избранное Л., 1990;

- *Смирнов В. Н.* Политический терроризм в Российской Империи. Харьков: Титера Нова, 21012.
- *Смирнов И. П.* Самозванство, или Ролевая революция. // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. №13. М., 2001, с. 33-58;
- *Соловьев В. С.* Соч. в 2 тт. М., 1989;
- *Стетун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. London: Overseas Publ. Interchange Ltd., 1990. Т. II.
- *Троцкий Л. Д.* Перманентная революция. М.: Азбука-классика, 2009.
- *Тульчинский Г.Л.* Бизнес в России: проблема социального признания и уважения. М.: Вершина, 2006.
- *Тульчинский Г.Л.* Глобализация и разнообразие культур – все еще только начинается. Причины и перспективы противостояния в современной цивилизации. // Международные организации в России и проблемы культурной интеграции. СПб: РГПУ, 2007, с.214–239. См. также: // http://www.megaregion.narod.ru/articles_text_17.htm
- *Тульчинский Г.Л.* Имперская культура как потенциал свободы // Империя и либералы. СПб: «Звезда», 2001, с. 46-51.
- *Тульчинский Г.Л.* Культура и мифократия. // Митин журнал. 1990, №31 <http://kolonna.mitin.com/archive.php>.
- *Тульчинский Г.Л.* Маркетизация гуманизма. Массовая культура как реализация проекта Просвещения: российские последствия. // Человек.ru. Гуманитарный альманах. №3. Антропология в России: школы, концепции, люди. Новосибирск, 2007, с. 194-216;
- *Тульчинский Г.Л.* Массовое общество и средний класс как источник национализма. // Этнические процессы в глобальном мире. СПб: СПб: Астерион, 2012, с.15-19.
- *Тульчинский Г.Л.* О федерализме. // Социум и власть. 2008, №1 (17), с.58-62.
- *Тульчинский Г.Л.* Об одной ошибке русской философии // Вопросы философии. 1995. №3. с. 83-94;
- *Тульчинский Г.Л.* Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.7, Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2012, с.395-401
- *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персоналогия. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. Спец.: Глава 7. Постимперская идентичность и этика трансформирующегося общества, сс. 563-626.
- *Тульчинский Г.Л.* Россия. Либеральная империя или свободная страна. // Top-Manager. Журнал для руководителей. 2007, №2, с.71-73.
- *Тульчинский Г.Л.* Санкт-Петербург: колыбель трех с половиной российских персоналогий. // Петербург на философской карте мира. Вып.3. СПб: СПб НЦ РАН, 2004, с.8-17.
- *Тульчинский Г.Л.* Санкт-Петербург: постимперская культура как потенциал открытого общества. // Восточная Европа: Феномен Балтии. СПб, 2004, с.24-44.
- *Тульчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). Lewiston-

Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press. 2001. Спец.: Часть III. Свобода и трансформирующееся общество, сс. 305-425.

- *Тульчинский Г.Л.* Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре. // Человек. Культура. Образование. 2011, №2, с.5-14;
- *Тульчинский Г.Л.* Цивилизационный выбор: рациональность и религия. // Человек.RU: Гуманитарный альманах. №1. Новосибирск: НГУЭУ, 2005, с.83-111.
- *Тульчинский Г.Л.* Этапы политической институционализации: от идеи к институту. // Политические институты в современном мире. СПб: Аллегро, 2010, с.358-360.
- *Ульянов Н.И.* Русское и великорусское // Родина. 1990, №3;
- *Уолцер М.* О толерантности. М.: Идея-Пресс, 2000.
- *Федотов Г.П.*: 1) Святые Древне Руси.М.,1990; 2) Статьи и письма. Париж, 1989; 3) Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.,1991; Судьба и грехи России. ТТ.1-2. М., 1991.
- *Формизано Р.* Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. №3. С. 111–146.
- *Франк С.Л.*: 1) По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир, 1990, №4; 2) Этика нигилизма. Л.,1990;
- *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – 603 с.
- *Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008.
- *Харрисон Л.* Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008.
- *Хеллберг-Хирн Е.* Печать империи. Постсоветский Петербург. СПб: Европейский дом, 2008.
- *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы 1993-2006. М.: РАСПЭН, 2007.
- *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. сочинений и избранные письма. В 2 тт. М., 1991.
- *Чалидзе В.* Уголовная Россия. М.,1990;
- *Чернышевский Н.Г.* Полн.собр.соч.: в 15 тт. М.: Политиздат, 1947-1950.
- *Шабаев Ю.П.* Этнополитология в России: «наука без периферии» // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007), РОССПЭН. М., 2008. С.145-164.
- *Шаламов В.* Манифест о «новой прозе» //Вопросы литературы. 1989, №. 5;
- *Шафаревич И.* Есть ли у России будущее. М., 1991.
- *Шек Х.* Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.
- *Шихирев П.Н.* Введение в российскую деловую культуру. – М.. 2000.
- *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. // Полис, 1996, №5. С.16-27;
- *Эткинд А.* Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: НЛЮ, 2013.
- Этнополитические конфликты: пути трансформации. М.: Наука, 2007.
- *Этциони А.* От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004.
- *Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Типология публичной политики в регионах России. //Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов

- политики. Сборник научных статей – Краснодар: Кубанский государственный университет. 2010. С. 42-50.
- *Яковенко И. Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Нвсб: Сибирский хронограф, 1999.
 - *Ясин Е. Г.* Фантомные боли ушедшей империи. // [http:// www.liberal.ru](http://www.liberal.ru)
 - *Ясин Е. Г. Снеговая М. В.* Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
 - *After Empire.* Multiethnic Societies and Nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires./ Barkley K., Hagen M., von (eds.). Boulder, 1997
 - *Almond G.A., Verba S.* The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.
 - *Anderson B.* Imagined Communities. L.-NY: Verso, 2006.
 - *Beissinger M. P.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge, MA, Cambridge Univ. Press, 2002.
 - *Bond M.* Chinese Values and Search for Culture-Free Dimensions of Culture. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1987, Vol.18, №2.
 - *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge. 1999.
 - *Doyle M.* Empires. Ithaca, N.Y., 1986.
 - *Eisenstadt S. N.* Tradition, Change and Modernity. –N.Y., 1973.
 - *Empire and Society.* / T.Hara, M.Kimitaka (eds.). Sapporo: Hokkaido Univ. Slavic Research Center, 1997.
 - *The End of Empire?* The transformation of the USSR in Comparative Perspective./ Dawisho K., Parrot B. (eds.) . Armonk, N.Y., 1997.
 - *Gel'man V.* Out of the Fryng Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. // Int. Political Sci. Rev. 29, 2008. Pp. 157-180; Michael McFaul. Transitions from postcommunism. // J. of Democracy, 16, 2005. Pp. 5-19.
 - *Gibbins J.* Contemporary Political Culture: an Introduction // Contemporary Political Culture: Politics in a Postmodern Age / Ed. by J.R. Gibbins. London: Sage Publications, 1989. P. 1–30.
 - *Gifford Ch.* The Rise of the Post-Imperial Populism: the case of the right-wing Euroscepticism in Britain. // European Journal of Political Research. 2006, №. 5, pp.856-857;
 - *Handy C.* Undersfanding Organizations. N.Y., Oxford, 1993
 - *Hellberg-Hirn E.* Imperial Imprints. Post-Soviet St.Petersburg. Helsinki: SKS, 2003.
 - *Hersey P., Blanchard K.H., Johnson D. E.* Management of Organizational Behavior. Leading human resources. (10th Edition) New Jersey: Prentice Hall, 2012.
 - *Heunks F., Hiksypoors F.* Political culture 1960-1990 // Values in Western Societies /ed. by de Moor R. Tilburg, 1995, p. 51-82.
 - *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, L.: Cornell Univ. Press, 2005.
 - *Hofstede G.* Culture's Consequences. L.: SAGE Publications, 2001.
 - *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd Edition, Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2001; URL: [http:// www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml](http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml)

-
- *Hofstede G., Hofstede G.J., Michael Minkov M.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGraw-Hill USA, 2010; URL: [http:// www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml](http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml)
 - *Hollinger D.* Postethnic America: Beyond Multiculturalism. New York, 1995.
 - *Hosking G.A.* Russia and the Russians: a history from earliest times to 2001. London: Penguin books, 2002.
 - *How Values Shape Human Progress.* / ed.by L.Harrison, S.Hantington. N.Y.: Basic Books, 2000.
 - *Imperial Formations and Their Discontes.* / A. L. Stoler, C.McGranaham, P.C.Perdue (eds.). Santa Fe, 2007.
 - *Imperial Rule.* / A.Miller, A.Rieber (eds.) Budapest: CE University Press, 2004.
 - *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire.* / K.Matsuzato (ed.). Sapporo: Hokkaido Univ. Slavic Research Center, 2006.
 - *In From the Margins.* Contribution to the Debate on Culture and Development in Europe. A Report prepared for the Council of Europe.... Strassburg (Culture Committee of CE), 1997.
 - *Inglehart, Ronald F.* (1977). The Silent Revolution, Princeton University Press.
 - *Kamen H.* Spain's Road to Empire. The Making of a World Power. Harmondsworth: Peguin, 2002.
 - *Kavanagh D.* Political Science and Political Behavior. London: Allen &Unwinn, 1983.
 - *Kim Y.C.* The Concept of Political Culture in Comparative Politics // The Journal of Politics. 1964. Vol. 26. N 2. P. 313–336;
 - *Lewis R.D.* When Cultures Collide. Leading across cultures. Boston-London: Nicolas Brealy Intern., 2012.
 - *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and its Rivals. L.: John Murray, 2000.
 - *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during the World War I. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
 - *Miths and nationhood.* / Ed. G.Hosking, G.Schoepflin. L.: Hurst, Univ.of London, 1997.
 - *Motyl A.* Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires. N.Y., 2001.
 - *On Religion and Empire.* Missions, Conversions and Tolerance in Tzarist Russia. / R.Geraci, M.Khodorkovsky (eds.). Ithaca, L.: Cornell Univ. Press, 2001
 - *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism 191701923. Cambridge (Mass.): Harvard Univ.Press, 1964.
 - *Pipes R.* Russia under the Bolshevik regime. NY: Alfred A.Knopf, 1993.
 - *Rosenbaum W.A.* Political Culture: Basic Concept in Political Science. N.Y., 1975
 - *Russia's Identity in International Relations. Images, Perceptions, Misperceptions,* R.Taras (ed.) Abingdon and New York: Routledge, 2013.
 - *The Russian intelligentsia.* NY, 1961.
 - *Somers M. R.* What's Political or Cultural about Political Culture and the Public Sphere? Toward an Historical Sociology of Concept Formation // Sociological Theory. 1995. Vol. 13. N 2. P. 113–144;
 - *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin.* /R. C. Suny, T.Martin (eds.) Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.

- *Sünker H.* Are Intellectuals the Keepers of Political Culture? Some Reflections on Politics, Morality, and Reason // Nationalism, Ethnicity, and Identity: Cross National and Comparative Perspectives / Ed. by R. F. Farnen. New Brunswick, New Jersey; London: Transaction Publishers, 1994. P. 193–204.
- *Taras R.* Europe Old and New: Transnationalism, Belonging, Xenophobia. Lanham, 2009.
- *Toulchinsky G.* Culture and Mythocracy. // Re-Entering the Sign: New Critical Languages in the Soviet Union. (Ed. By Ellen Berry and Anesa Miller-Pogacar. Bowling Green: University of Michigan, 1991;
- *Tulchinsky G. L.* Russia's Brand as a Problem and Dream. // Russian Journal of Communication. Vol. 1, №. 2 (Spring 2008), p. 220-222.
- *Tulchinsky G. L.* St.Petersburg Paradox: Post-Imperial Identity as Potentia for Open Society // VI the International Council for Central and East European Studies (ICCEES) World Congress. (Tampere 29 July – 3 August). Abstracts. Tampere, 2000, p.437.
- *Tulchinsky G. L.* When the wind blows, or Under the Cold Light of Freedom // Beyond Borders. Magazine of the European Cultural Foundation. 2003, №. 4 (June), p.38-40.
- *Vertovec S.* Transnationalism. NY, London, 2009.

Содержание

Предисловие	5
1. Политическая культура: значение и подходы к изучению	8
<i>Понятие и роль политической культуры. Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации. Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры.</i>	
2. Нормативно-ценностное содержание российской культуры.....	40
<i>Смысловое содержание российского культурного опыта: источники и обобщение. Народ и власть.</i>	
3. Становление российской политической культуры: «искушения» власти и властью.....	56
<i>Искушение III Римом: Святая Русь и имперскость. Русское и российское. Феномен интеллигенции. Испытание рационализмом Просвещения. Драма декабризма. П. Я. Чаадаев. «Новые люди» в подполье. «Чудо-партия» по ту сторону добра и зла. «Цветы зла» Русского Ренессанса. Невостребованные альтернативы свободы</i>	
4. Советский цивилизационный эксперимент	80
<i>Легитимация насилия. Мифократия. Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х. Начало конца: шестидесятничество и барачная этика в отдельных квартирах. Смыслоутрата</i>	
5. Уроки и перспективы российской политической культуры.....	102
<i>Российская специфика массового общества. Российская политическая культура и перспективы модернизации. Постимперская культура как потенциал открытого общества. Советский урок национальной политики и этнофедерализма: перспективы российского национализма. Судьба либерализма в России. Проблемы и надежды.</i>	
Заключение	
Литература	165

